Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

8086
I.8.
73896
87

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

АНАТОЛІЯ БРЯНЧАНИНОВА.

Изданіе Н. И. Сергіевича.

МОСКВА.

Въ Типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, домъ Карлони.

1870.

Bryanchaninov, Anatolii Aleksandrovich

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

АНАТОЛІЯ БРЯНЧАНИНОВА.

Изданіе Н. И. Сергіевича.

МОСКВА.

Въ Типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, домъ Карлони.

1870.

PG-3453
.B688P6

104837
'07,

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изъ повѣстей, вошедшихъ въ составъ настоящаго изданія, три: «Безъисходная доля,» «Три свиданія» были помѣщены въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1867 и 1868 годы, «Изъ колеи» — въ Сынѣ Отечества 1869 года; остальныя: «Игрушка,» «При фальшивомъ освѣщеніи» и «Лучъ счастія» печатаются въ первый разъ.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Безъисходная доля 1

II. Три свиданія 41

III. Изъ колеи 59

IV. Игрушка 81

V. При фальшивомъ освѣщеніи 119

VI. Лучъ счастія 235

БЕЗЪИСХОДНАЯ ДОЛЯ.

(В-ъ А-ъ К-ой.)

БЕЗЪИСХОДНАЯ ДОЛЯ.

Повѣсть въ тринадцати письмахъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Отъ Владиміра Николаевича Чоглокова къ Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сельцо Родники, 18.. года.

Вотъ уже два мѣсяца, любезный другъ Алексѣй Петровичъ, какъ я изъ вагона Николаевской желѣзной дороги попалъ въ свое родное гнѣздо или, выражаясь цвѣтистѣе, увидѣлъ родныя Палестины. Ты, можетъ быть, слегка претендуешь на мою неторопливость въ обмѣнѣ мыслей, но что-же дѣлать: славянская натура, отдыхъ съ дороги, обдумываніе новаго рода жизни, хозяйство (ты, пожалуста, не смѣйся) и проч.—достаточныя причины къ извиненію моей, въ настоящую минуту деревенской лѣни. Поселился я покамѣстъ въ тѣхъ комнатахъ нижняго этажа, гдѣ, помнишь, мы такъ усердно долбили грамматику Востокова и прочія мудрости, гдѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, что вотъ-вотъ старый буфетчикъ Кузьма позоветъ насъ наверхъ завтракать и тѣмъ прекратитъ наши утреннія занятія, — откуда наконецъ мы пересѣли въ тарантасъ для отправки въ Петербургъ. И вотъ теперь, черезъ двадцать лѣтъ (страшно подумать!), я опять въ тѣхъ-же комнатахъ... та-же мебель, то-же зеркало, надъ

—не тутъ-то было, скажетъ: «да, не дурно», и только... Совершенная рыба, а между тѣмъ премиленькая.

Ну вотъ тебѣ, добрѣйшій мой Алексѣй Петровичъ, легкій, но вѣрный абрисъ моего житья-бытья; если прибавить къ этому, что аккуратно два раза въ недѣлю твой старый пріятель кучеръ Филиппъ (тотъ самый, что таскалъ для тебя всегда рѣпу) напивается пьянъ до безобразія, да что буфетчикъ Кузьма до сихъ поръ живъ еще, и не смотря на свои слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, обижается, когда я не зову его служить за столомъ, то картина моей деревенской жизни будетъ окончательно подмалевана; что же касается сильныхъ тѣней, яркихъ красокъ и бликовъ, то ихъ нѣтъ, да и взять не откуда.

Ну, однако тебѣ, человѣку занятому, некогда прочитывать мои досужія бредни, а потому я краснорѣчиво умолкаю.

Твой *В. Ч.*

P. S. Филиппъ подкутилъ, и такъ какъ въ это время онъ дѣлается весьма нѣженъ и многоглаголивъ, то и проситъ меня поклониться барченку Алексѣю Петровичу; онъ все еще считаетъ тебя мальчикомъ, жаждущимъ одного—рѣпы!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ Алексѣя Петровича Дубровина къ Владиміру Николаевичу Чоглокову.

Петербургъ, 18.. года.

Ну, надумался наконецъ, дружище, черкнуть пріятелю,—пора! А я уже полагалъ, что растянувшись на изумрудномъ коврѣ сельскихъ злаковъ, подъ сѣнію родныхъ древесъ, ты и позабылъ что существуетъ въ столичномъ градѣ Св. Петра нѣкій Дубровинъ, который очень интересуется твоимъ

препровожденіемъ времени, твоимъ образомъ жизни. Письмо твое обрадовало, хотя и не удовлетворило меня; между нами будь сказано, résumé его слѣдующее: ты встрѣтилъ кузину Ольгу, въ которую, въ скобкахъ, пожалуй не прочь и влюбиться; буфетчикъ Кузьма живъ и все хочетъ служить за столомъ, кучеръ Филиппъ пьянъ и велѣлъ мнѣ кланяться вотъ *суть* письма,—остальное, по моему, дребедень, ни къ чему не ведущія іереміады. Ты удивляешься и охаешь-что все состарилось и измѣнилось, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ это новость какая; стонешь, что до сихъ поръ ничего изъ жизни не вынесъ, что сердце твое еще ни разу не сказалось какъ слѣдуетъ, ну, и прочее въ этомъ родѣ... Да чего же тебѣ надо, Владиміръ? Любви? Да вѣдь ты любилъ. Нѣсколько разъ, сколько мнѣ помнится. Какая это любовь! отвѣтишь ты мнѣ, знаю. То были вспышки; намъ, дескать, подавай любви *съ пылу*, любви прожигающей до мозгу костей! Такъ что ли? Эхъ, братъ Володя, не ищи ты бликовъ да яркихъ красокъ, не гуляй ты по заоблачнымъ странамъ, а спускайся чаще на землю. Какъ будешь смотрѣть на все простымъ глазомъ, а не чрезъ увеличительное (да еще, пожалуй, чрезъ розовое) стекло, такъ и перестанешь нести околесную. Вѣдь отрезвился же я, попалъ въ колею... А ты бродишь, бродишь, и все попасть не можешь! Нашъ братъ, практикъ, подойдетъ къ чему нибудь прямо, да сразу и увидитъ вещь какая она есть, а ты непремѣнно зайдешь съ другой стороны, да еще воображеніе поможетъ ошибкѣ, —ну, и срѣзался. Вспомни-ка зады: «Не тотъ богатъ кто много имѣетъ, а кто малымъ умѣетъ довольствоваться,» написано было великолѣпнымъ почеркомъ на прописяхъ нашихъ, и справедливо. Бери отъ жизни то, что она даетъ, не требуй больше, трудно плыть противъ теченія! Мнѣ что досадно и больно: сгубитъ тебя это непониманіе жизни, этотъ проклятый романтизмъ! Пойми, что первый твой врагъ ты самъ! Ну, однако, довольно проповѣдывать; ты хоть и —добрѣйшая душа, а все же можешь нахмуриться; разскажи лучше: бываешь ли въ городѣ, съ кѣмъ познакомился—ну,

однимъ словомъ, распиши мнѣ все какъ быть надлежитъ, пожалуй даже и съ бликами. О себѣ писать нечего: живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Да кстати, займись-ка, Владиміръ, хозяйствомъ; чай у тебя въ селѣ дымъ коромысломъ; всѣ эти старички и старушки, обломки de la vieille roche, облеченные въ званія старостъ, конторщиковъ и ключницъ, вѣроятно, надуваютъ тебя преисправно, въ то время когда ты у гремящаго ручья слушаешь его таинственную сагу. Полно глядѣть на наслѣдственныя земли какъ на сказочныя дебри и веси, а различай-ка пашню и покосы. Жалѣю, что въ Родникахъ и земля хороша, и мѣстоположеніе прекрасное. Засадилъ бы я тебя въ моховое болото съ рѣдкими, кривлявыми сосенками,—неужто и тамъ ты нашелъ бы чѣмъ восхищаться—развѣ клюквой? Придумалъ бы изъ нея небывалый нектаръ, въ общежитіи обыкновенно именуемый клюковымъ морсомъ.

Ну, прощай голубчикъ, пиши чаще, подробнѣе, искреннѣе, не обращай вниманія на мои разглагольствованія и не сердись на твоего неисправимаго

Алексѣя.

P. S. Филипу спасибо за поклонъ, скажи ему, что не хорошо такъ пить. Втолкуй ему, что вѣдь это тоже своего рода непониманіе и назначенія человѣка и свойства желудка.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Отъ Владиміра Николаевича Чоглокова къ Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сельцо Родники 18.. года.

Да, неисправимъ ты, Алексѣй Петровичъ! Любишь таки *консейльки* читать, какъ говорятъ институтки. Чего, чего не написалъ! Вѣдь вотъ что значитъ быть начальникомъ отдѣленія! Ты, я увѣренъ, каждое утро читаешь наставленія сво-

имъ подчиненнымъ. Ну, да это ничего, знаю, что *любя наказуешь*.

Ты спрашиваешь, бываю ли я въ городѣ, съ кѣмъ познакомился, что за субъекты вращаются въ сферѣ губернской жизни. Мудрено отвѣчать тебѣ на этотъ вопросъ; ты вѣдь знаешь, что я не охотникъ до визитовъ и новыхъ знакомствъ, переѣхалъ въ провинцію не для службы и тасканья по вечерамъ, а потому, въ силу этого аргумента, не нахожу нужнымъ гнуть свою барскую выю передъ сильными міра сего. Живу покамѣсть какъ медвѣдь въ берлогѣ (чему опять-таки моя славянская натура чрезвычайно рада), и за исключеніемъ дома дяди, да молодаго сосѣда Кашкина, не посѣщаю никого. A propos: я еще ничего не говорилъ тебѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ: онъ не болѣе года какъ переѣхалъ въ свою усадьбу, усердно занимается хозяйствомъ, много читаетъ, жизнь ведетъ скромную и приличную, рисуетъ, занимается музыкой, однимъ словомъ, имѣетъ достаточно рессурсовъ чтобы не скучать,—рѣдкость, въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи, которое или положительно ничего не дѣлаетъ или, фразируя и подготовляясь къ чему то особенному, къ какой то небывалой борьбѣ, проводитъ лучшіе годы въ тунеядствѣ, все собираясь; а въ результатѣ оказывается испорченное сердце да пустая голова! Отчего же въ наше время мы болѣе были склонны къ умственному труду, серіознѣе смотрѣли на образованіе, не такъ легко увлеклись нелѣпыми теоріями? А теперь что видимъ мы въ нашихъ молодыхъ людяхъ? Хаосъ и умственный и нравственный; голова набита Богъ знаетъ чѣмъ, а положительныхъ знаній нѣтъ, все теоріи да системы, а шаткость въ убѣжденіяхъ, основы религіозныя, нравственныя, отношенія семейныя—все потрясено, все перепутано, все бродитъ... а что еще выбродится!

Кашкинъ премилый и предобрѣйшій человѣкъ; мы часто съ нимъ видимся; иногда проводимъ цѣлые вечера: съ нимъ есть о чемъ поговорить. Усадьба его небольшая, но премиленькая: хорошенькій домъ, въ родѣ дачи, съ садикомъ—

все подметено, подстрижено, вычищено. Чистота—слабость Кашкина. Я его познакомилъ съ дядей, но онъ не часто посѣщаетъ его; мнѣ показалось, будто онъ побаивается женщинъ. М. Чевскій недавно вернулся изъ командировки и довольно часто является къ дядѣ, которому онъ, кажется, нравится; онъ боекъ въ разговорѣ, и, зная всѣ городскія сплетни, трещитъ безъ умолку, а старикъ этому и радъ. Къ тому же у него прекрасное состояніе, извѣстенъ губернатору какъ дѣльный и расторопный чиновникъ, съ изящными манерами, хорошо танцующій. Около Ольги онъ вьется какъ волчокъ, но какого она о немъ мнѣнія сказать трудно, отъ этой дѣвушки не добьешься ничего.

Разъ какъ то сидѣли мы втроемъ въ гостинной и болтали разный вздоръ; Чевскаго позвали къ дядѣ; я, пользуясь его отсутствіемъ, спросилъ Ольгу: нравится ли ей Чевскій?

— А вамъ что за дѣло? уклончиво отвѣтила она.—Можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ.

Я пожалъ плечами, но скрытность эта почему то мнѣ не понравилась. Отъ нечего дѣлать, я сталъ подсмѣиваться надъ Чевскимъ и мало по малу увлекся до того, что Ольга остановила меня.

— Ну какъ вамъ нестыдно, cousin, такъ нападать на человѣка, который кромѣ вѣжливости, ничего вамъ не оказывалъ.. Vous êtes de mauvais humeur ce soir,—подите, прогуляйтесь.

И дѣйствительно, я былъ въ прекрасномъ настроеніи: злился, придирался ко всему, чуть не поссорился съ Чевскимъ.

— Что съ вами сегодня? спросила меня Ольга, когда я подошелъ къ ней прощаться:—здоровы-ли вы?

— Совершенно, коротко отвѣтилъ я, цѣлуя ея руку: — прощайте!

Съ дядей мы все споримъ о хозяйствѣ (вотъ видишь, упрекъ-то твой въ бездѣйствіи и несправедливъ); онъ никакъ не можетъ согласиться со мной и съ Кашкинымъ въ томъ, что это тоже наука, которую надо изучить, что только при

раціональномъ веденіи дѣла можно имѣть барыши, что земля въ хорошихъ рукахъ самый надежный капиталъ.

— А по моему, такъ надо всѣ усадьбы закрыть, обыкновенно замѣчаетъ Михайло Семеновичъ, — лучше получать что-нибудь, отдавая земли въ кортому, чѣмъ, хозяйничая по вашему и ожидая большихъ доходовъ, вынимать изъ кармана. Впрочемъ, вы люди молодые, вамъ и книги въ руки; намъ же, старикамъ, переучиваться поздно.

И пойдутъ пренія, которыя, однако, кончаются тѣмъ, что дядя обыкновенно остается при своемъ, не смотря на наши краснорѣчивые доводы. Вѣдь со стариками трудно спорить о новыхъ порядкахъ; имъ невозможно привить новаго взгляда, трудно убѣдить въ томъ, что многое старое было изъ рукъ вонъ плохо. Оно впрочемъ и натурально: проживъ тридцать, сорокъ лѣтъ съ одними понятіями, взглядами и убѣжденіями, не легко отрѣшиться отъ нихъ, обновиться. Я нѣсколько разъ давалъ себѣ слово не увлекаться въ подобныхъ преніяхъ (вѣдь это чистое водотолченіе), но проклятая страсть спорить вѣчно втянетъ меня. Иногда въ разговорѣ участвуетъ и Чевскій и, конечно, поддерживаетъ Михайла Семёновича, изрѣдка приговаривая: «конечно,» «именно» и проч. За то когда начнутъ о земствѣ, или о судебной реформѣ, Чевскій воодушевляется и трещитъ безъ умолку; конечно частенько случается ему жертвовать истиной для украшенія разсказа, и въ концѣ у него является на сцену какой-нибудь нелѣпый проэктъ, но тѣмъ не менѣе дядя слушаетъ его съ видимымъ удовольствіемъ: у Чевскаго даръ поддѣлываться подъ вкусы тѣхъ, кому онъ хочетъ нравиться. За то намъ болтовня его до того надоѣла, что при всякомъ удобномъ случаѣ мы поодиночкѣ испаряемся изъ кабинета, оставляя ихъ въ пріятномъ tête à tête.

Ольга все это время что-то грустна. Вообще сколько я замѣтилъ, для своихъ лѣтъ она слишкомъ серіозна и задумчива; веселость проявляется у нея рѣдко и всегда порывами. Вскочитъ съ дивана, начнетъ пѣть, танцовать, придумаетъ какую-нибудь partie de plaisir или игру и смѣется до

упаду. Потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, задумается, сядетъ въ уголъ и слова отъ нея не добьешься.

Вчера вечеромъ сидѣли мы у Михайла Семеновича, и я такъ, между прочимъ, спросилъ у нея:

— Что вы такія скучныя, cousine, здоровы-ли?

— Совершенно, коротко отвѣтила Ольга, а дядя прибавилъ:

— Ты видно плохо знаешь её, Владиміръ, что спрашиваешь... Пока на ногахъ, она и не покажетъ виду что больна—такой характеръ.

Это меня заинтересовало, и когда мы остались одни, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить Ольгу:

— Неужели вы такъ скрытны, cousine?

— Да, отвѣтила она твердо и пристально глядя на меня, — я терплю и переламываю себя до конца, въ этомъ всѣ мои способности... Выставлять же на показъ свою внутреннюю борьбу или свои страданія для того, чтобы снискивать поддѣльное, въ бо́льшей части случаевъ, сожалѣніе, право, не для чего, да и не въ моемъ характерѣ.

— Ого, да какая вы самолюбивая!

— А развѣ это порокъ?

— Все хорошо въ мѣру; недостатокъ самолюбія порокъ и излишекъ не добродѣтель, наставительно замѣтилъ я.

— А вамъ всюду нужна мѣра, предѣлы? съ легкою ироніей спросила Ольга.

— Вы придираетесь, не хорошо, cousine... да и отклонились отъ предмета нашего разговора. Вы лучше вотъ что мнѣ скажите...

— Что?

— ..... Ежели бы вы кого-нибудь сильно полюбили, и этотъ человѣкъ по своему характеру, по своимъ взглядамъ не удовлетворилъ бы вашимъ ожиданіямъ?

— Ужъ конечно, не стала бы жаловаться... какое кому дѣло до того что́ у меня на душѣ? Для чего дѣлать другихъ свидѣтелями своего разочарованія? спокойно отвѣтила Ольга:—за то, прибавила она, воодушевившись,—еслибъ я встрѣ-

тила человѣка, который бы *умѣлъ* любить... (и глаза ея сверкнули) и еслибъ этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «иди за мной», я бы встала и пошла.

Вотъ тебѣ и рыба, Алексѣй Петровичъ! Могъ ли я ожидать, чтобы такое, какъ казалось, равнодушное существо могло говорить такимъ образомъ? Надо было посмотрѣть на неё въ эту минуту: точно огонь пробѣжалъ вдругъ по ея жиламъ, глаза заискрились, непреклонная энергія и рѣшимость выразились на ея лицѣ.

— Какъ вы хороши въ эту минуту, cousine! невольно воскликнулъ я. — Никогда не видѣлъ я въ васъ столько жизни.

— A bas les compliments! улыбаясь, сказала она и вышла изъ комнаты.

Но однако всему есть мѣра, добрѣйшій мой Алексѣй Петровичъ, и болтовнѣ какъ и всему другому.

Прощай, будь здоровъ.

Твой *В. Ч.*

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Отъ Алексѣя Петровича Дубровина къ Владиміру Николаевичу Чоглокову.

Петербургъ 18.. года.

Та, та, та, другъ ты мой безцѣнный! Нашелъ пастушку?... Какъ ни прикрывай разглагольствованіями о молодомъ поколѣніи, да разсказами о стариковскихъ воззрѣніяхъ, а правда то сквозитъ изъ за нихъ. Э-э-эхъ, Володя! Не лѣзь ты въ яму, Христа ради, вѣдь путнаго ничего изъ этого не выйдетъ! Что за неутолимая жажда сильныхъ ощущеній, раздраженій, борьбы? То-ли дѣло: плыветъ по рѣченькѣ лодочка тихохонько, скользитъ себѣ, не покачиваясь, да и приплы-

ветъ съ Божьею помощію куда-нибудь въ затишье! А тебѣ подавай море-окіянъ съ бурями да подводными камнями... Ну и налетитъ твое суденышко, и либо дно себѣ проломитъ, либо совсѣмъ въ щепы разлетится!

Для твоей натуры, *шипучей*, праздность—гибель, зафантазируешься до скверности, повѣрь мнѣ. Втянешься незамѣтно, а какъ очнешься—поздно будетъ! Купи ты себѣ скрипку, да пили на ней хоть съ утра до вечера, и уснешь крѣпче, ну и разные твои air fix'ы повыдохнутся.

А добрая ты душа, Владиміръ. Ужъ какъ я тебя доѣзжаю, ты все голубчикъ отмалчиваешься! Не сердись ты на меня, ворчуна; вѣдь не смѣха ради надоѣдаю я тебѣ... Какой же бы я былъ другъ, коли бы все тебя по головкѣ гладилъ да приговоривалъ: «ну, душечка, въ колодезь прыгнуть хочешь, ступай себѣ, потѣшься!»

Я знаю напередъ, что ты будешь отнѣкиваться, догадки мои сочтешь за плодъ моей фантазіи, скажешь, что ничего и похожаго на это нѣтъ, и я увѣренъ, скажешь искренно,— все это такъ. Да вѣдь со стороны то виднѣе; ну можетъ ли больной хладнокровно обсуждать свою болѣзнь?

Вѣдь я отчего, Владиміръ, спозаранку въ набатъ ударилъ? Потому что знаю твою натуру: ты какъ щепочка, подхватитъ её теченіе, и поплыветъ она по его волѣ, пока не прибьетъ ее куда нибудь. Ты не глядишь впередъ, ты человѣкъ минуты... Ты отдаешься первому впечатлѣнію, и отдаешься страстно, отдаешься весь безъ остатка. Въ увлеченіяхъ своихъ ты не хитришь, и зная что идешь на ножъ, все таки идешь. Упрямство твое тутъ тоже не мало значитъ, а его бы иногда не мѣшало взять и на мундштукъ.

Ну, прощай, дружище, предо мной дѣло, которое я бы съ удовольствіемъ переслалъ тебѣ въ Родники. Вотъ всхрапнулъ бы ты сладко съ первыхъ страницъ!

Алексѣй.

P. S. Смотри же пиши все какъ есть, не то я буду думать, что ты разсердился.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Отъ Владиміра Николаевича Чоглокова къ Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сельцо Родники 18.. года.

Ошибаешься ты, голубчикъ мой Алексѣй Петровичъ, насчетъ моихъ отношеній къ Ольгѣ Михайловнѣ. А всему виной твой подозрительный характеръ.. Тебѣ Богъ вѣсть что уже кажется. Конечно, будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ помоложе, не такъ помятый жизнью (ты рѣшительно моей натуры не знаешь), онъ и двухъ мѣсяцевъ не проѣздилъ бы въ домѣ дяди безъ того, чтобы не влюбиться въ Ольгу, но я дѣло другое: у меня достаточно силы воли, чтобъ остановиться во время (еслибъ это могло случиться), достаточно разсудка, чтобы понять чѣмъ можетъ кончиться подобная любовь. Для чего же допускать себя до печальной развязки? Для чего мучить и себя, и ту, которая будетъ отвѣчать моему чувству? Съ Ольгой шутить опасно; теперь я узналъ ее: до времени она холодна, равнодушна... но пусть только страсть закрадется въ нее, она охватитъ ее всю... И Ольга сгоритъ вся такъ, что и слѣда не останется! Ты помнишь (я писалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ) тѣ слова, которыя вырвались у нея о любимомъ человѣкѣ? Они даютъ понятіе о характерѣ этой дѣвушки. Это не фраза, а убѣжденіе; убѣжденія-же ея измѣнить невозможно. И съ подобными то понятіями объ Ольгѣ, съ увѣренностью, что такая любовь ничѣмъ радужнымъ кончиться не можетъ, ты думаешь, я въ тридцать два года допущу себя влюбиться? Полно, Алексѣй Петровичъ!

Правда, я ѣзжу къ нимъ часто; безъ Ольги мнѣ даже скучно, но это потому, что въ пять мѣсяцевъ я привыкъ къ ней, потому что она добра, мила и любезна, мнѣ у нихъ

весело. Неужели ты не допускаешь дружбы между мужчиной и женщиной?

Ты вѣдь, конечно, будешь посмѣиваться, читая эти строки... Подумаешь: надуваетъ! Богъ тебѣ судья! Хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ. А хитрить предъ тобой мнѣ право не для чего.

По твоему, я человѣкъ минуты, щепочка, плывущая по волѣ теченія? Сравненіе, можетъ быть, и не дурное, да ко мнѣ-то, голубчикъ, нейдетъ. Я вовсе ничего не жажду, ничего не ищу, а только сожалѣю, что до сихъ поръ ничего не нашелъ, ничего не вынесъ изъ прожитаго. Мнѣ кажется, сожалѣніе позволительное... впрочемъ, по твоему это іереміады?

Но довольно о себѣ. Скажи, мнѣ что ты подѣлываешь? Неужели и утромъ, и вечеромъ корпишь надъ бумагами? Да вѣдь это одурь возьметъ, да еще въ такіе жары! Минерашкамъ пребываешь вѣренъ по старому? Что Иванъ Иванычъ, какую новость придумалъ для привлеченія къ себѣ серебряныхъ рублей?

Однако прощай, ѣду на сѣнокосъ. А что господинъ практикъ, Hortense ne vous a pas encore coiffé? Увѣдомь друга.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Отъ Алексѣя Петровича Дубровина къ Владиміру Николаевичу Чоглокову.

Петербургъ 18.. года.

Радуюсь съ *трепетомъ*, что опасенія мои были напрасны, любезный другъ, но не скрою отъ тебя, что не смотря на прекрасныя мысли, изложенныя въ твоемъ письмѣ, довольно дѣльно и краснорѣчиво, я все-таки за тебя побаиваюсь. Что дѣлать, братъ, натура ужъ такая!

Какъ извѣстный сплетникъ, я, конечно непреминулъ передать Hortense твой вопросъ, и она поручила мнѣ сказать

«que vous êtes un misèrable», что́ я и дѣлаю съ большимъ удовольствіемъ, дабы отучить тебя отъ скверной привычки заботиться о чужихъ прическахъ.

Иванъ Иванычъ, кажется, совсѣмъ выдохся; неизбѣжный канканъ, пѣсни и піески де-кольте, завывающіе Тирольцы и пр., все обстоитъ по прежнему. Прибавилась только M-lle Finette—канканерка высшей школы, да эстраду оркестра вымазали другой краской—вотъ и все. Я ѣзжу нынѣ рѣже; Минерашки мнѣ рѣшительно начинаютъ надоѣдать, а другаго lieu de plaisance не отыскалъ. Пробавляюсь Павловскомъ да Петергофомъ, чтобы хоть изрѣдка стряхнуть съ себя петербургскую пыль.

Пользительно, душечка, что ѣздишь на сѣнокосъ; а изъ старыхъ плутовъ никого еще не смѣнилъ? Или у тебя Аркадія?

Какъ кончишь полевыя работы, пріѣзжай-ка мѣсяца на два къ намъ, я тебѣ дѣльце устроилъ. Что тебѣ бобылемъ жить, пора пропѣть: «положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы!» А кусочекъ славный, что твой ростбифъ. Ну, конечно, не институточка съ томными глазками, съ жаждой попасть въ героини романа, худенькая и съ пустымъ карманомъ — существо не эфирное, одно слово — роскошь, а не женщина! А главное — пятьдесятъ тысячъ чистогану! Ну и физіономія ничего—прилична, есть, правда, у лѣваго глазочка корявинка, да впрочемъ, кто безъ недостатковъ! Ей двадцать пять лѣтъ, она дщерь генерала, со связями, поетъ недурно и даже глазъ не закатываетъ, Sans-souci польку — такъ просто прелесть какъ играетъ. Подумай-ка, Владиміръ... А я-то бы какъ радъ былъ: переѣдешь сюда, будете вы миловаться да цѣловаться, пойдутъ у васъ пупончики, въ карманѣ позаляжетъ, ты потолстѣешь и попадешь въ колею наконецъ. Ты, вѣроятно, скажешь: «Да самъ-то онъ чего зѣваетъ, ему-то давно пора!» Правда голубчикъ, да за меня-то не пойдетъ она: я старше тебя, ужъ лысина (чортъ ее возьми!) въ старинную гривну расплылась, ну, и физіономія предъ твоей спасовала, носъ какъ-то покривился (должно

быть, бестія, бабка виновата); нѣтъ, нѣтъ, куда намъ! Доволочемъ какъ-нибудь и въ одиночку.

Пришли-ка ты мнѣ, Вкадиміръ, наливочекъ, побольше рябиновки—она очень полезна для желудка. Варенья не посылай, дрянь это.

Цѣлую тебя въ лобикъ. Не забывай *Алексѣя.*

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Отъ того-же къ тому-же.

Петербургъ, 18.. года.

Ты что: съ ума сошелъ или боленъ, Володя? Какъ, второй мѣсяцъ ни строчки! Ужъ не разсердился-ли на мое шутовское письмо? Какая-же это дружба оставлять меня такъ долго въ невѣдѣніи! Сдѣлай милость, черкни тотчасъ-же хоть двѣ строчки. Я просто ума не приложу, притча да и только!

Если что-нибудь случилось съ тобой неладное, такъ кому-же и писать какъ не другу? Истинная дружба не пробавляется фразами да совѣтами, а доказывается на дѣлѣ. Въ моей ты сомнѣваться не можешь, да и стыдно было-бы. Успокой ты, Христа ради, душевно преданнаго тебѣ

Алексѣя.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Отъ Владиміра Николаевича Чоглокова къ Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сельцо Родники. 18.. года.

Почти два мѣсяца прошло уже съ тѣхъ поръ, любезный другъ Алексѣй Петровичъ, какъ я писалъ тебѣ свое послѣднее письмо... Много воды утекло съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось...

Свершилось! Натянутая струна лопнула, трудно связать разъединенные обрывки!.. Ты правъ, обманываться теперь невозможно... Я влюбленъ, и влюбленъ безъ памяти! Часъ пробилъ, сердце заговорило!... Что́ изъ этого выйдетъ, чѣмъ это кончится—Богъ вѣсть! Но жребій брошенъ, борьба началась.

Я знаю, у тебя, добряка, мурашки поползутъ по спинѣ, читая эти строки; пожалѣй своего бѣднаго друга!

Ольга ничего не подозрѣваетъ; дай Богъ, чтобы никогда она и не узнала объ этомъ. Въ мои года стыдно чваниться чувствомъ, безсовѣстно тащить въ яму другаго, потому только, что самъ попалъ въ неё. Я употреблю всѣ свои силы, вдохновлюсь всею святостью своей любви, чтобы только оберечь покой этого неповиннаго ангела, этой чистой, дѣвственной души.

Но тяжела эта внутренняя борьба, эта горячка неудовлетвореннаго чувства, безпрерывное желаніе высказаться, глупая, безотчетная ревность ко всему, жажда обладанія—неизмѣнные спутники безсонныхъ ночей, черви, высасывающіе жизненные соки.

Давно уже чувства мои къ Ольгѣ потеряли для меня характеръ дружбы, давно уже въ мою милую, добрую cousine началъ воплощаться идеалъ, созданный моимъ воображені-

емъ. Что-то неизвѣстное, неуловимое начало вкрадываться въ наши отношенія, натягивать во мнѣ какую-то невѣдомую струну. Бывало прежде сидишь съ ней рядомъ спокойно, беззаботно, а тутъ Богъ вѣсть отчего, сладкій трепетъ, неясный страхъ охватитъ всего тебя, и вдругъ становится тебѣ и весело и жутко...

Наконецъ все выяснилось. Совѣсть, этотъ недремлющій стражъ, показалъ мнѣ край той пропасти, у которой я остановился. »Бросайся коли хочешь,« шепталъ мнѣ внутренній голосъ,—»но только одинъ,—зачѣмъ другая жертва для твоего малодушія?

Боже мой, Боже мой! Гдѣ мой разсудокъ? Гдѣ моя сила воли?...

Однажды (это было вскорѣ послѣ послѣдняго моего письма), сидѣли мы съ Ольгой у открытаго окна. Было часовъ десять вечера. Душистая свѣжесть лѣтней ночи разливала на все что-то, тихое, нѣжащее. Прозрачной пеленой окутывались ближайшія деревья. На темной лазури легкія облачка какъ-будто застыли въ чуткомъ, вечернемъ воздухѣ. Звѣзды все ярче и ярче проступали...

— Какая благодать! сказалъ я и, Богъ вѣсть отчего, задумался.

— Вы сегодня скучны что то, cousin, отчего? съ участіемъ спросила Ольга.

А въ этотъ день я получилъ извѣстіе, что одинъ изъ хорошихъ моихъ пріятелей, N..., застрѣлился.

Я сказалъ.

— Неужели? Да какая же причина?

— Вздорная! замѣтилъ я иронически:—любовь къ замужней женщинѣ.

— Къ чему же иронія, cousin? разскажите лучше въ чемъ дѣло.

— Извольте. Мой бѣдный другъ влюбился страстно, со всею горячностью молодаго сердца, со всѣмъ пыломъ пламенной натуры. Ему, казалось, отвѣчали тѣмъ же, тѣшили какъ ребенка, однимъ словомъ, все болѣе и болѣе подвигали

къ той ужасной пропасти, называемой несчастною любовью, и (страшно сказать!) въ одинъ прекрасной день, этотъ dragon de vertu уѣхалъ съ мужемъ на югъ, оставивъ разбитое сердце на произволъ судьбы.

— Что-же сдѣлалъ вашъ другъ?

— Черезъ двѣ недѣли онъ былъ у ногъ этой женщины!

— Бѣдный!

— Счастливый, по моему! воскликнулъ я, и, вѣроятно, въ моемъ восклицаніи было нѣчто особенное, что-то похожее на страсть, потому что Ольга при своей скрытности, какъ-будто внутренно затрепетала, и какое-то смущеніе скользнуло по ея лицу.

— Чѣмъ-же это кончилось? уже покойно спросила она.

— Очень просто. Эта женщина выгнала своего поклонника, имѣвшаго порокъ глубоко любить, какъ и слѣдовало впрочемъ женщинѣ, сознающей свой долгъ, а тотъ застрѣлился.

— Опять насмѣшка, cousin! Какъ вамъ не грѣхъ смѣяться надъ несчастіемъ! болѣзненно вырвалось у нея изъ души.

Правда, я смѣялся, но смѣялся по старой привычкѣ; насмѣшка была у меня только на губахъ, сердце-же мое въ эту минуту было далеко отъ всякаго ироническаго настроенія. Я чувствовалъ въ себѣ такой приливъ страсти, такое безумное обожаніе къ сидѣвшей рядомъ со мной дѣвушкѣ, такую жгучую боль въ груди отъ тяжелой борьбы чувства съ совѣстью, что продлись это напряженное состояніе еще нѣсколько минутъ, я-бы не выдержалъ и, въ малодушномъ изнеможеніи опустился-бы къ ногамъ своей повелительницы.

Мнѣ какъ-то неловко писать эти строки послѣ того, что я говорилъ тебѣ въ моемъ послѣднемъ письмѣ; ты имѣешь полнѣйшее право заподозрить меня въ неискренности. Но повѣрь мнѣ, Алексѣй Петровичъ, что въ то время я былъ очень далекъ отъ пониманія своихъ отношеній къ Ольгѣ, не могъ допустить мысли, чтобы когда-нибудь я былъ способенъ влюбиться не на шутку. Или, можетъ-быть, я нарочно, самъ того не подозрѣвая, отталкивалъ отъ себя возмож-

ность этого чувства, какъ недолженствующаго развиться, боялся сначала допустить себя до этаго, а потомъ страшился признаться себѣ въ этомъ. Но какъ-бы то ни было, лукавства въ моемъ письмѣ не было; я говорилъ что́ чувствовалъ, можетъ-быть, что желалъ чувствовать.

Послѣ того разговора съ Ольгой, который я описалъ тебѣ выше, многое въ моихъ отношеніяхъ къ ней и во мнѣ самомъ измѣнилось. Я возненавидѣлъ все, къ чему она имѣла хоть малѣйшую привязанность или къ чему она только её показывала. Чевскаго я избѣгаю — боюсь поссориться. Чувствую самъ, что это ребячество, что это глупо, но разсудокъ уступаетъ свое мѣсто сердцу, когда оно заговорило!

Нѣсколько дней тому назадъ мы что-то читали съ Ольгой, когда вошелъ къ намъ въ комнату Михайло Семеновичъ съ трубкой въ зубахъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— А что, Владиміръ, обратился онъ ко мнѣ,—ты не замѣчаешь въ ней перемѣны?

— Какой, дядя? спросилъ я, встревожившись не знаю почему.

— Ну, извѣстно какой, добавилъ онъ, усмѣхнувшись, — перемѣны, производимой близостью молодыхъ людей.

Меня покоробило.

— Что ты, папаша, меня все конфузишь! покраснѣвъ, вмѣшалась Ольга.

— А вѣроятно, причина есть? въ томъ-же тонѣ продолжалъ дядя.

Я сидѣлъ какъ на иголкахъ; лицо Ольги выражало замѣшательство. Я рѣшился наконецъ отвѣтить.

— Нѣтъ, дядя, не замѣтилъ.

— Плохо-же ты знаешь дѣвушекъ, любезный другъ, а я такъ увѣренъ, что предложеніе, которое я намѣренъ ей сдѣлать, найдетъ отголосокъ въ ея сердцѣ, шутливо говорилъ Михайло Семеновичъ.

Какая-то острая боль кольнула меня въ сердце, неясное предчувствіе чего-то нерадостнаго стѣснило мнѣ грудь.

— Ну, какое предложеніе, папаша? поддѣлываясь подъ тонъ отца, спросила Ольга.

— А пойдешь ты за Чевскаго? брякнулъ дядя, посмѣиваясь.

Я чувствовалъ что поблѣднѣлъ какъ полотно; сердце на секунду какъ-будто перестало биться, и я, чтобы скрыть свое волненіе, началъ учащенно сморкаться. Повернувшись въ сторону Ольги, я встрѣтилъ ея пристальный, напряженный взглядъ, устремленный на меня.

Дядя продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Что́-же ты не отвѣчаешь? допрашивалъ онъ.

— Ну что́, папаша, ты пристаешь ко мнѣ, шутливо отвѣчала Ольга, а между тѣмъ мнѣ показалось, что какая-то нервная дрожь слышится въ ея голосѣ.

— Ну, ну, не буду... Богъ съ тобой! сказалъ дядя, цѣлуя ее и направляясь въ кабинетъ.

— Отчего вы поблѣднѣли? серіозно и нѣсколько строго спросила меня Ольга, когда мы остались вдвоемъ.

— Когда, cousine? спросилъ я, невольно избѣгая ея пристальнаго, жгучаго взгляда.

— А когда папа заговорилъ о Чевскомъ.... Не хитрите, пожалуста, добавила она, качая головой,—я вѣдь видѣла.

Мнѣ такъ и хотѣлось сказать ей отчего, но я пересилилъ себя.

— Здѣсь жарко... а вѣдь вы знаете, я подверженъ біенію сердца, отвѣтилъ я сколь возможно натуральнѣе.

— А... протянула она, не сводя съ меня своего длиннаго взгляда, который такъ, кажется, и хотѣлъ проникнуть во всѣ тайные изгибы моего сердца. — Я и не знала, что вы подвержены подобнымъ припадкамъ!

— Почему-же вы не вѣрите?

— Напротивъ, вѣрю... Надо вѣрить! прибавила она усмѣхнувшись.

Я чувствовалъ себя на скользкой дорогѣ. Совѣсть шепнула мнѣ это. Я простился и уѣхалъ.

Послѣднія слова Ольги не пустая болтовня, мой дорогой другъ. Такъ проговаривается только чувство, если не ошибаюсь. Неужели она любитъ меня?... Неужели поняла мои мученія, откликнулась на голосъ моего сердца? Неужели *я* занялъ всѣ ея мысли, мечты, замѣнилъ всѣ ея привязанности. Содрогается душа отъ избытка блаженства, сжимается мозгъ отъ подобной мысли.

А рядомъ борьба, невозможность обладать этимъ сокровищемъ; препятствія, которыхъ устранить ничто не можетъ!... Проклятіе, тысячу разъ проклятіе!

Прощай, перо валится изъ рукъ.

Твой В. Ч.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Отъ того-же къ тому-же.

Сельцо Родники 18.. года.

Ольга замѣтно измѣнилась въ обращеніи со мной; сидитъ постоянно въ кабинетѣ отца и избѣгаетъ случаевъ оставаться со мной наединѣ. Она поблѣднѣла и похудѣла. Съ Чевскимъ любезна до крайности, со мной — молчитъ и еле-еле отвѣчаетъ. Однако я подмѣтилъ нѣсколько взглядовъ, украдкой брошенныхъ на меня. Это не даромъ.

Мнѣ надо было ѣхать по дѣламъ въ городъ на нѣсколько дней. Наканунѣ я сказалъ объ этомъ въ разговорѣ; мы сидѣли у дяди.

Когда я вышелъ, чтобы велѣть закладывать лошадей, Ольга поймала меня въ залѣ.

— Вы точно ѣдете? скороговоркой спросила она.

— Да, cousine.

— Это необходимо?

— Есть дѣло, которое надо кончить.

— И надолго? допрашивала она.

— По крайней мѣрѣ на недѣлю.

— Неужели? вырвалось у ней; но она тотчасъ-же поправилась.—Долгонько... И вы не соскучитесь?

— Нѣтъ... Отчего-же? какъ можно натуральнѣе отвѣтилъ я.

— И ранѣе не возвратитесь?

— Позже, можетъ-быть, а ранѣе врядъ-ли... А что?

— Да такъ... я соскучусь, прибавила она, улыбаясь.

— Чевскій развеселитъ васъ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ. О немъ-то я и забыла.

— Вы-же его такъ любите, cousine.

— Даже очень.

— Не послѣ-ли того вечера, какъ вамъ отецъ намекнулъ о немъ какъ о женихѣ?

— Именно.

Мы оба лгали безбожно, и оба это сознавали. Но пріятно и весело обманывать другъ друга, когда знаешь, что вскорѣ весь выскажешься. Отрадно не вѣрить въ счастіе, когда оно такъ близко.

Я пробылъ въ городѣ вмѣсто недѣли одинъ только день и вечеромъ всходилъ уже на крыльцо дядинаго дома. Ольга встрѣтила меня въ передней, и какъ она ни старалась скрыть свое волненіе, но оно виднѣлось во всѣхъ ея чертахъ. Я поцѣловалъ ея руку,—она дрожала.

— Вы и не ѣздили въ городъ? спросила Ольга.

— Напротивъ, я только что изъ тарантаса.

— Что-жъ такъ скоро?

— Соскучился, улыбаясь, отвѣчалъ я,—а утѣшитель вашъ здѣсь?

— Нѣтъ... Пойдемте-же къ папа.

Передъ ужиномъ мы вышли въ садъ. Удушливая тишина стояла въ воздухѣ; легкій, душистый туманъ окутывалъ высокія деревья, тихо спускаясь на влажную землю; вечерняя свѣжесть начинала умѣрять разслабляющую теплоту дня.

Мы сѣли на первую попавшуюся скамейку. Высокій раскидистый кленъ тихо шелестилъ надъ нами своею роскошною листвой; легкій вѣтерокъ наносилъ съ поля медовый запахъ только что сжатой ржи и колыхалъ бѣлоснѣжныя головки лилій, подымавшихся вокругъ насъ. Полный мѣсяцъ выходилъ изъ за облачка, и блѣдноватый свѣтъ его освѣщалъ слегка наклоненную головку Ольги, ея нѣжныя, задумчивыя черты. Разговоръ не вязялся, я не находилъ словъ, не желалъ начинать его.... Близость любимой женщины, теплая, нѣжащая ночь, вся проникнутая какимъ-то опьяняющимъ ароматомъ, и эта строгая молчаливость, и лунное сіяніе, причудливо сквозившее сквозь трепещущую листву, пробуждали во мнѣ неизъяснимое смущеніе; какая-то сладкая, захватывающая за́-сердце боль проникала во все существо мое, туманила горѣвшую голову.

— Cousine, вдругъ началъ я, отдаваясь, помимо воли, помимо самого себя, внезапному порыву, — дайте мнѣ вашу ручку.

Ольга молча протянула мнѣ ее; я схватилъ ея похолодѣвшую руку и страстно прильнулъ къ ней губами.

— Вамъ не холодно-ли, спросилъ я.

— А что? проговорила Ольга, обернувшись ко мнѣ и устремляя въ самую глубь моихъ глазъ свои сверкавшіе глаза.

— У васъ рука холодна.

— Пройдетъ... Это нервы.

Она отняла руку.

— Послушайте, послѣ небольшой паузы начала Ольга,— что за фантазія пришла вамъ вдругъ поцѣловать мою руку?

— Да такъ, Боже мой!... Развѣ это преступленіе?

— Н-нѣтъ... Но согласитесь сами, что немножко странно....

— Можетъ-быть, коротко отвѣтилъ я, а какое-то томящее, лихорадочное волненіе такъ и разливалось по моему тѣлу.

Вы замечтались... Прелесть вечера подѣйствовала на васъ, сказала Ольга.

— И вечеръ, и... не договорилъ я.

— И?

Какая-то невѣдомая сила увлекала меня.

— И вы, cousine, отвѣтилъ я, подымаясь со скамейки.

Ольга какъ-будто не разслышала и тоже встала.

— Чевскій былъ у насъ сегодня утромъ, сказала она, идя по дорожкѣ.

Я промолчалъ.

— Смѣшилъ ужасно. Спрашивалъ о васъ.

— Очень благодаренъ, сухо отвѣчалъ я.

Въ эту минуту я-бы, кажется, задушилъ этого урода.

— Вамъ это непріятно?

— И скрывать не намѣренъ.

— Отчего?

— Вы, cousine, имѣете удивительную способность окачивать иногда ледяною водой. Какое мнѣ дѣло до вашего Чевскаго!

Мы подошли къ дому.

— Отчего вы его не любите? спросила Ольга, подымаясь на крыльцо.

— Оттого... оттого что вы, кажется, его очень любите, скороговоркой отвѣтилъ я.

Пріѣхавъ домой и припомнивъ всѣ подробности этого вечера, я глубоко раскаялся въ неосторожныхъ словахъ, брошенныхъ мною подъ вліяніемъ горячки. «Въ чуткое сердце заронена искра,» думалось мнѣ, и я досадовалъ на свой необдуманный поступокъ, на свое малодушіе, и сравненіе твое со щепочкой приходило мнѣ на память. Нѣсколько дней не ѣздилъ я къ дядѣ. Глупецъ! Мнѣ надо было бѣжать совсѣмъ, и бѣжать безъ оглядки!

Наконецъ дядя прислалъ узнать о моемъ здоровьи; надо было ѣхать. Ольга не встрѣтила меня по обыкновенію и долго не выходила, пока я сидѣлъ въ кабинетѣ.

— Она не совсѣмъ здорова, сказалъ мнѣ Михайло Семеновичъ, когда я спросилъ о ней,—ходитъ какъ темная ночь.

Странное чувство защемило у меня въ сердцѣ. И горе, и радость боролись у меня въ душѣ.

Вошла Ольга, блѣдная, грустная, какъ-будто нравственно разбитая. Мы поздоровались.

— Ну, что, какъ тебѣ? спросилъ дядя.

— Ничего, съ улыбкой и внезапно подбодрившись отвѣчала Ольга, и обняла отца.

— Скрываешь что-нибудь? Нездорова? допрашивалъ тотъ.

— Нѣтъ, ничего... голова немного болитъ, слегка покраснѣвъ, отвѣтила Ольга.

— Поди-ка, прогуляйся съ Владиміромъ—воздухъ освѣжитъ тебя, сказалъ дядя, цѣлуя ее.—Скрытная ты у меня! добавилъ онъ, когда я всталъ и взялся за фуражку.

Мы вышли молча и молча пошли по дорожкѣ. Что-то неловкое, напряженное и вмѣстѣ сладко-томящее чувствовалось въ этой длинной паузѣ. Мнѣ хотѣлось заговорить, но, незнаю почему, эта минута показалась мнѣ до такой степени торжественною, что я не смѣлъ нарушить эту тишину какимъ-нибудь безсмысленнымъ словомъ.

Ольга шла тихо, наклонивъ немного голову и ощипывая вѣтку акаціи.

На поворотѣ аллеи она вдругъ остановилась и пристально взглянула на меня. Я вздрогнулъ, и какое-то неясное предчувствіе зашевелилось у меня въ душѣ. Предо мной стояла та-же Ольга, которая когда-то произнесла: «Я-бы встала и пошла!» Но только теперь она измѣнилась: расширенные глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ и какъ-будто пронизывали меня насквозь, полуоткрытыя губы судорожно шевелились, все лицо горѣло яркимъ, влажнымъ румянцемъ. Я обомлѣлъ отъ глубоко страстнаго выраженія этой пробудившейся красоты.

— Зачѣмъ вы молчите, Владиміръ? напряженно проговорила Ольга.—Зачѣмъ ты мучишь меня? порывисто и срас-

но добавила она, схвативъ меня за руку и приближаясь ко мнѣ.

Голубые огни запрыгали у меня въ глазахъ; какое-то проникающее, сладкое до боли чувство заныло у меня въ груди. Слово «ты» какъ остріе кинжала врѣзалось въ мою открытую рану; давно сдерживаемая страсть готова была вылиться наружу, но я еще удержался.

— Чѣмъ, кузина? нерѣшительно выговорилъ я, сознавая внутренно, что глупо лукавлю.

— Кузина.... Не Ольга-ли Михайловна слѣдуетъ сказать въ эту минуту, вспыхнувъ и съ сердцемъ сказала она, — когда я вся передъ тобой, когда я дышу, живу тобой однимъ?.. Когда, наконецъ, я говорю: люблю тебя, Владиміръ... мой милый! моя жизнь.

И Ольга, вся трепещущая, съ пылающимъ лицомъ, бросилась ко мнѣ на шею.

Надо было быть камнемъ, чтобы не поддаться обаянію этой молодой, дѣвственной красоты, этой горячей свѣжести впервые пробудившагося чувства... И я палъ, Алексѣй Петровичъ, сознавая свое ничтожество предъ всесильнымъ могуществомъ любви, палъ безъ разсужденія безъ борьбы....

— Такъ ты меня любишь? въ какомъ-то забытьи говорилъ я, покрывая поцѣлуями ея лицо, руки, платье...

— Страстно!.. Безумно!... восторженно говорила Ольга, впиваясь въ меня своими горячими губами.

— А я.... я-бы умеръ у ногъ твоихъ, моя милая, чудная, дорогая!

— Веди меня куда хочешь, и я пойду! откинувъ назадъ волосы и прямо глядя мнѣ въ глаза, говорила Ольга.—Мой милый, ненаглядный!

Какъ ни глубоко чувствовалъ я въ эту минуту, какъ ни сильно овладѣла мною страсть, какъ ни велико было-бы блаженство нераздѣльно владѣть этою дѣвушкой... но я не осмѣлился протянуть ей свою руку, не дерзнулъ сказать ей: «иди за мной!»

Что́ я думалъ въ это время?... Въ чемъ полагалъ свои надежды? Не знаю.

Я любилъ, любилъ.... и только!

— Я давно замѣтила, продолжала Ольга, усаживаясь на скамью,—что ты неравнодушенъ ко мнѣ; но когда ты, помнишь, поблѣднѣлъ и такъ неловко свернулъ это на свои припадки,—о! тогда я убѣдилась въ твоей любви, и сердце мое, уже подготовленное, вспыхнуло какъ порохъ! Я видѣла какъ ты избѣгалъ меня, я поняла борьбу происходившую у тебя въ душѣ, я оцѣнила ее... Наконецъ, терпѣніе истощилось, чаша переполнилась—я измѣнила своей тайнѣ, прибавила она скрывая на моей груди свое пылавшее лицо.

Мысль о разлукѣ сверкнула у меня въ головѣ. О, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело сдѣлалось мнѣ въ эту минуту! Мнѣ хотѣлось, чтобы сводъ небесный раздавилъ насъ своею тяжестію, чтобы земля, всколебавшись подъ нашими ногами, поглотила насъ...

Но небо только темнѣло, земля не шевелилась.

Я невольно заплакалъ и съ отчаянія, и отъ злости.

— Что́ съ тобой, Владиміръ? испуганно спрашивала Ольга, заглядывая мнѣ въ глаза:—Милый мой! Голубчикъ мой Что́ съ тобой?

— Ничего.... пройдетъ! Это нервы.... отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ! быстро перебила меня Ольга:—Это не женскія слезы. Не легко, должно-быть, коли плачетъ мужчина.... Ты молчишь? Тебѣ тяжело?

— Да, Ольга, тяжело, очень тяжело! отвѣчалъ я.

— Отчего?

— Оттого что счастіе наше не прочно! Оттого что не сегодня, завтра тебя оторвутъ отъ меня, разлучатъ насъ....

— Этого я не переживу. Сердцу нельзя приказать забыть то, съ чѣмъ оно сжилось, безъ чего существовать не можетъ. Любить два раза я не умѣю. Клянусь, нѣтъ въ мірѣ власти, которая могла-бы вырвать тебя у меня изъ сердца! Мнѣ могутъ запретить видѣться съ тобой, могутъ разлучить насъ, но заставить разлюбить—никогда!

И Ольга, крѣпко обвивъ мою шею руками, страстно меня поцѣловала.

— Выдадутъ замужъ! продолжалъ я.

— И отпоютъ панихиду! спокойно и рѣзко выговорила Ольга.—Или ты, или смерть, мой ненаглядный! Другаго исхода нѣтъ!

— Барышня! раздалось въ кустахъ.

— Насъ зовутъ къ чаю, пойдемъ!

Мы направились къ дому.

Что́ я передумалъ и перечувствовалъ въ эту ночь, добрѣйшій мой Алексѣй Петровичъ, сказать невозможно. Можетъ-ли быть что-нибудь хуже подобной нравственной пытки! Я думаю, и бѣдная Ольга не сомкнула глазъ. О жизнь, жизнь! Какъ ты скупа на счастіе!..

Прощай, будь здоровъ и счастливъ, если можешь.

В. Ч.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Отъ того-же къ тому-же.

Кіевъ 18 .. года.

Тебя, конечно, удивилъ штемпель на моемъ письмѣ: «Кіевъ», любезный другъ Алексѣй. Ты, вѣроятно, подумалъ: да какимъ-же образомъ онъ попалъ туда? Ужъ, конечно, не по доброй волѣ!

Разскажу тебѣ все по порядку.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ объясненія съ Ольгой, мы сидѣли съ ней въ гостинной и, конечно, не могли наговориться вдоволь. Рука ея лежала въ моей рукѣ, глаза ея то вспыхивали, то угасали, губы наши сливались въ долгіе поцѣлуи. Мы были въ какомъ-то забытьи...

Вдругъ на порогѣ двери показался Михайло Семеновичъ; мы обмерли и какъ-будто застыли въ прежней позѣ. Онъ укоризненно покачалъ головой и, не сказавъ ни слова, вернулся въ кабинетъ.

Обоимъ намъ было крайне неловко. Ольга плакала, мнѣ хотѣлось провалиться сквозь землю. Я ожидалъ, что вотъ сейчасъ позовутъ меня къ дядѣ, что на мою голову посыплются градомъ заслуженные упреки: ничего этого не случилось. Я простился, какъ обыкновенно, и уѣхалъ.

Признаюсь, поведеніе дяди меня удивило; я даже подумалъ, не ошиблись-ли мы. Но на завтра все объяснилось: мнѣ принесли отъ Михайла Семеновича записку съ приглашеніемъ принять участіе въ его семейной радости и поздравить жениха съ невѣстой! Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе! О, какъ сильно сжались у меня кулаки отъ безсильной злобы! Съ какимъ бѣшенствомъ проклялъ я день своего рожденія и все, и вся.... Начинались муки, настоящія муки. Жизнь надломилась, скоро-ли сломится?

Я поѣхалъ.

Входя въ залъ, я увидѣлъ Ольгу съ Чевскимъ рядомъ на диванѣ. Какая горькая насмѣшка! Когда я подошелъ къ невѣстѣ, она поблѣднѣла и рука ея судорожно дрогнула въ моей рукѣ. Съ Чевскимъ мы раскланялись.

— Жаль мнѣ тебя, Владиміръ, сказалъ дядя, когда я поздравилъ его,—не думалъ я, чтобы ты употребилъ во зло мое радушіе и довѣренность, но Богъ съ тобой!

— Но вѣдь Ольга не любитъ его! отчаянно воскликнулъ я.

— Къ сожалѣнію, это правда. Но вѣдь мужемъ ея ты быть не можешь—законъ не дозволяетъ. Хотя нынче и женятся, но мы люди старые, тайно ничего непривыкли дѣлать... Я допускаю бракъ только открытый, освященный церковью... Поэтому надо было принять крутыя мѣры. Александръ Ивановичъ давно проситъ ея руки, сегодня я далъ согласіе и за себя и за Ольгу... Богъ дастъ, все установится, все пройдетъ. Она молода, довольно апатична, капризъ этотъ самъ собой исчезнетъ.

— Апатична!

Ольга апатична! Опять насмѣшка.

— Ты видѣлъ, что вчера я не сказалъ тебѣ ни слова, продолжалъ дядя,—тутъ нужно дѣло, а не слова. Ольга моя дочь, и я обязанъ оберегать ее и ея спокойствіе... Ты вѣроятно, поймешь, что твое присутствіе....

— Здѣсь излишне, со сдержанною злобой добавилъ я. — Я это очень хорошо понимаю и завтра-же меня здѣсь не будетъ.

— Спасибо! сказалъ мнѣ дядя, протягивая руку.

Я раскланялся и вышелъ изъ кабинета.

Положеніе мое было невыносимо. Я сознавалъ, что я лишній въ этомъ домѣ, что я мѣшаю всѣмъ, что даже люди должны смотрѣть на меня косо, но *приличіе* требовало моего присутствія. Къ тому-же мнѣ хотѣлось объяснить себѣ поведеніе Ольги. Какъ, неужели та, которая такъ восторженно говорила мнѣ вчера слова любви, сегодня невѣста Чевскаго!... Что-же, это была жалкая комедія? Деревенское развлеченіе отъ нечего дѣлать?

День проходилъ, а я и двухъ словъ не успѣлъ сказать съ Ольгой наединѣ. Я уже впадалъ въ отчаяніе, какъ вдругъ услышалъ сказанныя ею мимоходомъ слова:

— Утромъ.... въ рощѣ...

Утро проснулось тихое, ясное.... Съ восходомъ солнца я былъ уже на мѣстѣ и въ нетерпѣніи ходилъ по влажной травѣ, прислушиваясь къ каждому шороху, вздрагивая при малѣйшемъ звукѣ. Наконецъ послышался шелестъ платья, что-то бѣлое мелькнуло между деревьями и, чрезъ нѣсколько секундъ, Ольга, съ глазами красными отъ слезъ, повисла у меня на шеѣ.

— Не сердись на меня, Владиміръ.... Я нарочно пришла сюда, чтобъ объяснить тебѣ.... Мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы, разставаясь, ты перемѣнилъ обо мнѣ мнѣніе... Я по прежнему люблю тебя.... безумно, страстно.... и никого болѣе любить не буду.

— Кромѣ Чевскаго, злобно добавилъ я.

— Богъ съ тобой, Владиміръ, ты унижаешь меня.... неужели я заслужила одно презрѣніе.... мнѣ и безъ того горько, такъ горько, что только Богъ одинъ знаетъ!

Она заплакала.

— Прости меня, Ольга! Я самъ незнаю что говорю.... умъ мой мѣшается отъ подобныхъ мученій... О, какъ глубоко, какъ беззавѣтно люблю я тебя! простоналъ я сквозь слёзы, сквозь прожигающія слёзы...

— Вчера вечеромъ, начала Ольга—отецъ позвалъ меня въ кабинетъ. «Теперь, я надѣюсь, ты пойдешь за Чевскаго?» строго спросилъ онъ меня.

—«Нѣтъ, отвѣчала я рѣшительно.—«Какъ! Послѣ вчерашней сцены, ты думаешь, возможно оставаться тебѣ въ дѣвицахъ?» — «Почему-же нѣтъ, папа? Я ни за кого не пойду», твердо сказала я.—«И будешь срамить мою сѣдую голову?» Я молчала. Онъ въ волненіи прошелся по комнатѣ. «Если ты не пойдешь за Чевскаго, продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы—ты этимъ докажешь только, что Владиміръ неблагородный человѣкъ, что ты, «*боишься* выйти замужъ!» добавилъ онъ выразительно. Кровь бросилась мнѣ въ голову отъ подобнаго подозрѣнія. Какъ, подозрѣвать Владиміра! Я рѣшилась, но надѣялась еще на Чевскаго. Когда онъ пріѣхалъ, я отвела его въ сторону и сказала: «Александръ Иванычъ, вы получили согласіе на мою руку, но я должна просить васъ отказаться.... Я не люблю васъ и никогда любить не буду, вы знаете *кого* я люблю?» Чевскій поклонился. «До вашихъ сердечныхъ тайнъ мнѣ дѣла нѣтъ, Ольга Михайловна, сказалъ онъ,—«на себя-же я надѣюсь.... О глупый, самонадѣянный человѣкъ! Что же мнѣ было дѣлать, Владиміръ?

Я молчалъ, опустивъ голову. Исхода не было.... А сердце ныло, ныло...

— Ну, теперь прощай... Солнце высоко, въ домѣ скоро встанутъ, сказала Ольга, — помни, что я никогда не разлюблю тебя, никогда не забуду.... Господи! въ какомъ-то изступленіи воскликнула она, стремительно обхвативъ мою шею и судорожно всхлипывая. — Дай мнѣ наглядѣться-то

на тебя.... Дай мнѣ въ послѣдній разъ упиться твоими взглядами, надышаться однимъ воздухомъ!.. Жизнь ты моя, счастье мое!.. Нѣтъ! вдругъ отшатнулась она отъ меня:— это хуже смерти, это адская мука, это...

Ольга опустилась на скамью и зарыдала.

— Когда я буду умирать, продолжала она, — пріѣзжай непремѣнно, я этого прошу, умоляю:... Вотъ тебѣ... на память... (Она подала мнѣ свой, смоченный слезами, платокъ.) А теперь.—Ольга схватила меня за голову и порывисто стала цѣловать мое лицо, руки, платье. — Боже мой! въ отчаяніи говорила она:—вѣдь это на вѣкъ!

Ольга вырвалась изъ моихъ объятій и убѣжала.

Черезъ два часа я уже проѣзжалъ въ тарантасѣ мимо дяднаго дома. Ольга стояла въ окнѣ и рукой посылала мнѣ поцѣлуй.... послѣдній!

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Отъ Алексѣя Петровича Дубровина къ Владиміру Николаевичу Чоглокову.

Петербургъ 18.. года.

Ну братъ, Володя, что писать! Изстрадался я за тебя это время! Много, много перенесъ ты горя, много пережилъ въ эти нѣсколько мѣсяцевъ! Угостила тебя жизнь, надорвала она въ тебѣ здоровыя струны.... А ты-то, бѣдный жаждалъ любви, полнаго счастія!

Прошлаго не воротишь, совѣты и утѣшенія безполезны; не залечишь вдругъ еще не поджившую рану. По крайней мѣрѣ знай, что у тебя есть другъ, который за тебя скорбитъ душой, есть сердце, бьющееся для тебя искреннею любовью брата. Мужайся, не падай подъ ударами судьбы,

крѣпись. Какъ знать, что́ еще ждетъ тебя впереди! Ты еще такъ молодъ, Владиміръ!

Прощай, мой голубчикъ, развлекайся больше, вспоминай меньше и вѣрь неизмѣнной дружбѣ

преданнаго тебѣ Алексѣя.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Отъ Владиміра Николаевича Чоглокова къ Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сельцо Родники, 18.. года.

Полгода прошло со свадьбы Ольги и отъ моего послѣдняго къ тебѣ письма. Ты, можетъ быть, подумаешъ, что я забылъ тебя, дружище, или заболѣлъ серьезно.... Да, Алексѣй Петровичъ; многое совершилось въ это время: не знаю, какъ я живъ остался. Довольно тебѣ одного: вчера былъ девятый день моей милой, чудной, несравненной Ольгѣ! Это тебя поражаетъ?

Письмо дяди вызвало меня сюда. Ольга хотѣла видѣть меня передъ смертью, въ этомъ они не посмѣли отказать умирающей.

Я прискакалъ какъ сумасшедшій и тотчасъ-же отправился къ Чевскимъ.

— Ольга Михайловна желала васъ видѣть, сухо сказалъ мнѣ Чевскій, когда я вошелъ въ комнату, — обождите немного, она кажется, забылась.

Я сѣлъ на диванъ. Мнѣ почти становилось дурно отъ внутренняго волненія. Я долженъ былъ увидѣть ту, которую невидалъ полгода, и-Боже мой!—увидѣть въ какомъ состояніи! Я оставилъ ее молодую, цвѣтущую здоровьемъ и красотой, а теперь долженъ встрѣтить ее умирающею...

Въ залу вошелъ докторъ и позвалъ къ больной. Тоска защемила мнѣ сердце, когда я вошелъ въ комнату съ завѣшенными окнами, съ удушливо-лекарственною атмосферой, въ которой какъ-будто чувствовалось присутствіе смерти.

У кровати докторъ остановилъ меня и, нагнувшись къ больной, сказалъ:

— Владиміръ Николаичъ здѣсь.

— Владиміръ... ты здѣсь!. Ну, слава Богу! послышался мнѣ знакомый, но сильно измѣнившійся голосъ.

Я чуть не вскрикнулъ отъ ужаса и внутренней боли... Предо мной лежала Ольга, блѣдная, полупрозрачная, съ выставившимися скулами, съ глазами ушедшими внутрь потемнѣвшихъ орбитъ, съ прерывистымъ дыханіемъ.

— Что́... хорошая? надорваннымъ голосомъ спросила она, и закашлялась.

Я опустился на колѣни предъ ея кроватью и прильнулъ губами къ маленькой, исхудалой рукѣ Ольги. Она тихо плакала.

— Милая, бѣдная Ольга! могъ только выговорить я сквозь душившія меня слезы.

— Нѣтъ, Владиміръ, я счастлива.... Пора этому кончиться. Мнѣ невыносима была эта жизнь. Я такъ рада была, когда у меня впервые показалась на платкѣ кровь.... Ну, слава Богу, подумала я, чахотка! (Ольга закашлялась). Для чего мнѣ было жить? Насъ разлучили, меня выдали замужъ, а разлюбить тебя я не могла! Мегсі, что пріѣхалъ. Для тебя былъ первый вздохъ моей любви, прими-же и послѣдній!...

Новый припадокъ кашля заставилъ Ольгу замолчать. Она еще болѣе поблѣднѣла, и легкія судороги начали подергивать ея исхудалое лицо. Докторъ далъ ей лекарство.

— Теперь ты мой, начала она, успокоившись,—у умирающей... тебя не отнимутъ! Да и за что? За то, что я не забыла тебя? Да развѣ можно запретить сердцу любить и помнить? Мужъ мой слишкомъ много взялъ на себя; онъ думалъ... капризъ... пройдетъ. Плохо они меня знали! Эта любовь смерть! А мы могли-бы быть счастливы, Владиміръ...

счастливы на перекоръ всему свѣту! Еслибы ты сказалъ мнѣ хоть одно слово, я-бы бросила все: отца, родныхъ, свѣтъ. Вѣдь я до сумасшествія, до самозабвенія тебя любила! но ты промолчалъ. Ты не посмѣлъ вырвать меня изъ роднаго дома. И я не виню тебя: такова моя судьба!...

Ольга заплакала.

— О прости меня, Ольга! прости меня! Я сгубилъ твою жизнь, укралъ твое спокойствіе! Мнѣ страдать, а не тебѣ, невинной жертвѣ! какъ вопль вырвалось у меня изъ груди.

— Не говори этого Владиміръ не вини себя, говорила Ольга, обнимая своими похолодѣвшими руками мою горѣвшую голову,—я видѣла твою борьбу съ самимъ собой, я знаю какъ ты... избѣгалъ объясненія, но я сама высказалась. Мнѣ такъ отрадно было убѣдиться въ твоей любви!..

И въ потухавшихъ глазахъ Ольги блеснулъ на мгновеніе огонекъ страсти.

Излишнее напряженіе вызвало порывъ кашля сильнѣе прежняго. Докторъ отвелъ меня къ окну, и бросился къ больной.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ.

— Гдѣ Владиміръ? Владиміръ! испуганно спросила Ольга. —Не отходи отъ меня, прибавила она, когда я подошелъ къ кровати,—немного ужъ осталось времени.... побыть намъ вмѣстѣ.... не поскучай!...

Я плакалъ навзрыдъ.

— Не плачь, голубчикъ. Мнѣ легче тамъ будетъ, Богъ милосердъ. Когда—нибудь свидимся. Молись за меня. Вотъ тебѣ мое благословеніе.... (Она сняла съ шеи образокъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ.) Дай, я перекрещу тебя. Да сохранитъ тебя Владычица отъ бѣдъ и скорбей! Не снимай его никогда, Владиміръ. Слышишь. Никогда! Развѣ....

Ольга заплакала и ослабѣла.

Я понялъ недоконченную фразу.

— Неужели ты можешь думать, Ольга, что я когда нибудь измѣню твоей памяти?... что разбитое сердце мое можетъ любить еще разъ?

Радостная улыбка скользнула по ея поблѣднѣвшимъ губамъ.

—Ходи ко мнѣ на могилу, Владиміръ, продолжала она прерывистымъ голосомъ, мнѣ кажется.... будетъ отрадна.... близость любимаго человѣка. Докторъ! позовите отца.... и мужа. Мнѣ плохо....приходитъ... конецъ....

Дядя и Чевскій вошли въ комнату; оба они плакали.

Ольга лежала съ полузакрытыми глазами; она собиралась съ силами.

—Alexandre, обратилась она къ мужу,—любить тебя я не могла; ты это зналъ. Но я старалась быть всегда доброй женой... Прости.... если я... не успѣла въ этомъ.

Голосъ ея, видимо, ослабѣвалъ.

— Ты насъ прости, Оля! рыдая, воскликнулъ дядя. Мы слишкомъ, слишкомъ много на себя взяли! и старикъ съ Чевскимъ преклонили колѣна предъ умирающею.

— Богъ васъ проститъ! с о слезами говорила Ольга. Меня... простите. Но я прошу васъ (она указала на меня)—протяните ему руку. Онъ много выстрадалъ и много еще выстрадаетъ... Въ подобную минуту надо забыть все! Благодарю! сказала она, когда мы подали другъ другу руки.—Теперь... я умру.... спокойно...

Ольга видимо слабѣла. Началась хрипота, дыханіе сократилось. Торжественно-томительное молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

— Гдѣ ты?... Владиміръ!... Невижу я тебя... темно въ глазахъ.... прошептала Ольга.

— Я здѣсь, я держу твои руки, отвѣчалъ я, а у самаго сердце такъ и обливалось кровью, смотря на эти предсмертныя мученія.

Больная начала метаться. Докторъ пощупалъ пульсъ.

— Свѣту мнѣ.... свѣту! отчаянно вскричала Ольга, силясь приподняться; глаза ея широко раскрылись , лицо исказилось все тѣло вздрогнуло.

Стору подняли.

— Тяжело умирать! продолжала она уже шепотомъ:—вотъ

тутъ.... въ груди.... Владиміръ... прощай... мнѣ... холодно... душитъ!.. Папа... Вла... ди... міръ... перекре....

Слово замерло въ послѣдней конвульсіи. Зубы больной стиснулись; душа Ольги отошла въ вѣчность.

Да, Ольга умерла, и съ ней вмѣстѣ умерло для меня все святое, чистое, блаженное въ жизни. Я, какъ воръ, подкрался къ этому чистому созданію, укралъ его спокойствіе, разбилъ его жизнь!.. И что гадко: дѣлалъ это эгоистически, обдуманно. Страшно вспомнить! Я сдѣлался преступникомъ не случайно, а сознательно. Я зналъ что совершаю преступленіе, и не имѣлъ на столько силы воли и любви къ Ольгѣ, чтобы остановиться и взвалить на свои плечи всю тяжесть несчастія! Для чего я жилъ тридцать лѣтъ? Неужели для того, чтобы при случаѣ не сумѣть выдержать борьбы, и поступить съ эгоизмомъ ребенка, разбивающаго свою лучшую вещь?...

Желчь разливается по всему организму. Неудержимая злость на самого себя закипаетъ у меня въ груди, когда подумаю, на какое чистое существо поднялъ я свою святотатственную руку, какую жизнь я такъ смѣло разбилъ! Мнѣ отрадно въ настоящую минуту бранить себя, раздражать свои нервы, не давать покоя этому, постоянно точащему, червю, совѣсти... Длячего я живу?... Почему я живу?.. Какъ смѣю я жить послѣ того, какъ я видѣлъ гробъ Ольги, послѣ того какъ дуновеніе смерти парализировало чувство, сломило жизнь!

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Отъ того-же къ тому-же.

Сельцо Родникй 18.. года.

Когда ты получишь это письмо, дорогой мой Алексѣй Петровичъ, меня уже не будетъ на свѣтѣ.... Помяни своего бѣднаго, больнаго друга!

Ольга предо мной... Я вижу ея блѣдный, страдальческій ликъ.... Она зоветъ меня туда, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали, воздыханія. Я долженъ идти....

Да и что въ жизни? Представленіе кончилось, пора спустить занавѣсъ.... Не торчать-же мнѣ, жалкому актеру, посреди сцены, когда роль моя кончена, да потѣшать разный сбродъ безсмысленныхъ зѣвакъ?

Жизнь прожита. Нѣсколько ясныхъ лучей озарили её на нѣсколько минутъ, — а то все тучи да тучи, одна другой мрачнѣе. Страшно!

Теперь я у дверей гроба. Казалось, было-бы о чемъ пожалѣть, что-нибудь вспомянуть.... Не о чемъ!.. Одна только Ольга, любовь къ которой наполнила все мое существо, постоянно у меня предъ глазами.... Я живу лишь воспоминаніемъ о ней. Но мнѣ этого недостаточно, мнѣ надо её! Всю, нераздѣльно, чтобы никто не могъ оторвать ее отъ меня; глядѣть на нее, говорить съ ней!

Себя мнѣ не жаль; мнѣ кажется, я еще мало мучусь.... Но мнѣ жаль её, погибшую такъ рано, во цвѣтѣ лѣтъ, не испытавшую ничего кромѣ горести и разочарованія, жаль ея молодую, надломленную жизнь! О, прости меня!... Я иду, иду....

Выстрѣлъ изъ пистолета сотретъ съ лица земли мою, никому не нужную, фигуру; поговорятъ, какъ о дневной новости, назовутъ дуракомъ, зароютъ..... и — finita la comèdia. Мнѣ не для кого жалѣть свое лицо,—излишнее кокетство.... Выстрѣлъ въ ротъ вѣрнѣе выстрѣла въ сердце.... Вотъ еслибы жива была Ольга, я-бы не сдѣлалъ этого: зачѣмъ оставлять въ памяти изуродованное лицо...

Доктора говорятъ, что это легкая смерть,—ну, и отлично! Нѣсколько секундъ мученій все легче нѣсколькихъ лѣтъ подобной жизни.

Конечно, я дѣлаю преступленіе: человѣку не дано право самопроизвольно лишать себя жизни. Но Богъ самъ судитъ самоубійцъ.... Онъ милосердъ... Онъ видѣлъ мои мученія...

Мнѣ хотѣлось-бы плакать, но слёзы высохли; мнѣ хотѣ-

лось-бы думать, но мозгъ мой разстроенъ; мнѣ хотѣлось-бы любить безумно, жадно, но сердце мое разбито...

Говорятъ, что лишаютъ себя жизни изъ малодушія; это вопросъ. Развѣ легко поднять на себя руку, хладнокровно приставить къ поблѣднѣвшему лбу ледяное дуло пистолета и спустить курокъ?.. Развѣ легко оторваться вдругъ отъ всего окружающаго, которое хотя и ненавидишь, но къ которому привыкъ, чтобы перебросить себя въ пространство, въ міръ неизвѣстности, въ міръ сомнѣнія?... Нѣтъ!... Тяжело, очень тяжело должно-быть тому, кто на это рѣшился,—видно ужъ пришла для него безъисходная доля!

Но я не съ ненавистью оставляю этотъ міръ; я не ожесточенъ противъ жизни... Она дала мнѣ что могла дать,—не ея вина, что я требовалъ, можетъ-быть, слишкомъ многаго.... Теперь я примирился съ нею, съ людьми, со всѣмъ свѣтомъ... Прощайте друзья! Прощай мой лучшій другъ Алексѣй Петровичъ, прощай добрая душа Кашкинъ, всѣ преданные мнѣ люди... Ваши искреннія слезы будутъ лучшими по мнѣ поминками!

В. Ч.

ТЕЛЕГРАММА.

Петербургъ. Галерная.

Алексѣю Петровичу Дубровину.

Сегодня ночью Владиміръ Николаевичъ окончилъ жизнь выстрѣломъ изъ пистолета. Помолитесь о его душѣ.

Кашкинъ.

ТРИ СВИДАНІЯ.

ТРИ СВИДАНІЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни, на возвышенномъ берегу рѣчки Хвостовки, стоитъ богатая усадьба Михалкино, помѣщика Илотова. Мнѣ часто приходилось проходить и проѣзжать мимо нея и, помнится мнѣ, всякій разъ грустное чувство овладѣвало мной при видѣ этого заброшеннаго огромнаго каменнаго дома съ облупившимися стѣнами, спущенными сторами, съ заросшимъ садомъ, развалившимися рѣшетками. Мнѣ всегда приходило на мысль, что въ этомъ палаццо (какъ назвалъ-бы его проѣзжій иностранецъ) встарину кипѣла жизнь, веселились люди, раздавались разгульныя пѣсни, а можетъ быть слышались и затаенныя рыданія.... Чего, чего не насмотрѣлись и ненаслушались эти молчаливыя, холодныя стѣны!... Давно никто не жилъ въ этомъ домѣ. Молодой его помѣщикъ постоянно пребывалъ въ Петербургѣ и только для очищенія совѣсти съѣздилъ на нѣсколько дней по смерти отца принять, какъ говорится, Михалкино, а съ тѣхъ поръ довольствовался одними отчетами, посылаемыми ему Миронычемъ, сѣдымъ, сгорбленнымъ прикащикомъ съ шишкой на носу и нѣсколько суровымъ выраженіемъ лица. Какъ сосѣди мы были знакомы, и всякій разъ какъ мнѣ случалось проходить мимо флигелька Миронича, онъ обыкновенно выходилъ ко мнѣ на встрѣчу и своимъ отрывистымъ, но добрымъ и простымъ голосомъ начиналъ со мною калякать.

Въ одно изъ такихъ каляканій, Миронычъ сообщилъ мнѣ: «что на дняхъ, дескать, надо быть, пріѣдутъ господа, и что отдано приказаніе чистить садъ, приводить въ порядокъ домъ, что наслано не вѣсть сколько разныхъ разностей изъ Питера, и что господа думаютъ провести здѣсь все лѣто.» Я отчасти обрадовался этой новости; при нашей бѣдности въ сосѣдяхъ, пріѣздъ богатаго помѣщика съ молоденькой женой что-нибудь да значитъ. Конечно, меня въ этомъ случаѣ занимала болѣе M-me Илотова, но насчетъ ея Миронычъ, кромѣ того что она не стара и что свадьба совершилась неболѣе полугода назадъ, ничего сказать не могъ и тѣмъ открывалъ обширное поле для догадокъ и предположеній.

Однажды я возвращался съ охоты довольно поздно; солнце давно уже сѣло, и мертвая, ничѣмъ не возмущаемая тишина царствовала повсюду.... Ночь тихо спускалась на землю.

Я перешелъ чрезъ мостъ и вошелъ въ калитку сада. Сирень была въ полномъ цвѣту, и ея раздражительно-опьяняющій ароматъ тяжелою волной охватывалъ лицо, сливаясь съ смолистымъ запахомъ ревенныхъ тополей и березовой почки. Сквозь густыя вѣтви деревъ едва пробирался блѣдноватый свѣтъ луны, всплывавшей изъ-за сосѣдняго лѣса, и разнообразными полосками ложился на блестѣвшую росинками густую, зеленую траву. Природа отдыхала. Что́-то томящее, нѣжащее чувствовалось въ этомъ всеобъемлющемъ покоѣ, въ этомъ благовонномъ, чуткомъ вечернемъ воздухѣ. Можно-бы было, казалось, услышать малѣйшій вздохъ, каждое біеніе сердца — такъ тихо, такъ воспріимчиво было все кругомъ....

Я сѣлъ на первую попавшуюся скамью и жадно вдыхалъ въ себя сыровато-пахучій воздухъ. Хорошо чувствовалось въ этомъ еле колеблющемся, мягкомъ полумракѣ!... Какая-то сладкая лѣнь, сладострастная нѣга охватывала всего меня; душа невѣдомою силой распускалась какъ не-

развернувшійся цвѣтокъ и съ трепетною радостью, въ изнеможеніи искала и ожидала чего-то...

Но все было тихо кругомъ, все дремало.

Я сидѣлъ неподвижно, погрузившись въ размышленія и не настоящимъ заняты были мои мысли, а прошедшимъ. Воспоминанія вставали предо мной какъ давно забытые призраки, и какія-то легкія тѣни носились предъ моими глазами сначала смутно, потомъ все яснѣе и яснѣе. Я переносился назадъ, въ другія мѣста, къ другимъ людямъ. Предо мной воскресали давно исчезнувшія заблужденія, разочарованія, печали, радости, и (странное дѣло!) мнѣ хотѣлось воротить ихъ вмѣстѣ со всѣми забытыми горькими, тяжелыми минутами, чтобы только пережить опять тѣ-же немногія минуты блаженства, тѣ-же краткія мгновенія счастія...

Ночная свѣжесть и сырость давали уже себя чувствовать; я всталъ, собираясь домой, но услышавъ за собой шорохъ, оглянулся—и остолбенѣлъ....

Предо мной стояла женщина поразительной красоты, вся въ бѣломъ, и съ улыбкой смотрѣла на меня. Я долго не могъ придти въ себя отъ изумленія, потому что въ М-me Илотовой (я догадался что это была она) я узналъ дѣвушку, въ которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ влюбленъ и которую, сознаюсь, до сихъ поръ забыть не могъ.

Вотъ какъ это было.

II.

Однажды я отыскивалъ за Екатерингофомъ, на берегу взморья, дачу одного моего пріятеля. Пройдя черезъ мостъ и повернувъ на удачу въ одну изъ боковыхъ аллей, я вдругъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, очутился въ отгороженномъ, довольно тѣнистомъ мѣстѣ, похожемъ не то на садъ, не то на огородъ. Я остановился въ недоумѣніи. Предомной изъ-за густыхъ кустовъ сирени, выглядывалъ домикъ довольно пріятной наружности, съ цвѣтами на окнахъ, съ

чистенькими маркизами. Пока я занимался его разсматриваніемъ и соображалъ куда мнѣ дѣться, за деревьями послышались шаги, и чрезъ нѣсколько секундъ показалась на дорожкѣ прелестная дѣвушка, лѣтъ восьмнадцати, съ книгой въ рукахъ. Увидя меня, она остановилась и нѣсколько удивленно спросила:

— Что вамъ угодно?

Я снялъ шляпу и, кланяясь, отвѣчалъ:

— Я попалъ сюда ошибкой. Не будете-ли вы такъ добры указать мнѣ дачу Гальцова?

— Дачу Гальцова? Съ удовольствіемъ.... Черезъ три дома отъ насъ.... Ступайте большою дорогой по берегу.... Увидите хорошенькій домикъ съ партеромъ, наполненнымъ цвѣтами,—она и есть. А вы, вѣрно, здѣсь въ первый разъ?

— Да.

— Вы давно знакомы съ Гальцовыми?

— Я его университетскій товарищъ, мы еще тамъ были съ нимъ дружны.

— Мы также часто бываемъ у нихъ; madame Гальцова такая прекрасная женщина!

— Отчего-же до сихъ поръ я не имѣлъ удовольствія встрѣчать васъ у нихъ въ городѣ?

— Мы здѣсь съ ними познакомились.... Не забудьте-же, черезъ три дома, прибавила она.

Я понялъ, что мнѣ пора удалиться, и раскланявшись, отправился по указанному пути.

Отъ Гальцова я узналъ, что встрѣченную мной особу зовутъ Надеждой Александровной Ивиной, что она сирота и живетъ со старухой теткой, Сарскою, родной сестрой ея покойной матери. Гальцовъ представилъ меня ей, и нѣсколько дней спустя я въ первый разъ поѣхалъ къ нимъ.

Г-жа Сарская была престранная особа; всегда серьёзная, нахмуренная—она тяготила своимъ присутствіемъ. При ней всегда становилось какъ-то неловко. Говорила она мало и какъ-то отрывисто, но за то каждое ея слово, заранѣе обдуманное и взвѣшенное, было всегда сказано ею умно и

дѣльно. Противорѣчій она терпѣть не могла, все должно было исполняться по заранѣе составленному ею плану; въ этомъ сказывался ея нѣсколько упрямый, гордый и настойчивый характеръ. Мнѣ говорили, что она была влюблена одинъ только разъ въ жизни; все клонилось къ сватьбѣ, какъ вдругъ которая-то изъ подругъ однажды сказала ей: «Ты выходишь замужъ?... Ты влюблена въ N!... — «Нѣтъ!» вспыхнувъ отвѣчала Сарская (она терпѣть не могла, когда разгадывали ея мысли), и осталась дѣвицей на всю жизнь. Но при всѣхъ своихъ странностяхъ, г-жа Сарская была доброе существо: племянницу она любила какъ родную дочь и ничего не жалѣла для ея воспитанія.

Сарская съумѣла внушить ей довѣріе къ себѣ; Надежда Александровна любила её и вѣрила ей слѣпо. Въ одномъ только расходились тетка съ племянницей, хотя онѣ и не высказывались другъ другу: Надеждѣ Александровнѣ непонятенъ былъ сухой, черствый взглядъ тетки на жизнь, ея убѣжденіе, что не стоитъ гоняться за мимолетными радостями. Молодое сердце дѣвушки напротивъ рвалось къ этимъ радостямъ, стремилось выйдти изъ неестественнаго покоя, жаждало борьбы и волненій....

— Восторгаться не для чего, говорила ей часто Сарская,— послѣ хуже будетъ, когда разочаруешься. Надо представлять себѣ все какъ есть, безъ мишуры и блестокъ.

Не многіе посѣщали Сарскую, да она и недолюбливала шумное общество; но меня принимала благосклонно, и я ѣздилъ къ нимъ часто. Надежда Александровна мнѣ очень нравилась....

Она не походила на тѣхъ красавицъ, передъ которыми невольно останавливаешься въ изумленіи, и которыя поражаютъ одно наше зрѣніе; — красота Ивиной заглядывала глубже, она проникала въ самое сердце. Что-то задумчивонѣжное и вмѣстѣ непреклонно-гордое виднѣлось въ ея темнокарихъ глазахъ, опушенныхъ длинными черными рѣсницами. Лицо ея, нѣсколько смугловатое, дышало искренностью, хотя иногда бывало строго и даже холодно. Она была довольно-

но высокаго роста, прекрасно сложена, черты имѣла хотя не со всѣмъ правильныя, но не рѣзкія; почти черные волосы, не большой ротъ и тонкія, нѣсколько сжатыя губы. Руки ея были особенно красивы: маленькія, съ длинными тонкими пальцами и розоватыми ногтями, онѣ казались, по своей бѣлизнѣ, выточенными изъ лучшаго мрамора. Она пѣла очень хорошо и съ большимъ чувствомъ; у нея былъ контр-альтъ, мягкій, но довольно сильный, въ особенности мнѣ нравились у нея такъ называемыя стеклянныя ноты.

Скоро я сдѣлался у Сарской почти своимъ въ домѣ. Съ Надеждой Александровной мы разговаривали, занимались музыкой, гуляли. Тетка давала ей полную свободу; она слишкомъ была увѣрена, что разъ привитыя ею правила и убѣжденія никогда въ ней не поколеблюся, не пошатнутся. У Надежды Александровны была странная привычка никогда не досказывать вполнѣ своей мысли: всегда почти приходилось догадываться и самому добиваться затаеннаго значенія ея словъ. Отношенія наши были самыя дружескія, самыя спокойныя. Хотя я смутно и понималъ, что какое-то новое чувство закрадывается въ меня, но ни единымъ взглядомъ ни единымъ словомъ не посмѣлъ бы его обнаружить, не смотря на наше свободное обращеніе. Въ Надеждѣ Александровнѣ было что-то такое, что́ невольно остановило-бы всякій неумѣстный порывъ. Помню только однажды, когда она пѣла съ такою душой, съ такою страстью, что сердце во мнѣ замирало, и я не могъ довольно наглядѣться на нее, что-то небывалое, неуловимое мелькнуло въ ея чудныхъ глазахъ, и голосъ ея зазвучалъ какою-то особенною нѣжностію. Впрочемъ, можетъ-быть мнѣ только показалось....

А время шло, и я все болѣе и болѣе привязывался къ этой дѣвушкѣ; помнится мнѣ, не побываешь у нихъ день-другой, скучно станетъ, такъ тебя и тянетъ на дачу; а придешь къ нимъ, сядешь съ ней рядомъ и радостно, и ясно вдругъ сдѣлается на душѣ. Мысль о женитьбѣ уже нѣсколько разъ представлялась моему воображенію, но я не смѣлъ и заикнуться о своихъ чувствахъ Надеждѣ Александровнѣ. Я надѣялся, что случай поможетъ мнѣ.

Дѣйствительно такъ и случилось. Вотъ какъ это было. Мы сидѣли въ саду на скамейкѣ, противъ взморья. Вечеръ былъ теплый, ясный. Солнце стояло низко; погасавшіе лучи его причудливо дробились золотыми искрами на струйчатой поверхности воды и, прорываясь между деревьями, обливали краснымъ свѣтомъ заслоненные ими кусты. Чистая, ровная лазурь постепенно блѣднѣла, а багряно-золотистая заря разливалась все шире и шире. Тишина была поразительная! Ни одинъ листокъ, ни одна травка не шелестили. Только комары, сбившись въ кучку, то подымались, то опускались, жужжа и нѣжась послѣдними лучами...

— А вѣдь здѣсь хорошо! началъ я: — чудный вечеръ, цвѣты, море.... Вы любите природу, Надежда Александровна?

— Да, но искать ея красотъ я-бы не стала, разсѣянно отвѣчала она, чертя зонтикомъ на пескѣ какія-то фигуры.

— И цвѣтовъ не любите?

— Нѣтъ! отвѣчала она, поднявъ голову и улыбнувшись. Въ моей комнатѣ они давно уже повяли. Удивляюсь я, продолжала она, помолчавъ, поэтамъ.... Всякій листочекъ, всякая букашка приводитъ ихъ въ восторгъ и умиленіе.... Пишутъ—пишутъ и конца нѣтъ!

— Вы не любите стиховъ?

— Не очень; естественности въ нихъ мало. Все фантазія, ложь.. Ну, посудите сами: цвѣточки киваютъ головами, деревья простираютъ свои длинныя, зеленыя руки, звѣзды улыбаются—вѣдь это Богъ знаетъ что такое! Нѣтъ, не люблю я ихъ!

— Но тѣ, въ которыхъ высказываются чувства, движенія души и сердца, развѣ они ничего не говорятъ вамъ?

— И въ нихъ все преувеличено,—но это все-таки лучше.... ближе къ дѣйствительности.

— А! Вамъ всюду нужна дѣйствительность?

— А то какъ-же? Я въ этомъ совершенно согласна съ тетенькой.... Въ одномъ только... Послушайте, Александръ

Николаичъ, неужели это правда, что въ жизни не обманъ лишь трудъ и долгъ?

— Отчасти это такъ; но вѣдь есть и радости, которыми надо пользоваться.

Она задумалась.

— Это вы про любовь говорите?

— И про любовь, и про другое. Мало-ли на свѣтѣ радостей. Есть радости семейныя, дружба.

Она вздохнула.

— Въ любви больше горечи чѣмъ сладости.

— Это почему?

— Да потому, что въ любви не можетъ быть равенства: одинъ всегда рабъ, другой владыка, и рабомъ-то бываетъ обыкновенно тотъ, кто сильно любитъ!

— А вы думаете не отрадно быть рабомъ любимаго существа?

— Рабъ—вездѣ рабъ! И положеніе раба всегда непріятно!

— Да, когда ему не отвѣчаютъ, когда любовь не раздѣляется.... Одно существо мучится, страдаетъ, а другому и дѣла до этого нѣтъ!... (Я начиналъ волноваться.) Тогда конечно тяжело! Но любовь счастливая,—это блаженство, которому нѣтъ равнаго на землѣ!

— А вы развѣ....

— Испытали, хотите вы сказать? Нѣтъ, Надежда Александровна! За то я хорошо понимаю первую.... не раздѣляемую! (Дрожь начинала пробирать меня.)

Лицо ея вдругъ сдѣлалось серьезно.

— Оставимте этотъ разговоръ: что мнѣ за дѣло до вашихъ пониманій....

— Нѣтъ, вамъ есть дѣло, Надежда Александровна! Вѣдь я ее теперь испытываю, поймите вы меня! насилу выговорилъ я.

Она вдругъ вспыхнула вся, и глаза ея блеснули.

— Александръ Николаичъ! сказала она вставая: — кто далъ вамъ право выражаться такимъ образомъ?

Меня это взбѣсило.

— Никто не далъ—я самъ его взялъ!

— Вотъ какъ! иронически воскликнула она.

— Да.... потому что я васъ люблю, Nadine!. Будьте моею женой!

И опустился къ ея ногамъ.

Румянецъ слетѣлъ съ ея лица.

— Перестаньте!... Что за комедія! торопливо, съ какимъто раздраженіемъ проговорила она, и судорожно схвативъ зонтикъ, направилась къ дому.

Я пошелъ за ней, но пройдя нѣсколько шаговъ, она вдругъ обернулась и такъ взглянула на меня, что я какъ пригвожденный, остался на мѣстѣ.

«Она меня не любитъ! Я обидѣлъ её!» вертѣлось у меня въ головѣ, и злобныя слезы подступали къ горлу. Въ домѣ послышалось пѣніе; я поспѣшилъ туда и засталъ её за роялью, тетки не было въ комнатѣ. Увидя меня, она покраснѣла.

— Ступайте домой, сказала она взволнованнымъ голосомъ:—я согласна!—и выбѣжала изъ комнаты.

О блаженная минута! Куда ты дѣлась?.. Туда-же куда и мои двадцать три года!

На другой день я сдѣлалъ предложеніе. Сарская нахмурилась и, пожевавъ губами, сказала мнѣ:

— Благодарю васъ за честь, Александръ Николаичъ, но я не отдамъ за васъ племянницу; вы не соотвѣтствуете моему плану. Надѣ нуженъ мужъ практическій, дѣловой, а вы слишкомъ еще молоды и увлекаетесь.... у васъ поэзія въ головѣ. Не установились еще.... Вы ищете въ бракѣ однихъ только розановъ да радостей: нѣтъ, онъ тяжелая цѣпь, которую надо умѣть нести.... А ну, какъ вы свалитесь подъ ея тяжестію?

Я смѣшался, покраснѣлъ, и зная характеръ Сарской не посмѣлъ противорѣчить.

Послѣ этого разговора я только для приличія съѣздилъ къ Сарской еще разъ проститься. Петербургъ мнѣ надоѣлъ, и я отправлялся въ деревню. Визитъ былъ конечно не долгій;

что-то неестественное, натянутое чувствовалось въ нашемъ разговорѣ, который еле вязался. Видно было, что у каждаго изъ насъ на сердцѣ есть что-то такое, чего не хочешь вымолвить! Однако, подъ предлогомъ посѣщенія Гальцова, я еще въ продолженіи двухъ недѣль проѣзжалъ мимо дачи Сарской, и мнѣ какъ-то сладостно-больно было останавливаться предъ знакомою рѣшеткой и смотрѣть на знакомыя окна, ожидая увидѣть въ нихъ, хотя на мгновеніе, милыя черты милаго лица!

Въ послѣдній разъ я засидѣлся у Гальцовъ довольно долго: чествовали мое отбытіе изъ столичнаго града. Ночь была чудная, и мнѣ захотѣлось идти пѣшкомъ. Дачники разошлись по домамъ, и на берегу не встрѣчалось почти никого. Заря блѣднѣла, и на голубовато палевомъ небѣ тихо теплились безчисленныя звѣзды. Кроткій свѣтъ луны и поднимавшійся съ моря легкій туманъ подергивали точно флеромъ заснувшую окрестность, смягчая рѣзкіе контуры ближайшихъ предметовъ. Я дошелъ до сада Сарской и облокотился на рѣшетку. Все дремало кругомъ. Образъ Нади, какъ тѣнь, пронесся предъ моими глазами, вызвалъ дорогія сердцу воспоминанія, и мнѣ вдругъ стало такъ горько, такъ больно!—«Я не увижу ея!» думалось мнѣ, «можетъ-быть никогда!» и я завидовалъ, отъ души завидовалъ въ эту минуту и собачкѣ Биби, которую она каждый день сама кормитъ, и нотамъ, которыя она перелистываетъ, и георгинамъ, которые по нѣскольку разъ въ день привѣтствуютъ ея прогулку.... Безсильная злоба тѣснилась ко мнѣ въ грудь, сердце билось раздражительно и жолчно. А кругомъ все было такъ тихо, такъ покойно!.. О міръ подлунный! Вѣздѣ противорѣчіе!...

Я собирался уже идти, какъ вдругъ аккордъ раздался въ домѣ и прокатившись по воздуху, замеръ, какъ мнѣ показалось, въ моемъ сердцѣ. Я невольно вздрогнулъ. Вслѣдъ за нимъ знакомый голосъ запѣлъ серенаду Шуберта:

Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо, въ часъ ночной;

Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой!

Я жадно вслушивался въ эти страстно-мечтательные звуки и съ томительнымъ напряженіемъ ловилъ каждую ноту. Да, это дѣйствительно были печальные звуки!.. Въ нихъ чувствовалась тоска желанья, тоска разлуки.... Я слушалъ въ какомъ то забытьи...

Но вотъ послѣдній аккордъ тихо разнесся кругомъ, и долго еще дрожали эти дивные звуки, слабѣя и замирая въ едва колеблющемся воздухѣ. Наконецъ они совсѣмъ смолкли, но все еще нѣсколько мгновеній казалось, звенѣлъ вокругъ меня мягкій, задушевный голосъ этой дѣвушки, чувствовалось ея присутствіе. Окно стукнуло, и все погрузилось въ прежній покой.

III.

Теперь вообразите, читатель, то изумленіе, которое вдругъ овладѣло мной, когда въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ себя, я увидѣлъ Надежду Александровну!

— Вы здѣсь!.. И замужемъ! могъ только воскликнуть я.

Она утвердительно кивнула головой.

— И счастливы съ мужемъ?

— Съ мужемъ?.. Да, отвѣчала она какъ-то странно.

Мы обмѣнялись нѣсколькими малозначащими вопросами.

— А прошлое все, значитъ, забыто? робко спросилъ я наконецъ.

— Какое прошлое? Кажется, ничего и небыло.

— А мнѣ кажется было.

— Не знаю... можетъ-быть.

— Послушайте, началъ я, подвигаясь къ ней, — теперь время прошлое... любили вы меня... тамъ.., на дачѣ?

— А это васъ очень интересуетъ?

— Боже мой, да, мнѣ хотѣлось-бы знать.

Она усмѣхнулась, но ничего не отвѣтила.

— Ну что-же... Да или нѣтъ?

— Мнѣ кажется, вопросъ этотъ въ настоящее время неумѣстенъ... Я замужемъ, слѣдовательно....

— Слѣдовательно?

— Старая любовь, если она и была, уступила мѣсто новой.

— Значитъ была старая?

Она промолчала.

— Была?

— Ну, была! какъ-то порывисто отвѣтила она.

— И отъ нея и слѣдовъ не осталось?

— Ни малѣйшихъ! серьезно отвѣчала Илотова:—а вамъ бы хотѣлось чтобъ она продолжалась вѣчно, чтобы женщина *брошенная вами* постоянно плакала да воздыхала, чтобы никто кромѣ васъ не могъ владѣть ею,—вамъ этого хотѣлось? Признайтесь.

Иронія звучала въ послѣднихъ ея словахъ,—все лицо ея вспыхнуло.

— Я вижу, вы разсердились... Но объясните мнѣ, Надежда Александровна, эти слова: «брошенная вами.» Я ихъ рѣшительно не понимаю. Мнѣ кажется, слѣдовало-бы сказать наоборотъ.

— Вы ихъ не понимаете? А между тѣмъ они совершенно вѣрны и ясны.

— Какъ? Я бросилъ васъ!

— Да, вы меня бросили, потому что не поняли меня. Я васъ любила... Ну, да вамъ дѣла до этого нѣтъ, какъ я васъ любила... Вы также. Сдѣлали предложеніе,—все это прекрасно. Но вотъ гдѣ вы поступили, хотя и благоразумно, но не такъ какъ я ожидала, не такъ какъ я-бы поступила... Вамъ отказали, и вы... уѣхали!

— Что́-же мнѣ было дѣлать?

Насмѣшка скользнула по ея губамъ.

— Александръ Николаичъ! Крѣпкій узелъ трудно разорвать, а еле связанные обрывки сами распадаются! Еслибы

вы дѣйствительно меня глубоко любили, вы-бы непотеряли меня! Вы-бы съ бою взяли то счастіе, которое не давалось вамъ обыкновеннымъ путемъ.... а вы и пальцемъ не пошевелили!

— Но я васъ любилъ, Nadine, любилъ больше...

— Позвольте Александръ Николаичъ! вдругъ выпрямившись, воскликнула Илотова:—для васъ я Надежда Александровна! Не забывайте этого!

Я вздрогнулъ, какъ-будто вылили на меня вдругъ ушатъ ледяной воды. Я пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ и закрылъ лицо руками. Прежняя страсть еще съ большею силой охватила меня. Теперь, когда я сознялъ, что эта женщина погибла для меня навсегда, и только теперь понялъ всю горькую, высказанную ею правду!

— Прощайте! сказала она, и голосъ ея опять зазвучалъ нѣжностью:—мы вѣроятно не скоро увидимся! и протянула мнѣ руку, которую я почтительно поцѣловалъ.

— Да и для чего?! проговорилъ я сдавленнымъ голосомъ смотря во слѣдъ исчезавшему въ полумракѣ бѣлому платью.

IV.

Прошло два года. Все это время я прожилъ за границей, но не смотря на перемѣну мѣста, на столкновеніе съ новыми личностями и разнообразно-шумную жизнь, образъ Илотовой не выходилъ у меня изъ головы. Слова Надежды Александровны, какъ надоѣдающій комаръ, жужжали у меня надъ ухомъ. Наконецъ я переселился въ Петербургъ, и тотчасъ-же отправился къ Гальцовымъ. Разговоръ зашелъ о пребываніи моемъ въ деревнѣ.

— Ты долженъ былъ видѣтъ Илотовыхъ, вѣдь ты сосѣдъ имъ по *** уѣзду? спросилъ меня Гальцовъ.

— Нѣтъ, не видалъ... Я вообще не охотникъ до новыхъ знакомствъ, схитрилъ я.

— Помилуй! Илотова твоя давнишняя знакомая! Она рожденная Ивина.

— Неужели?

— Да; та самая Наденька, въ которую, помнится мнѣ, ты былъ когда-то влюбленъ....

— Ужъ и влюбленъ!

— А то какъ-же.... Притворяйся-ка!

— Когда-же она вышла замужъ?

— Черезъ полгода послѣ твоего отъѣзда. Ужъ тутъ Сарская погрѣшила.

— Чѣмъ-же?

— Да тѣмъ, что выдала ее не по любви.

— А жива эта старая?

— Въ прошломъ году холерой умерла.

— Ужъ вѣроятно, не по заранѣе составленному плану? (Воспоминанія пробудили во мнѣ злость.)

— Ну, конечно.

— Что́-же, они счастливы?

— Кто? Илотовы?

— Да.

— Нѣтъ, она была несчастлива.

— Какъ была! Зачѣмъ ты говоришь въ прошедшемъ?

— Да потому, что это прошедшее.

Я чуть не вскочилъ съ мѣста.

— Какъ?

— Очень просто. Годъ слишкомъ какъ она овдовѣла.

Я просто оглупѣлъ отъ радости.

— И она здѣсь?

— Здѣсь. Живетъ на Литейной.

На другой день я уже сидѣлъ въ гостиной Илотовой. Она почти ни въ чемъ не измѣнилась, только лицо ея немного поблѣднѣло.

— Вы позволите мнѣ бывать у васъ? спросилъ я при разставаньи.

— Да, только съ условіемъ не говорить...

— О прошломъ?

— Да. Къ чему тревожить старое!

— Конечно...

Я сталъ часто посѣщать Илотову. Она ко мнѣ благоволила. Я услышалъ опять тѣ-же аккорды, тотъ-же голосъ.... и день ото-дня все болѣе и болѣе въ нее влюблялся. Во мнѣ воскресла надежда.... (а чѣмъ-же и живетъ человѣкъ какъ не надеждой?)

Разъ какъ-то въ сумерки сидѣли мы у затопленнаго камина; свѣчъ не было еще подано. Синеватый огонь то вспыхивалъ, то угасалъ, перебѣгая по стѣнамъ разнообразными тѣнями и распространяя кругомъ какую-то нѣгу.... Сердце мое согрѣлось.... Я невольно взглянулъ на Илотову; она сидѣла подпершись рукой и немного опустивъ глаза. Непривычное утомленіе выражалось на ея лицѣ. Но какъ чудно глядѣли эти задумчивые глаза изъ-подъ темныхъ, густыхъ рѣсницъ!

— Надежда Александровна! началъ я.

— Что́ вамъ угодно, Александръ Николаичъ? обернувшись ко мнѣ, нѣсколько лѣниво спросила она.

— Позвольте поговорить съ вами о прошломъ.

— Къ чему?... Его не вернешь!

— А можетъ-быть...

Илотова печально покачала головой.

— «Что было—то не будетъ вновь!» сказала она и пошла къ двери.

— Это неправда!

— Сами же меня научили!

— Надежда Александровна! Одно слово!

Она остановилась и обернулась.

— Вѣдь я васъ люблю!

Она вздохнула и пошла.

Я облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. «Не любитъ! Погибла для меня!» вертѣлось у меня въ головѣ, и слезы отчаянія, слезы злобы выступили у меня на глазахъ.

Черезъ минуту она вошла и подойдя къ столу, за которымъ я сидѣлъ:

— Что съ вами? съ участіемъ спросила она.

Я молчалъ.

Она придвинулась ко мнѣ и отвела мои руки.

— Вы плачете?.. Какъ вамъ не стыдно! Точно ребенокъ! — и голосъ ея зазвучалъ нѣжностію. — Перестаньте! сказала она и поправила волосы падавшіе мнѣ на лобъ.

Неизъяснимый трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ отъ прикосновенія этихъ маленькихъ, нѣжныхъ рукъ. Я взглянулъ на нее.... и въ упоеніи страсти опустился къ ея ногамъ.

— Будьте-же наконецъ моею женой! прошепталъ я.

Она вспыхнула, но ничего не отвѣтила.

— Да, или нѣтъ?

Она закрыла лицо руками, и сказавъ «до завтра!» ушла къ себѣ.

На другой день мнѣ принесли отъ нея коротенькую записку:

«Я васъ любила и, можетъ-быть, люблю. Но, сватьба наша не состоится,—я не могу забыть прошлаго!

«Н.»

Такъ кончились наши три свиданія! Счастіе задѣло меня однажды своимъ лучезарнымъ крыломъ—и прошло мимо!

ИЗЪ КОЛЕЙ.

ИЗЪ КОЛЕЙ.

РАЗСКАЗЪ.

.....Нѣтъ, батюшка, обратился Никаноръ Андреевичъ къ одному, недавно кончившему курсъ, студенту,—никогда не соглашусь я съ вашими новыми теоріями, какими софизмами вы ихъ не поддерживайте... А что до энергіи, такъ называемыхъ, свободно-мыслящихъ людей, я бы разсказалъ вамъ кое-что, да время уже позднее...

— Ничего, ничего, упрашивали мы—разсказывайте.

— Нѣтъ, господа... Разскащикъ я плохой... Лучше запишу что вспомню, и прочту вамъ.

Мы согласились и черезъ нѣсколько дней Никаноръ Андреевичъ прочелъ намъ слѣдующее:

I.

Я стоялъ въ одномъ изъ номеровъ гостинницы Лондонъ. Грязныя стѣны, оборванная, засаленая мебель, паутина въ углахъ, тусклое зеркало, въ которомъ самая тощая физіономія показывалась до нельзя распухшей, невыносимо тяжелый, прогорклый воздухъ—наводили на меня тоску и уныніе. Я проклиналъ и уставныя грамоты, и несговорчивость мужиковъ и медленность посредника, державшихъ меня такъ долго въ скверномъ городишкѣ М., и готовился на всевозможныя уступки, лишь-бы только поскорѣй вырваться изъ этой трущобы. Не имѣя знакомыхъ и осмотрѣвъ въ первые же дни моего пріѣзда немногочисленныя достопримѣ-

чательности города, я почти все время сидѣлъ у себя въ номерѣ, окруженный планами, межевыми книгами, не видя никого кромѣ мужиковъ да рыжаго полупьянаго половаго. Сосѣдей у меня не было, невозмутимая тишина царствовала въ корридорѣ, еле освѣщенномъ дешевенькой керосиновой лампой. Изрѣдка только доносились снизу разгульныя пѣсни подкутившихъ прикащиковъ или брань извощика, обсчитаннаго половымъ. Вообще, какъ видите, положеніе мое было незавидное, и жизнь въ городѣ М. невеселая.

Но приступимъ къ разсказу. Разъ вечеромъ (дѣло было зимой), поработавши вдоволь, сидѣлъ я у окна. Свѣчу я потушилъ — при огнѣ какъ-то не мечтается. Ясная, тихая ночь холодѣла съ каждымъ часомъ. Морозъ разукрасилъ стекла разнообразными узорами. Полная луна медленно выходила изъ за крыши сосѣдняго дома, и бѣлый ровный свѣтъ ея, прорываясь сквозь раму окна, ложился по полу широкими, расходящимися полосами. Жесткій снѣгъ скрипѣлъ и визжалъ подъ полозьями, блестѣлъ безсчисленными алмазными точками. На улицахъ затихало. У соборной церкви сторожъ ударилъ въ колоколъ девять разъ. Подгулявшій извощикъ тянулъ гдѣ-то заунывную пѣсню.... Я задумался.

Вдругъ подъ окномъ прозвенѣлъ колокольчикъ, и на лѣстницѣ послышались шаги,—они направлялись къ моему номеру. По знакомому шлепанью, импровизованныхъ изъ сапогъ, туфель, я узналъ своего половаго. Онъ отворилъ дверь въ сосѣдній номеръ и сказалъ кому-то:

— Здѣсь почище, пожалуйте.

— А рядомъ есть кто-нибудь? спросилъ молодой, и хотя нѣсколько рѣзкій, но довольно пріятный мужской голосъ.

— Пріѣзжій изъ Питера, да огня не видать, такъ надо полагать, они не вернувшись.

— А дверь эта къ нему? спросилъ вошедшій.

— Къ нимъ-съ; да она заперта и комодомъ заставлена, не извольте безпокоиться.

— Да ты съ чего взялъ что я безпокоюсь?

Молчаніе.

— Закусить прикажете... или самоварчикъ?

— Ни того ни другаго.

— Въ билліардную не угодно-ли?.. Тамъ всѣ хорошіе господа бываютъ... Петрушка маркелъ...

— Отвяжешься ты отъ меня?.. Молчать! грозно крикнулъ сосѣдъ.—Тутъ придетъ барышня продолжалъ онъ, помолчавъ.

— Понимаемъ-съ, лукаво замѣтилъ половой.

— Врешь! Ничего не понимаешь... А будешь много разговаривать, такъ... И онъ кулакомъ ударилъ по столу.

— Слушаю-съ.

— Проводи ее сюда.... Понялъ?

— Понялъ-съ.

— А теперь пошелъ вонъ.

Половой исчезъ.

Я тихонько всталъ со стула, перебрался къ комоду и приставилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

За столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ весьма красивымъ и выразительнымъ лицомъ. Черные, какъ смоль, волосы волнистыми кудрями закидывались назадъ, открывая блѣдный и высокій лобъ. Темные, быстрые, подъ густыми бровями, глаза выражали смѣлость и энергію. Небольшіе усы едва прикрывали его тонкія, нѣсколько сжатыя губы. Съ перваго взгляда на молодаго человѣка можно было угадать его пылкій, страстный характеръ.

Сосѣдъ мой сидѣлъ облокотившись и сдвинувъ брови. Одѣтъ онъ былъ довольно небрежно, но по однимъ его бѣлымъ, небольшимъ рукамъ съ длинными, словно выточенными пальцами, можно было судить о его породистости, а брошенная на диванѣ ильковая шуба доказывала, что онъ былъ не изъ числа нуждающихся.

Прошло нѣсколько минутъ. На лицѣ молодаго человѣка выразилось нетерпѣніе. Онъ сжалъ пальцы въ кулакъ и быстро опустилъ руку на столъ.

— Неужели она не придетъ?.. Не можетъ быть! проговорилъ онъ. Пора это кончить... Сегодня или никогда!.. Никог-

да! страшно подумать... Нѣтъ! она любитъ меня... она не будетъ колебаться.... достаточно, кажется, подготовлена... А если?.. О, тогда... (онъ стукнулъ кулакомъ по столу) я заставлю ее! Никто не оторветъ ее отъ меня—н-нѣтъ! и онъ судорожно улыбнулся.

Послышалось шлепанье туфель и разговоръ вполголоса. Молодой человѣкъ быстро всталъ, и румянецъ вспыхнулъ на его блѣдныхъ щекахъ. Дверь отворилась, и въ комнату вошла довольно высокая женская фигура, въ черномъ атласномъ салопѣ, закутанная въ башлыкъ. Она поспѣшно сдернула его и подошла къ столу. Я чуть не вскрикнулъ у своей скважины. Представьте себѣ, господа, густые, пепельнаго цвѣта локоны, нѣжные и мягкіе какъ волна, небрежно разсыпавшіеся по плечамъ, пару голубыхъ, какъ майское небо, глазъ, съ кроткимъ, яснымъ взглядомъ, небольшой, нѣсколько вздернутый кверху носикъ, маленькій ротъ, съ немного выдавшейся впередъ нижней губкой—и вы поймете мое изумленіе. Что-то невинно-дѣтское, задумчиво нѣжное выражало это лицо.

Молодой человѣкъ бросился къ ней, скинулъ съ нея салопъ и, порывисто обнявъ, страстно поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы, проговоривъ:

— Алина! счастье мое!

Я невольно вздрогнулъ отъ звука этого голоса; не часто вырываются изъ груди подобныя восклицанія. Въ немъ слышалась и страсть, и блаженство и мука... Это былъ вопль души, стонъ наболѣвшаго сердца. Онъ не дрожалъ, не надрывался, не замиралъ... онъ былъ рѣзокъ и быстръ, какъ молнія.

Они сѣли.

Жизнь моя! въ самозабвеніи говорилъ молодой человѣкъ, осыпая поцѣлуями ея руки, глаза, пылающія щеки. Наконецъ-то ты со мной!.. Отъ одной мысли что ты не придешь, у меня замирало сердце... О, еслибъ ты знала, Лина, что выстрадалъ я въ эти два мѣсяца!.. Но ты любишь меня.... по прежнему? спрашивалъ онъ, вглядываясь ей въ лицо.

— Милый! красавецъ мой! говорила она, порывисто обхватывая его шею и впиваясь въ него долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ.—Неужели ты могъ сомнѣваться?

— Пока ты не со мной, пока ты не моя, я во всемъ сомнѣваюсь. О, какая адская мука разлука съ милой! Надо было пережить эти страшныя минуты, пройти черезъ всѣ эти страданія, чтобы понять ихъ и достойно оцѣнить! Вѣришь-ли: когда я не вижу тебя, я дѣлаюсь золъ; мнѣ кажется, я былъ-бы способенъ тогда даже на преступленіе... Но при тебѣ я становлюсь добръ, готовъ обнять весь міръ.

— А ты думаешь, мало я вынесла въ это время, Вадимъ? Разлука съ тобой, гнетущая пустота жизни, мучительные упреки совѣсти—одна подушка моя знаетъ, сколько слезъ, прожигающихъ слезъ поглотила она въ эти два мѣсяца! Мать, сестру, которыхъ я обожала, я отъ нихъ отшатнулась.... Одинъ ты у меня на умѣ... Тобой я только живу... А я не должна была любить тебя. Мнѣ часто приходитъ въ голову, какая я сдѣлалась низкая... Я лгу, обманываю... О, мои правила, моя нравственность, гдѣ вы?

Слезы блеснули въ ея глазахъ.

— Ты не сожалѣешь-ли? спросилъ Вадимъ.

— Нѣтъ! но больно, горько мнѣ обманывать мою бѣдную, добрую мать, которая мнѣ все простила, которая вѣритъ мнѣ на слово. Вѣдь я люблю ее Вадимъ. Послѣ тебя болѣе всего на свѣтѣ..... мнѣ жаль ее....

— Все это прекрасно, Алина, но вѣдь какой-нибудь да нуженъ исходъ. Домъ вашъ для меня закрытъ; сюда ходить тебѣ невозможно—узнается. А жить безъ тебя я не могу... надо чѣмъ-нибудь кончить.

— Страшно, Вадимъ... Совѣсть говоритъ мнѣ, что я дурно поступаю... Ты женатъ... можешь сойтись съ женой...

— Ты знаешь чѣмъ разрѣшился этотъ бракъ! Ты знаешь, что черезъ годъ послѣ сватьбы я разъѣхался съ женой, и вотъ уже пять лѣтъ, какъ мы не встрѣчались! Къ чему-же это напоминаніе, когда примиренія быть не можетъ?

— Но вѣдь ты любилъ ее?

— Да, пока она не сняла маски, пока своимъ поступкомъ не запятнала себя, не вырвала моей любви съ корнемъ!

— Ты можешь простить ее...

— Простить? Никогда! Есть вещи, которыя не прощаются.

— Но вѣдь я становлюсь между вами, пойми меня, Вадимъ!

— Не разрывай ты меня своими упреками. (Онъ схватилъ ея обѣ руки и сильно встряхнулъ ихъ). Ты любишь меня? Глубоко? (Она утвердительно кивнула головой). А если любишь, должна все бросить, обо всемъ позабыть... Любовь эгоистичное чувство... ей надо отдаться всему... Рѣшишься ты на это?

Алина промолчала. Нервный трепетъ пробѣжалъ по ея членамъ.

— Сегодня или никогда, продолжалъ, Вадимъ,—помни это! Вѣдь не для пустой болтовни звалъ я тебя сюда, Алина; ты должна выбрать наконецъ или меня, или мать,—или вѣнцы впереди, или названіе моей любовницы! прибавилъ онъ иронически.

Алина вспыхнула.

— Не могу! глухо отвѣтила она.

— Не можешь? воскликнулъ Вадимъ, быстро вставая. — Титулъ не нравится?

Алина дрожала.

Онъ остановился передъ ней и съ усмѣшкой покачалъ головой.

— Ошибся я въ тебѣ! Не развязались твои глаза! Ты все та-же свѣтская барышня, и больше ничего.

Онъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Не по торной дорожкѣ повелъ я васъ, Алина Валерьяновна! Вы можете любить только имѣя въ виду вѣнцы, попа съ пѣвчими, да поздравленія всего вашего родственнаго скарба! Вы дрожите передъ всякой сплетней какой-нибудь отжившей старухи, предъ глупѣйшей улыбкой провинціальнаго денди! Что вамъ моя любовь! Что вамъ мои мученія, мои безсонныя ночи!... Вы любите, пока это возможно, а чуть препятствіе—являются на сцену совѣсть, слезы,

самоуничиженіе... Гдѣ-же ваша энергія, самопожертвованіе? Лучше ненависть, чѣмъ слабость!

— Вадимъ, пожалѣй меня... Еслибъ ты зналъ, что во мнѣ происходитъ! почти простонала она.

— Пожалѣть? За что? А ты меня жалѣешь?... Пойми: вѣдь у меня цѣлый адъ въ груди... вѣдь третій мѣсяцъ я мучусь...

— Вадимъ, а я-то... Я люблю тебя до безумія, видитъ Богъ! Но оторваться отъ всего... Господи! что это такое!... проговорила она сквозь душившія ее слезы.

— Любишь? (И глаза его сверкнули). Такъ ступай за мной! Тройка у крыльца!

Алина поблѣднѣла.

— Идемъ, сейчасъ!

Онъ ухватилъ ее за руку.

— Вадимъ.... милый! простонала она и потянулась къ нему руками.

Онъ отвернулся и молчалъ.

— Пощади... вѣдь я люблю тебя! Но мать... бѣдная мать —это убьетъ ее!

— Можетъ быть и проклянетъ, холодно добавилъ Вадимъ.

— Не смѣйся.... ради Бога, не шути этимъ, утирая слезы, въ какомъ-то испугѣ говорила она.—Я какъ подумаю, что въ нашемъ домѣ имя мое будетъ произноситься съ презрѣніемъ, можетъ быть, съ проклятіями—все сердце кровью обольется!... Господи! что это за мука?

Прошло нѣсколько секундъ. Алина плакала, Вадимъ ходилъ по комнатѣ и молча грызъ усы.

— Ну что-же? спросилъ онъ наконецъ, остановившись передъ ней и сдвинувъ брови.—Рѣшилась?

Алина не тотчасъ отвѣтила.

— Голубчикъ! простонала она, и взглядъ ея какъ будто молилъ о прощеніи.—Не... могу!

Мгновенно измѣнилось лицо Вадима. Блѣдныя пятна выступили на его щекахъ, глаза сверкнули фосфорическимъ блескомъ. Онъ сильно оттолкнулъ Алину и быстро началъ ходить по комнатѣ.

— Прочь! крикнулъ онъ.—Прочь, бездушная!

Алина упала на колѣни. Ея чудные волосы въ безпорядкѣ разсыпались по ея блѣдному, смоченному слезами лицу; все тѣло ея трепетало. Но во взглядѣ ея не видно было и слѣда нетолько гнѣва, но и раздраженія. Онъ молилъ, онъ теплился безпредѣльною любовью этотъ кроткій, ясный взглядъ.

Алина дотащилась до Вадима схватила его руку, ту самую руку, что поднялась на нее и, судорожно поцѣловавъ ее, приникла къ ней.

— Прости, прости! шептала она, а слезы горькія, жгучія слезы такъ и капали изъ ея покраснѣвшихъ глазъ.—Скажи хоть слово, пожалѣй свою Лину!

Онъ молча надѣвалъ шубу.

— Я вижу что ты любишь меня, но.... Охъ, какъ тяжело!

Онъ пошелъ къ двери.

— Куда? мгновенно вскочивъ съ дивана и останавливая Вадима за руку, быстро спросила Алина.

— Что-же мнѣ здѣсь дѣлать, коли все кончено, съ скрытою дрожью въ голосѣ отвѣтилъ Вадимъ.

— Ты.... ты бросаешь меня? (Она уставила на него свои разширенные испугомъ глаза). Свою Лину?

— Она не моя... Она принадлежитъ свѣту, его предразсудкамъ....

— Такъ значитъ..... все.... кончено?... Все..... что было?.... растерянным голосомъ спрашивала она.

— Все, отвѣтилъ Вадимъ.

— И ты.... полюбишь со временемъ дру..... Нѣтъ! вдругъ вскрикнула Алина, стремительно бросаясь ему на грудь. — Я твоя!

— Ты ѣдешь? съ радостнымъ воплемъ обнялъ онъ ее.

— Да... да.... Только скорѣй... ради Бога!

Онъ накинулъ на нее салопъ и увлекъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько секундъ у крыльца звякнулъ колокольчикъ,—я бросился къ окну. Двѣ темныя закутанныя фигу-

ры, облитыя холоднымъ свѣтомъ мѣсяца, усаживались въ сани. Церковный колоколъ ударилъ десячь разъ, и въ его унылыхъ звукахъ, медленно расходившихся въ морозномъ воздухѣ, мнѣ почудилось что-то зловѣщее, погребальное....

II.

Лѣтъ черезъ пять, осенью, пришлось мнѣ быть въ Москвѣ. Остановился я въ Hôtel de ***, на Кузнецкомъ мосту, и въ первый-же день спустился обѣдать въ кафе-ресторанъ этой гостиницы. Проходя въ общую столовую, я увидѣлъ за конторкой молодую женщину, лицо которой показалось мнѣ какъ-будто знакомымъ; но сколько ни старался я припоминать, гдѣ встрѣчалъ я это лицо,—ничего изъ этого не выходило. Память моя, въ этомъ случаѣ, по своей безтолковщинѣ очень походила на безпорядочный архивъ какого-нибудь уѣзднаго суда или полицейскаго управленія — именно того чего ищешь и не находишь. Поломавъ себѣ напрасно голову, и успокоивъ себя тѣмъ, что предполагаемое сходство существуетъ, можетъ быть, только въ моемъ воображеніи, я усердно принялся за поданнаго мнѣ цыпленка, какъ вдругъ слова хозяина—француза: «Madame Aline,» заставили меня насторожить уши. Подъ какимъ-то предлогомъ вошелъ я въ буфетъ; содержатель гостинницы говорилъ съ конторщицей; я вглядѣлся въ нее.... И вдругъ совсѣмъ неожиданно, припомнились мнѣ и городъ М., и номеръ Лондона, и страстный Вадимъ... Но прежней Алины не было въ теперешней dame du comptoir: она похудѣла и поблѣднѣла; голубые глаза ея утратили свой жизненный блескъ, глядѣли грустно и утомленно; едва замѣтныя морщинки прорѣзывали ея бѣлый, ровный лобъ; видно было, что житейская скорбь наложила на это, нѣкогда цвѣтущее лицо, свою разрушительную печать. Я долго вглядывался въ Алину, и въ ея насильственномъ спокойствіи, въ ея равнодушномъ взглядѣ мнѣ сказывалась цѣлая разбитая жизнь, цѣлая неизвѣстная мнѣ драма...

Я попробовалъ вовлечь Алину въ разговоръ, но проба оказалась неудачной; молодая женщина видимо старалась быть замкнутой и на всѣ мои вопросы отвѣчала вѣжливо, но сухо и сдержанно. Не скажу чтобы любопытство, но сочувствіе къ этому положенію меня мучило. Наконецъ черезъ нѣсколько дней, я рѣшился на послѣднее средство.

— Madame Aline, сказалъ я, принимая по обыкновенію счетъ изъ ея рукъ.—вы и не подозрѣваете, что мнѣ знакомы?

— По крайней мѣрѣ, я не только васъ не знаю, но никогда и не видала, немного удивилась она.

— А все-таки это такъ.

— Не думаю. Случайное сходство.

— Вспомните, не безъ нѣкотораго волненія продолжалъ я,—пять лѣтъ назадъ.... зимой.... городъ М., номеръ гостинницы Лондонъ, тройку у крыльца....

— Алина сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, и провела рукою по глазамъ, какъ-бы отстраняя отъ себя тяжелое видѣніе.

— Вы его знали? наконецъ дрожащимъ голосомъ спросила она.

Слезы блеснули въ ея глазахъ.

— Не стану васъ обманывать — я его не знаю. Случай открылъ мнѣ вашу тайну... И я разсказалъ ей то, что вамъ уже, господа, извѣстно.

— Да, все съ тѣхъ поръ измѣнилось, въ какомъ-то раздумьи проговорила Алина, когда я кончилъ,—отъ радужной дѣйствительности остались одни воспоминанія, вмѣсто тихаго, безмятежнаго счастія—заботы о насущномъ хлѣбѣ!

— Вамъ тяжела эта должность?

— Судите сами: за пятнадцать рублей жалованья я должна являться каждый день въ десятомъ часу утра и сидѣть до двѣнадцати ночи; потомъ, такъ какъ денегъ этихъ недостаетъ на содержаніе мое съ ребенкомъ, я беру работу на домъ и занимаюсь до трехъ часовъ.

— Да этого никакое здоровье не вынесетъ!

— Слала Богу выноситъ, улыбнувшись отвѣтила Алина,—

одно крайне непріятно: безпрестанные дрязги, брань съ служащими. Они привыкли, чтобы смотрѣли на ихъ мелкія плутни сквозь пальцы, а я не могу покрывать ихъ и всегда вывожу наружу. За это они меня не любятъ и по своему стараются вредить мнѣ, наговариваютъ хозяину, возстанавливаютъ посѣтителей. Содержатель сердится и всѣ лакейскія неисправности вымещаетъ на мнѣ. Смѣшно сказать, въ какихъ мелочахъ высказывается эта злоба: то холодный обѣдъ подадутъ, то лишатъ какого-нибудь блюда, отзываясь тѣмъ что все вышло. Дѣлать нечего, надо терпѣть, мѣста такъ трудно достаются! И этого-то я ожидала чуть не полгода. А перемѣнить хотѣлось-бы.... вѣдь по цѣлымъ днямъ я ребенка своего не вижу!

Алина вздохнула.

— Да, страшно подумать! Пока я здорова да въ силахъ— перебиваемся слава Богу.... а заболѣй я—чѣмъ жить? Умри я—куда дѣнется моя малютка?

Къ конторкѣ подошелъ какой-то франтъ и, подъ видомъ полученія счета, принялся любезничать съ Алиной. Несчастная женщина, еще подъ вліяніемъ тяжкаго раздумья, не знала куда дѣться. Она на-скоро изготовила счетъ и подала его навязчивому любезнику, но тотъ не уходилъ. Отчего въ самомъ дѣлѣ было и не приволокнуться за хорошенькой женщиной, по своему положенію не имѣющей права быть слишкомъ строгой? Какое дѣло этому господину, исправно набившему свой желудокъ, смотрящему на жизнь легко и весело, жаждущему однихъ только наслажденій, до скрытаго горя какой-нибудь Aline, горя по его мнѣнію, всегда исцѣляемаго брилліантами, шалями и рысаками? Мнѣ онъ былъ гадокъ; я читалъ на его лицѣ этотъ пошлый эгоизмъ, это ужасное пренебреженіе къ человѣческой личности. Наконецъ, послѣ какого-то сказаннаго имъ слова, Алина вспыхнула и вышла изъ за конторки.

— Уж-жасная недотрога! Богъ знаетъ съ чего обратился франтъ ко мнѣ — Mais j'adore ces femmes-là... Cela promet! проговорилъ онъ, посвистывая и выходя въ корридоръ.

— Вотъ извольте быть готовой на подобныя неожиданности, съ небольшимъ раздраженіемъ сказала Алина, входя черезъ нѣсколько минутъ и садясь на свое мѣсто;—у человѣка душа ноетъ, а тутъ выслушивай не только пошлости, но и самыя оскорбительныя предложенія.... да и оградить себя отъ нихъ нѣтъ возможности! На первыхъ порахъ имѣла я глупость пожаловаться французу: «Que faire! Vous êtes jolie femme!» сказалъ онъ мнѣ равнодушнѣйшимъ образомъ... Вѣдь вотъ что обидно: сознаешь что для посѣтителей господина француза я нужна какъ выставка, какъ приманка.... Что наши образованные денди считаютъ себя нѣкоторымъ образомъ вправѣ за заплаченный ими обѣдъ, *пошутить* съ конторщицей.... Это ей даже можетъ быть полезно, elle peut être lancèe.... Велика птица! Une femme rayèe!

Алина все болѣе и болѣе раздражалась.

— Да, трудно вамъ было привыкать къ подобной жизни! замѣтилъ я.

— Очень трудно. Не говоря уже о томъ, какъ тяжелъ переходъ отъ довольства къ бѣдности, отъ безпечности къ постояннымъ заботамъ, приходится перевоспитывать себя; надо откинуть въ сторону всѣ эти барскія привычки, взгляды, убѣжденія, — надо понизиться, привиться къ той средѣ, въ которую попала и съ которой ничего не имѣешь общаго.... Не легко это!... А трудъ? Вѣдь его надо изучить... Одного желанія мало—надо умѣть трудиться.—А на что мы, барышни, способны? Къ чему насъ готовятъ? Есть-ли что-нибудь въ нашемъ воспитаніи прочное, на которое впослѣдствіи можно-бы было разсчитывать?.. Учатъ насъ, положимъ, бренчать на фортепіано, а быть учительницей мы не можемъ; набиваютъ намъ голову научнымъ винигретомъ, а въ гувернантки мы все-таки не годимся... Вотъ какъ придется кусокъ хлѣба добывать, и переучивайся! Впрочемъ нужда отличный учитель!

— У васъ было имѣніе въ М.?

— И очень хорошее. Бо́льшую часть года мы проживали въ усадьбѣ.... Тамъ я познакомилась съ Вадимомъ...

Алина вздохнула.

— Онъ тоже М-скій?

— Его имѣніе было въ трехъ верстахъ отъ насъ.

Мы помолчали. Какъ ни интересовала меня вся эта исторія, но я не хотѣлъ быть навязчивымъ, не рѣшался, можетъ-быть, бередить не совсѣмъ еще поджившую рану.

Алина наконецъ сама начала.

— Да, какъ-бы разсуждая сама съ собой, заговорила она, — подобнымъ человѣкомъ можно было увлечься... Вы видѣли его; знаете отчасти его страстную натуру.... Прибавьте къ этому умъ гибкій, смѣлый, разносторонній, удивительную способность увлекать своимъ разговоромъ каждаго, настойчивость, доходившую до упрямства—и вы поймете, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести Вадимъ на меня, двадцатилѣтнюю дѣвушку, выросшую въ деревнѣ, на романахъ, невидѣвшую ничего кромѣ М-скихъ кавалеровъ, неслыхавшую другихъ разговоровъ кромѣ сплетень. Съ перваго-же визита онъ очаровалъ всѣхъ насъ, онъ пріѣхалъ тогда изъ-заграницы въ свое имѣніе. Съ женой онъ уже три года какъ былъ въ разводѣ. Пользуясь правомъ сосѣдства, Вадимъ сталъ часто посѣщать насъ; maman онъ очень нравился и старался ей угождать во всемъ. Для насъ устроивалъ разныя parties de plaisir, присылалъ книги, разсказывалъ забавные анекдоты,—однимъ словомъ не давалъ опомниться. Въ деревнѣ легко сближаются; Вадимъ скоро сдѣлался у насъ своимъ въ домѣ. Къ намъ часто собирались, пользуясь близостью нашей усадьбы отъ города; устроивались и танцы. На этихъ-то вечеринкахъ еще рѣзче бросалось въ глаза превосходство Вадима, надъ всей этой уѣздной мелюзгой; помнится мнѣ, какъ любила я видѣть его красиваго, ловкаго, гордаго среди всѣхъ этихъ расплывшихся барынь и, имѣвшихъ претензію на свѣтскость, кавалеровъ! Какъ нельзя болѣе льстили моему самолюбію раздававшіяся во слѣдъ Вадиму похвалы сѣдовласыхъ и безвласыхъ старцевъ, во время вальса или мазурки... Я гордилась имъ, ловила каждое его слово, слѣдила за малѣйшимъ его движеніемъ. Я открывала

въ немъ такія достоинства, существованія которыхъ онъ и самъ конечно не подозрѣвалъ. Я жаждала встрѣчи съ нимъ, провожала его и потомъ черезъ минуту опять ждала его. Постоянно находилась я въ какой-то лихорадкѣ, въ какомъ-то сладкомъ, неутолимомъ волненіи. Я сливалась съ его жизнью, роднилась съ его душой.... короче: я полюбила его страстно, неудержимо. Новый, неизвѣстный мнѣ дотолѣ міръ ощущеній, волненій, мучительныхъ и блаженныхъ минутъ вдругъ открылся предо мною.... Точно до тѣхъ поръ я спала, и появленіе Вадима вывело меня изъ этого забытья... Говорятъ, большая часть русскихъ дѣвушекъ такъ любитъ; онѣ какъ-будто выжидаютъ этого толчка, и, отдаваясь охватившему ихъ внезапно чувству, отдаются вполнѣ, безъ остатка; и потому любовь ихъ глубока и прочна. Пожалуй, что это вѣрно.... Такое сильное чувство, какъ любовь, можетъ одно наполнить всю жизнь; на него можно истратить всѣ свои душевныя силы....

Алина помолчала.

— Въ то время я была очень религіозна, продолжала она,—и нравственно чиста, какъ хрусталь. Внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что чувство, которое закралось въ меня, не безупречно, что я не *должна* любить женатаго человѣка; я прибѣгла къ молитвѣ, воображала себя страдалицей, мечтала о монастырѣ.... Я твердо рѣшилась не показывать и виду, что люблю его, что онъ можетъ надѣяться на взаимность... Я уже рисовала въ своемъ воображеніи, какъ холодно встрѣчу его признаніе, какъ ровнодушна буду къ его мольбамъ, какою мученицею долга буду я въ своихъ глазахъ... Увы! на дѣлѣ все это вышло вздоръ! Вадимъ былъ слишкомъ опытенъ, слишкомъ уменъ и проницателенъ, чтобы не понять происходившей во мнѣ борьбы, что-бы, не подготовивъ меня, сдѣлать рѣшительный шагъ. Онъ зналъ, что любовь моя не достигла еще той точки, того развитія, когда въ жертву ей приносится все близкое, святое.... Очень можетъ быть, что въ то время религія, привязанность къ семейству, сознаніе долга одержали-бы верхъ надъ моимъ чувствомъ; и я

была-бы спасена; но Вадимъ, какъ опытный игрокъ, выждалъ время и выигралъ игру. Любилъ онъ меня сильно; его привязанность ко мнѣ проглядывала во всемъ; но онъ боялся моихъ убѣжденій, страшился быть отринутымъ. Не легко было ему; я сердцемъ чувствовала то, что онъ переживалъ тогда, ту тоску, которая грызла его, и мучилась вдвойнѣ: и за него и за себя... Между тѣмъ разговоры Вадима начали принимать другой оттѣнокъ: разсужденія о любви, о бракѣ стали чаще и чаще служить темой. Maman, почти всегда больная, рѣдко присутствовала при нашихъ спорахъ. Вадимъ очень искусно проводилъ свои идеи: онъ не вдавался въ крайности, не рубилъ съ плеча; осуждая теперешнее состояніе брака, и доказывая необходимость развода въ случаѣ несчастнаго супружества, онъ клеймилъ пресловутый гражданскій бракъ, называя его развратомъ, и говорилъ что свободный человѣкъ, истинно любящій дѣвушку, обязанъ на ней жениться, не имѣетъ права ставить ее въ ложное положеніе. Вообще разговоры Вадима клонились къ тому, чтобы извинить нашу незаконную любовь неизбѣжною необходимостію, усыпить во мнѣ голосъ совѣсти, развить мое чувство въ ущербъ моихъ убѣжденій. Любимымъ выраженіемъ его было: «сердцу нельзя приказать любить или не любить—оно свободно». И онъ такъ пылко, такъ убѣдительно доказывалъ свои теоріи, что даже сестра моя и та увлекалась его взглядами. Я-же въ словахъ его видѣла одно: любовь ко мнѣ, готовность пожертвовать всѣмъ для моего спокойствія. Рѣшительность его, доходившая до дерзости, желѣзная сила воли въ преодолѣніи препятствій, обольщали меня; я и прежде терпѣть не могла вялыхъ, слишкомъ разсудительныхъ мужчинъ. Но со мной Вадимъ былъ кротокъ, добръ, снисходителенъ,—и это еще болѣе привязывало меня къ нему; мнѣ пріятна была власть, которую я пріобрѣтала надъ этой гордой, непокорной натурой. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; отношенія наши не мѣнялись; волновавшія насъ чувства не прорывались еще наружу. Наконецъ я стала замѣчать, что Вадимъ какъ-будто груститъ и избѣгаетъ меня; мнѣ стало досадно и я немного

зло подшутила надъ нимъ. Онъ всталъ и уѣхалъ. Нѣсколько дней мы не видали его; наконецъ узнали что онъ отправился въ Петербургъ и когда вернется, неизвѣстно. Я обезумѣла. Тутъ только поняла я, до какой степени онъ былъ дорогъ мнѣ, какъ страшно развилась вдругъ моя любовь къ нему, и какъ измѣнилось въ это время все мое внутреннее настроеніе. Теперь я жаждала одного: его прощенія, слова, взгляда... О, какъ измучилась я въ эти два мѣсяца! Наконецъ онъ пріѣхалъ... Я не помню ни встрѣчи, ни его разговоровъ, ни того что совершалось вокругъ меня... Я чувствовала только, что ноги мои подкашивались, что какая-то истома оковала вдругъ мои члены... Какъ въ горячечномъ бреду, пронеслись передо мной и вечеръ, и бесѣдка въ саду, и его сверкавшіе на блѣдномъ лицѣ глаза, и страстный, проникающій до глубины души, шепотъ... Я очнулась въ его объятіяхъ, подъ его поцѣлуями....

Алина остановилась немного.

— Нѣтъ, не мелкой онъ былъ души человѣкъ! продолжала она,—немногіе поступили-бы такъ, какъ онъ поступилъ.... Онъ не воспользовался моимъ беззащитнымъ положеніемъ, моею слабостью... Позже говорилъ онъ мнѣ, что этимъ поступкомъ онъ долженъ былъ еще болѣе привязать меня къ себѣ, что рѣдкая дѣвушка не оцѣнитъ его. И онъ былъ правъ: я тогда-же сознала его благородство, убѣдилась въ его любви ко мнѣ; дѣйствительно, надо слишкомъ сильно любить и уважать женщину, чтобы незабыться! Мнѣ отрадно было слышать его увѣренія, что пока мы не вмѣстѣ, онъ никогда не дозволитъ себѣ посягнуть на мою чистоту, не воспользуется моею привязанностію къ нему, моею неопытностью. И отношенія наши были хотя и близки, но чисты. Блаженные дни! Я была въ какомъ-то чаду; я отдавалась вполнѣ той неотразимой волнѣ, которая увлекала меня.... Голосъ совѣсти заглушался ласками Вадима, его успокоивающими рѣчами. И какъ-же онъ былъ нѣженъ!

Между тѣмъ частыя посѣщенія Вадима сдѣлались предметомъ толковъ; услужливыя сплетницы открыли глаза maman,

и она стала слѣдить за нами. Разъ наведенная на эту мысль, она безъ труда замѣтила многое, что-бы прежде никогда не бросилось ей въ глаза и однажды, найдя насъ вечеромъ вдвоемъ въ уединенной комнатѣ, отказала Вадиму отъ дома. Два мѣсяца мы не видались, только переписывались. Тяжелое было время! Свиданіе наше въ гостинницѣ вамъ извѣстно; вечеръ этотъ рѣшилъ мою судьбу... Скажите: могла-ли я отказать Вадиму, когда въ эти два мѣсяца я сама измучилась, когда знала какъ онъ страдаетъ?

— Но зачѣмъ-же Вадимъ такъ жестоко, почти грубо требовалъ отъ васъ этой жертвы?

— Онъ боялся выпустить меня изъ рукъ, боялся чтобы меня не выдали замужъ, чтобы я неувлеклась другимъ. Страсть до того ослѣпила его, что онъ готовъ былъ ревновать меня ко всякому... Два мѣсяца страданій озлобили его... Онъ зналъ, что туть исходъ одинъ, что я пожалуй на него и не рѣшусь и это бѣсило его. Потомъ характеръ его, недопускавшій противорѣчій, привычка торжествовать надъ препятствіями...

— Куда-же вы уѣхали?

— Вадимъ увезъ меня въ Петербургъ, оттуда моремъ въ Штетинъ, потомъ въ Вѣну, Италію.... Я увидала свинцовыя волны Балтійскаго моря, холодную, педантическую Пруссію, горы Швейцаріи, и тѣ мѣста юга, о которыхъ я мечтала еще дѣвочкой, въ нашей, занесенной снѣгомъ, усадьбѣ. Тамъ подъ эгимъ лучезарнынъ небомъ, при ропотѣ Адріатическихъ волнъ, я поняла все блаженство страсти....

— Два года мы были счастливы... у насъ родился ребенокъ... Я не боялась за его участь... Наконецъ мы переѣхали въ Баденъ... Много этотъ городъ погубилъ состояній, разбилъ привязанностей.... Я касаюсь теперь самаго скорбнаго, самаго тяжелаго времени моей жизни; я буду по возможности кратка; больно будитъ горькія воспоминанія! Вадимъ сдѣлался игрокомъ; состояніе его, все обращенное въ деньги, въ нѣсколько мѣсяцевъ перешло на зеленый столъ Conversationshaus'a. Я не могла спасти Вадима отъ раззоренія; я узнала о нашей гибели уже тогда, когда все было

кончено. Страшныя, мучительныя ночи переживала я тогда. Я чувствовала, что съ послѣдними исчезающими рублями исчезаетъ и наше счастіе и наше спокойствіе.... Я трепетала за своего ребенка, жалѣла и Вадима; характеръ его измѣнился: онъ сдѣлался раздражителенъ, золъ, началъ пить. Ко всему этому, изъ Россіи я получила извѣстіе о смерти матери, съ припиской благодѣтельнаго родственника о томъ, что побѣгъ мой свелъ ее въ могилу, и что она лишила меня наслѣдства... Все, вытѣсненное изъ памяти минутнымъ счастіемъ, съ ужасающею ясностію выступило теперь наружу... Не дай Богъ пройдти кому-нибудь черезъ эти испытанія! Я считала себя убійцею, развратною женщиною, отвлекшей, можетъ быть, мужа отъ жены, низкою эгоисткой.... Совѣсть проснулась.... и мучительно-же было ея пробужденіе!.. И нигдѣ-то утѣшенія!.. Любовь Вадима, мое прибѣжище, моя защита—отлетѣла отъ меня!... Какъ ни старалась я разувѣрить себя, но что-то говорило мнѣ что это правда, что страсти уже нѣтъ, что Вадимъ связанъ со мной не по прежнему, не чувствомъ а какими-то обязательствами. Я наконецъ ясно увидѣла, что онъ охладѣлъ ко мнѣ, что его пылкая, склонная къ увлеченіямъ, натура нашла себѣ другой исходъ, и къ сожалѣнію поздно поняла, что и любовь его, и характеръ, и убѣжденія, и наконецъ самыя дѣйствія—все это было фейерверкъ, ослѣпительный метеоръ..... Не было въ немъ того крѣпкаго основанія; на которое можно было-бы смѣло опереться, того якоря, который разъ заброшенный, способенъ устоять противъ бурь и непогодъ!.. Можетъ-быть, онъ и невиноватъ былъ въ этомъ; есть натуры, которыя разгадываются только на дѣлѣ. Онъ любилъ меня истинно—это не подлежитъ сомнѣнію; онъ не хитрилъ, не обманывалъ меня,—онъ, по просту, не выдержалъ. То, что давало ему силу: пылкость и настойчивость—то и погубило его. Онъ быстро согрѣвался, скоро и охладѣвалъ. Онъ былъ воспріимчивъ какъ нельзя болѣе, но новое, сильнѣйшее впечатлѣніе вытѣсняло прежнее. Вадимъ не былъ подлымъ—онъ былъ несчастнымъ человѣкомъ. Надо было видѣть его во время

нашего разставанія: онъ принесъ мнѣ свои послѣдніе двѣсти рублей, объявилъ что не честно, по его мнѣнію, стѣснять женщину, когда уже не любишь ее по прежнему, что комедію играть онъ неспособенъ; просилъ прощенія, цѣловалъ мои руки и плакалъ какъ ребенокъ. — Я пріѣхала сюда и до пріисканія мѣста, кое-какъ перебивалась деньгами Вадима и продажей вещей. Къ сестрѣ я не обращалась; добровольно разорвавъ всѣ связи, я считала себя не вправѣ возобновлять ихъ въ настоящую минуту. Вышедши уже разъ изъ колей, трудно снова попасть въ нее.... Дай только Богъ, прибавила она, сквозь слезы, — здоровья и терпѣнія! Хотьбы на ноги-то поднять мою малютку.

Разсказъ Алины глубоко тронулъ меня; въ особенности поразила меня всепрожающая сторона ея характера. Ни злобы, ни горечи не было въ ея воспоминаніяхъ.

— А о Вадимѣ вы ничего не знаете? спросилъ я.

— Разставшись со мной, онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ за границей. Разгаравшійся въ Польшѣ мятежъ далъ послѣднюю пищу его безпокойно-пылкой натурѣ..... онъ убитъ былъ въ шайкѣ кзендза Мацкевича.

Такъ кончился этотъ романъ, не связавшій а разбившій двѣ жизни, и давшій существованіе третьей — ни въ чемъ неповинной, но на вѣки несчастной!...

ИГРУШКА.

(О. Ж. Б-у).

ИГРУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

I

Нигдѣ, бывало, не любилъ я такъ часто гостить, какъ въ Покровскомъ, подгородней усадьбѣ бабушки моей Татьяны Ивановны Озябловой. Еще ребенкомъ, помню я, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ ея пріѣзда въ городъ, съ какимъ восторгомъ ловилъ ея стереотипныя слова къ матери: «Валерку-то отпустишь?» Зная, что отказа не будетъ я, какъ безумный, бросался въ дѣтскую, собиралъ свои любимыя игрушки, торопилъ няньку, чуть не сбивалъ съ ногъ свою старшую сестру Лилу, укладывавшую мои вещи, и лихорадочно ожидалъ минуты отъѣзда. Наконецъ она наступала: неуклюжій, но помѣстительный рыдванъ, запряженный четверней съ уносомъ (для пущей важности) подъѣзжалъ къ крыльцу; сѣдой, какъ лунь, Тихонъ или Тишка, какъ называла его бабушка, принимался читать форейтору Васькѣ обычныя наставленія: «на поворотахъ, смотри, тише, подручную попридерживай, да на Памфиловской горѣ не зѣвай,» на что Васька, либералъ между крѣпостными, не-хотя отвѣчалъ: «знаемъ,— не впервой», и Богъ-вѣсть для чего задиралъ морду своей подсѣдельной. Изъ дому, между тѣмъ, выносили ящики, коробки и узелки. Старая бабушкина ключница Ѳедора, страшная ворчунья и сплетница, суетилась около экипажа, бранилась со всѣми, и пальцемъ ни до чего не дотрогивалась. За всѣмъ этимъ я слѣдилъ изъ перед-

ней, ожидая выноса подушекъ, какъ конечнаго періода дорожныхъ приготовленій. Онѣ появлялись, бабушкино сидѣнье улаживалось, и меня звали въ столовую, гдѣ Татьяна Ивановна, полная и высокая женщина, въ темномъ капотѣ, повязанная большимъ шерстянымъ платкомъ, плотно закусывала передъ столомъ, уставленнымъ разными кушаньями. Отъ ѣды я, конечно, отказывался и, каюсь, довольно холодно отвѣчалъ на ласки матери; — ужъ очень хотѣлось мнѣ поскорѣй въ Покровское!—Заморивъ червячка, бабушка предлагала садиться; нѣсколько секундъ молчали, Татьяна Ивановна вставала, молилась и начинала троекратно лобызаться со всѣми присутствовавшими. Прислуга ожидала ее въ передней; бабушка допускала всѣхъ къ ручкѣ и дѣлала замѣчанія, часто довольно энергичныя: «ты что, старый песъ, опять вчера нализался;— на конюшнѣ побывать захотѣлось?» или: «глаза-то у тебя что-то очень масляны,— смотри ребенка не принеси!» и прочее. Потомъ давались порученія: то-то купить, то-то сдѣлать. Наконецъ, поддерживаемая лакеями, бабушка усаживалась, но не безъ ворчанья; сваливалось все на Ѳедору: «ты что, мать моя, воронъ что-ли считала?.. Гдѣ моя подушечка подъ бочокъ?... А перинку не могла посбить?.. Во что я упрусь ногами?.. Валерушку-то совсѣмъ на тычокъ посадили!» И начиналась, къ великому моему неудовольствію, перекладка и перетасовка.

Пріѣзжали мы въ Покровское обыкновенно въ вечерни; бабушка не любила запаздывать въ дорогѣ, не любила и пускаться въ путь съ пустымъ желудкомъ. Заслышавъ бубенчики и стукъ экипажа, вся дворня, зная слабость своей барыни къ почету, собиралась у крыльца, встрѣчая ее поклонами и раболѣпными возгласами, въ родѣ: «матушка-то наша пріѣхала, измаялись безъ тебя», думали и долго не пожалуешь» и т. п. Чиновные подходили къ ручкѣ, а мѣстный священникъ отецъ Никандръ, благословивъ Татьяну Ивановну, цѣловалъ ее въ плечико. Но не смотря на этотъ знакъ смиренія пастыря, бабушка не приглашала его въ свои хоромы утолить томившую его жажду дюжиной чашекъ

чая или стаканчикомъ наливки. «Знай сверчокъ свой шестокъ!» говаривала она. «праздникъ—дѣло другое, тутъ всякій православный христіанинъ обязанъ чествовать своего отца духовнаго, а въ будни — баловство... да дворянину и неприлично компанію съ попами водить.»

Пока бабушка раздѣвалась, принимала доклады и дѣлала распоряженія на слѣдующій день, я побывалъ уже въ своей комнаткѣ, пересмотрѣлъ свои удочки, книжки и картинки, разложилъ привезенныя игрушки, и успѣлъ уже повидаться съ Андрюшей, бабушкинымъ воспитанникомъ, моимъ большимъ пріятелемъ и товарищемъ во всѣхъ играхъ и путешествіяхъ.

Бабушка баловала меня до крайности, и конечно еслибы, по одиннадцатому году, родители мои не отдали меня въ гимназію, изъ меня вышелъ бы порядочный негодяй. Довольно мнѣ было захотѣть чего либо, чтобы желаніе мое тотчасъ-же и исполнилось; по моему приказанію, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда на днѣ Покровскихъ прудовъ еще лежалъ глыбами ледъ, дрожавшіе отъ холода Фильки, Васьки и Яшки бродили бреднемъ и вытаскивали двухъ трехъ карасиковъ чтобы потѣшить капризнаго барченка. Потомъ они, конечно, грѣлись да грѣлись на печкѣ, можетъ быть и заболѣвали, но что значили эти мелочи передъ удовольствіемъ видѣть трепескавшагося въ ведрѣ золотистаго карася, да еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ!—Понравилась мнѣ должность пономаря, — и вотъ, съ разрѣшенія бабушки, я забирался на колокольню и, къ великому удивленію крестьянъ, полагавшихъ съ непривычки не набатъ-ли, трезвонилъ по цѣлымъ часамъ съ своими пріятелями, дворовыми мальчишками, отрывая отъ домашнихъ работъ, не смѣвшаго ослушаться барскихъ приказаній, бѣднаго дьячка.—Пріятели эти, мальчики и дѣвочки, прикомандированные ко мнѣ для увеселеній, запрягались мною въ колясочку, возили меня по комнатамъ и по двору, играли въ снѣжки, то есть получали только синяки, не смѣя мнѣ за нихъ отплачивать. Часто приходило мнѣ въ голову, хоть и ребяческую:» да почему-же

всѣ мнѣ служатъ? Почему я вотъ часто бабушки даже не слушаюсь, а они всѣ, и большіе, исполняютъ малѣйшіе мои капризы?» — «Вы — баринъ» объясняла мнѣ старая Ѳедора, «а мы — ваши рабы... Мы *должны* угождать господамъ.» Конечно, я удовлетворялся подобными отвѣтами, тѣмъ болѣе что мнѣ пріятно было это послушаніе, ухаживаніе за мной, семилѣтнимъ мальчишкой.

Бабушка кормила меня на убой; это даже было не кормленіе, а какое-то пичканье. Изъ Покровскаго я возвращался домой обыкновенно съ разстроеннымъ желудкомъ, въ особенности лѣтомъ. Какъ мнѣ памятны всевозможныя ягоды съ густѣйшими сливками, бархатное масло, тающія во рту пѣнки, варенье, постила, смоквы!.. Пріѣзжая въ городъ, мнѣ казалось, я попадалъ на пищу Св. Антонія... а о свободѣ ужъ и говорить нечего... Въ Покровскомъ я зналъ, что я баринъ (не даромъ Ѳедора объяснила мнѣ это!), что все должно преклоняться предо мной; а въ городѣ не только никто не исполнялъ моихъ повелѣній, но зачастую матушкина горничная Палаша, хотя и весьма вѣжливо, выводила меня за руку изъ дѣвичьей, когда я тамъ засиживался, а вмѣсто звона на колокольнѣ и ловли карасей, частенько стаивалъ въ углу за невыученные уроки, или оставался безъ пирожнаго за какую-нибудь шалость. Матушка, видя послѣ всякаго моего пріѣзда изъ Покровскаго, мою эмансипированность, скрѣпя сердце отпускала меня къ бабушкѣ; но противорѣчить ей не хотѣла, и я по прежнему гостилъ у нея часто.

Балуя внучатъ, Татьяна Ивановна была вообще строга и взыскательна: въ домѣ порядокъ соблюдался до педантизма, все ходило по стрункѣ. Не смотря на свое барство и большое количество бурмистровъ и старостъ, бабушка зорко слѣдила за всѣми ихъ дѣйствіями, и сама вникала въ малѣйшія подробности хозяйства. За то и порядокъ-же былъ въ Покровскомъ!

У Татьяны Ивановны было двое воспитанниковъ: ровесникъ мой Андрюша Свѣтловскій, о которомъ я упоминалъ

выше, и дѣвочка, годами двумя моложе насъ, Аделинька. Отецъ Свѣтловскаго, бѣдный армейскій офицеръ, вдовецъ, горчайшій пьяница и игрокъ, въ одинъ прекрасный день, послѣ крупнаго проигрыша и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, перерѣзалъ себѣ бритвою горло и отошелъ къ праотцамъ, оставивъ пятилѣтняго сына на произволъ судьбы. Судьба однако смилостивилась надъ сиротой, пославъ ему благодѣтельницу въ лицѣ Татьяны Ивановны, которая въ то время, давно уже повыдавъ всѣхъ дочерей замужъ, скучала одиночествомъ. Добрая, привязчивая, не смотря на свое барство и грубую оболочку, бабушка полюбила бѣднаго, заброшеннаго ребенка,—да нельзя было и не любить его: мальчикъ онъ былъ кроткій, смирный, послушный.—Происхожденіе Аделиньки было нѣсколько иное: побочная дочь дѣдушки, она послѣ смерти его взята была Татьяной Ивановной, сначала для развлеченія Андрюши, а потомъ поступила также въ число воспитанниковъ. Это была бойкая, красивая дѣвочка, съ быстрыми черными глазами и такими-же волосами, смѣлая, съ довольно пылкимъ характеромъ. «Кровь-то сказывается, даромъ что отъ холопки» говаривала бабушка послѣ какой-нибудь рѣзкой выходки своей воспитанницы;—«такая-же горячка вакъ и мой покойный Павелъ Андреичъ!»—Мнѣ Аделинька не нравилась, за то Андрея я любилъ всей душой. Много послѣ того перемѣнилъ я привязанностей; любилъ горячо и глубоко, но чувства мои къ Свѣтловскому никогда не измѣнялись. Впечатлѣнія дѣтства врядъ-ли не самыя прочныя, самыя сильныя!

Въ гимназію мы поступили вмѣстѣ, на полный пансіонъ. Живо помню я тогдашнюю наружность Андрея: длинный, худой, съ впалою грудью и узкими плечами, — онъ былъ очень неуклюжъ и некрасивъ. Блѣдное лицо, довольно широкій носъ и жидкіе бѣлокурые волосы придавали ему болѣзненный видъ. Но когда онъ одушевлялся, когда его темнокаріе глаза вспыхивали кроткимъ, яснымъ блескомъ, когда его впалыя щеки покрывались чахоточнымъ румянцемъ,

и все лицо свѣтилось ласкою и добродушіемъ,—можно было забыть его некрасивость и пойти на встрѣчу этой мягкой, теплой натурѣ.—Учился онъ хорошо; боготворя бабушку, Свѣтловскій лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы только угодить ей. Цѣлый день онъ былъ занятъ: то готовилъ уроки, то читалъ; рѣдко видѣли его на дворѣ—мѣстѣ рекреацій, еще рѣже участвующимъ въ играхъ и увеселеніяхъ. На Андреѣ всегда лежалъ отпечатокъ какой-то задумчивости, тихой грусти... Всегда спокойный, сосредоточенный,—онъ удалялся отъ людей и весьма осторожно сходился съ ними; но разъ привязавшись, онъ оставался вѣренъ своему чувству, не смотря ни на какія обстоятельства. Добрый, любящій, сострадательный, онъ жилъ не наружною, а внутреннею жизнью. Въ немъ рано выяснился поэтическій элементъ, рано пробудилось сочувствіе къ искусству, къ красотамъ природы. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ каникулъ, чтобы вырваться изъ болтливаго, шумнаго города въ милое, для него, Покровское, подъ прохладную сѣнь его старинныхъ рощъ, чтобы съ крутого, каменистаго обрыва любоваться широкой Волгой, катящей, подъ его ногами, свои темно-сѣрыя волны...

Я также, каждое лѣто, проводилъ по мѣсяцу въ Покровскомъ; это было условіе, заключенное бабушкой съ моими родителями. Попрежнему я былъ баловнемъ Татьяны Ивановны, хотя конечно ни колокольный звонъ, ни ловля карасей уже не прельщали меня; дѣтскій вкусъ мой не измѣнился только для ягодъ съ густыми сливками и другихъ произведеній бабушкинаго хозяйства. Апетитъ мой утѣшалъ Татьяну Ивановну, и она поминутно вмѣстѣ.съ Аделинькой, пріучавшейся *ходить за ключами*, изобрѣтала что нибудь новенькое. Мнѣ въ особенности нравилось въ Покровскомъ то, что насъ съ Андреемъ не стѣсняли; обязанность наша состояла только въ исправномъ наблюденіи часовъ завтрака, обѣда и ужина,—остальное время дня мы были совершенно свободны. Но опоздай къ назначенному сроку, — и добрая бабушка выходила изъ себя. «Что васъ мальчишекъ, мнѣ старухѣ ждать что-ли?» разражалась она при нашемъ

появленіи, и обыкновенно, во все время пока сидѣли за столомъ, была не въ духѣ, срывая свой гнѣвъ на Филькахъ и Васькахъ.

Андрей не могъ не произвести благотворнаго вліянія на меня: благодаря дружбѣ, близости съ нимъ, я привыкъ къ труду, полюбилъ все прекрасное и честное, не заглушилъ въ себѣ голосъ чувства. Бесѣдуя съ нимъ въ тихій, лѣтній вечеръ, въ какомъ нибудь цвѣтущемъ уголку; слушая чтеніе вдохновенныхъ строфъ, подъ разнообразный лепетъ окружающей меня природы, я роднился съ ней, съ безграничнымъ просторомъ, синѣющихъ въ ночномъ полумракѣ, полей, съ строгою молчаливостью лѣсовъ... Меня манила къ себѣ эта необъятная ширь, эта свободная, безконечная жизнь, неукладывающаяся ни въ какія рамки, недоступная ни для какого насилія!

По окончаніи гимназическаго курса я отправился въ Петербургъ, въ тамошній университетъ. Бѣдный Андрей, не смотря на все свое желаніе не могъ мнѣ сопутствовать; онъ зналъ, что бабушкѣ хочется видѣть его агрономомъ и управляющимъ ея имѣніями, хотя она и не высказалась. Но Свѣтловскому этого было достаточно; онъ радъ былъ случаю отблагодарить чѣмъ-нибудь свою благодѣтельницу, и самъ вызвался поступить въ Горыгорѣцкое училище.

Помню я ночь передъ нашимъ разставаніемъ, тихую Іюньскую ночь. Деревенскій шумъ затихалъ... Лишь изрѣдка доносился стукъ запоздавшей телѣги... Мы стояли съ Свѣтловскимъ на берегу обрыва и молча глядѣли на темную, еле-рябившую гладь Волги; двѣ три звѣзды отражались въ ней, тихо и ровно мигая. Ближайшая роща слабо шумѣла своими старинными дубами и липами; мелкая листва кустовъ едва трепетала около насъ и, казалось, нашептывала намъ прощальныя рѣчи. Длинныя, широкія тѣни ложились по лугу и покрывали переплетавшіяся очертанія деревьевъ и мелкихъ предметовъ. Безпредѣльное, ясное небо кротко синѣло надъ нами, а изъ за крыши Покровскаго дома медленно всплывала луна, набрасывая на верхушки деревъ сада

свой, еще робкій, блѣдноватый свѣтъ. Тихая грусть вползала къ намъ въ грудь и потихоньку сжимала наши сердца. Мысль о разлукѣ мелькала у меня въ умѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не было жаль прожитыхъ мною лѣтъ, не было страшно выходить на широкое поле, гдѣ еще Богъ—вѣсть что ждало меня... О молодость, молодость! Гордо и свѣтло твое чело, легки и быстры твои крылья!

Сначала мы переписывались часто и оккуратно; но потомъ, мало по малу, посланія наши становились короче и рѣже. Тѣмъ не менѣе къ концу университетскаго курса я зналъ что Свѣтловскій успѣшно совершилъ свое агрономическое образованіе и сдѣлался управляющимъ Покровскаго, къ великому удовольствію бабушки.

II.

Въ то время когда я былъ еще студентомъ, скончались мои родители; оставшееся послѣ нихъ имѣніе требовало надзора и много хлопотъ. Крестьянскій вопросъ разрѣшился, составлялись уставныя грамоты, надо было подумать объ усадьбахъ. По просьбѣ моей и бабушки, Андрей тотчасъ-же согласился принять все въ свое завѣдываніе, но тѣмъ не менѣе, личное мое присутствіе было необходимо. Поступивъ, по выходѣ изъ университета, на службу въ министерство юстиціи, я черезъ годъ взялъ четырех-мѣсячный отпускъ, и вначалѣ лѣта былъ уже въ Покровскомъ. Но какъ измѣнилось оно въ эти пять лѣтъ! Вмѣсто толпы дворовыхъ, незнакомый мнѣ лакей встрѣтилъ меня у крыльца, и какъ-то растерянно глядѣлъ на меня; домъ постарѣлъ, многочисленные флигеля опустѣли; стада утокъ, гусей и прочей дворовой птицы исчезли, и только нѣсколько чахлыхъ куриц прогуливалось по дорогѣ, напамять минувшаго птицеводства. На всемъ лежалъ отпечатокъ уныніе, безжизненности и строгой экономіи; прежній широкій барскій размахъ уступилъ мѣсто разсчету, опредѣленной системѣ. Деньги должны были

идти не на заборики и бесѣдки, не на прокормленіе лѣнтяевъ и тунеядцевъ, а на статьи доходныя, на разумное веденіе дѣла. И казалось мнѣ, что все окружающее понимало, что отжило свой вѣкъ, прониклось новой, неизбѣжной идеей. Сосновая роща, и та, качая верхушками, какъ-будто ожидала, что вотъ не сегодня—завтра топоръ порѣшитъ ея существованіе, и съ трескомъ повалятся ея питомцы въ угоду человѣческой алчности.

Бабушку я сначала не узналъ; до того она постарѣла и опустилась. 19-е Февраля на нее, какъ и на многихъ, сильно подѣйствовало: она вдругъ, какъ будто возненавидѣла свою усадьбу, и еслибъ не Свѣтловскій, незнаю что сталось-бы съ Покровскимъ хозяйствомъ. Она почти никуда не выходила, чему отчасти способствовала открывшаяся у нея водяная въ ногахъ, на все махнула рукой и цѣлые дни просиживала у себя на верху въ вольтеровскомъ креслѣ. Домашнее хозяйство лежало все на Аделинькѣ; она-же обязана была по вечерамъ развлекать бабушку, читать ей вслухъ, но отнюдь не *новое*, раскладывать «путешественника» и укладывать ее въ постель. Въ первые-же дни моего пріѣзда я убѣдился до какой степени измѣнилась бабушка: «Аделька, дочь холопки», ея воспитанница, вертѣла столбовой, богатой дворянкой, и съ такимъ крутымъ характеромъ какъ у Татьяны Ивановны, совершенно по своему произволу!—Аглаидѣ Павловнѣ минуло уже двадцать лѣтъ; она поразила меня своею красотою: высокая, стройная, съ блѣднымъ, весьма выразительнымъ лицомъ, густыми, черными волосами и такими-же бойкими, блестящими глазами,—она глядѣла далеко не ребенкомъ. Зрѣлость эта сказывалась и въ характерѣ: во всѣхъ ея поступкахъ проглядывала обдуманность, стойкость, убѣжденіе. Натура у нея была страстная, кипучая; въ смѣлости и рѣшительности недостатка также не было. Благодаря бабушкѣ и своему прилежанію, Аглаида была образована, довольно начитанна, и своими познаніями могла заткнуть за поясъ любую губернскую барышню. Зная свое происхожденіе, Аглаида старалась наружнымъ блескомъ заставить

забыть его.—Со мной она была любезна, но не смотря на ея расположеніе, меня не тянуло къ ней; видно впечатлѣнія дѣтства не легко изглаживаются!

Свѣтловскій мало измѣнился за это время: только лицо его какъ-будто пожелтѣло, да станъ его посогнулся и опустился; но такъ-же кротко, спокойно глядѣли его темнокаріе глаза, такъ-же теплились тихою, задумчивою грустью. И характеромъ Свѣтловскій не измѣнился. Это былъ тотъ-же смирный, любящій человѣкъ, какимъ я зналъ его прежде, съ тою-же простою, довѣрчивою душою. Труженикъ въ дѣтствѣ, онъ и теперь остался тѣмъ-же труженикомъ: онъ работалъ для бабушки такъ, какъ другой и для себя не сталъ-бы работать. Андрей думалъ только о ея спокойствіи, объ ея интересахъ. Задавшись мыслію отблагодарить свою благодѣтельницу, онъ трудился честно, безъ всякой надежды на вознагражденіе. И хлопоты его не оставались безплодными: съ подобнымъ управляющимъ бабушка могла жить какъ у Христа за пазухой.

Я поселился у Андрея во флигелѣ; утромъ ходилъ на охоту, до обѣда бесѣдовалъ съ бабушкой а вечеромъ, уложивъ ее спать, мы всѣ собирались въ диванной, читали, играли въ карты, болтали. Изрѣдка посѣщалъ насъ Седлицкій, красивый брюнетъ, съ неглупымъ, хотя немножко нахальнымъ, лицомъ, сосѣдъ Татьяны Ивановны по имѣнію. Онъ служилъ въ гвардіи, и въ настоящее время, взявъ безсрочный отпускъ, жилъ въ усадьбѣ для устройства разныхъ дѣлъ. Съ бабушкой Седлицкій познакомился за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда. Въ обществѣ онъ былъ милъ, забавенъ, довольно остроуменъ, но мнѣ не нравился; есть физіономіи, которыя съ первой-же встрѣчи отталкиваютъ отъ себя, и потомъ привыкнуть къ нимъ, несмотря на все желаніе, весьма трудно,—я часто испытывалъ это на себѣ. Сначала, увидя Седлицкаго, я принялъ его за поклонника Аделинькиной красоты, но потомъ разувѣрился: за Аглаидой онъ не только не ухаживалъ, но даже въ обращеніи съ ней не выходилъ изъ предѣловъ свѣтской любезности, да и

вообще посѣщалъ насъ рѣдко. Въ Свѣтловскомъ онъ, Богъ-вѣсть съ чего, заискивалъ, приглашалъ къ себѣ, и видимо старался съ нимъ сблизиться.

Съ бабушкой мы часто спорили; она, что называется, «като́мъ катила» всѣ современныя реформы. Наемной прислуги она просто видѣть не могла: «у нихъ, на глупой ихъ рожѣ, одна только насмѣшка написана» говорила Татьяна Ивановна;—«тѣшатся теперь надъ нашимъ братомъ помѣщикомъ, благо ихъ царство пришло!» Работами она также не интересовалась; «какія нынче работы! Берутъ только деньги, да по кустамъ, мерзавцы, валяются! Ужъ пусть Андрей съ ними управляется какъ хочетъ, а мнѣ умирать пора,—пожалуй еще Богъ-вѣсть до чего доживешь!»

Старанія и хлопоты Свѣтловскаго, бабушка цѣнила подостоинству и при всякомъ удобномъ случаѣ показывала ему это. Любимымъ желаніемъ ея было видѣть Андрея мужемъ Аглаиды; первое время она постоянно спрашивала меня, не замѣчаю-ли я, какъ человѣкъ свѣжій, какихъ нибудь признаковъ ихъ взаимной склонности? Но какъ признаковъ не оказывалось, то я по неволѣ долженъ былъ разочаровывать бабушку въ ея мечтаніяхъ.—«Вотъ и жаль что не прежнія времена», возражала мнѣ Татьяна Ивановна;—«въ старину женили-бы ихъ безъ всякихъ разговоровъ,—послѣ спасибо-бы сказали.»

— Да развѣ это хорошо? спрашивалъ я.

— А чѣмъ худо?

— Тѣмъ, что не любя другъ друга, они жили-бы какъ кошка съ собакой!

— Пустое, батюшка! Стерпится-слюбится!.. И не съ такими мужьями, какъ Андрюша, да согласно живутъ,—привыкнутъ!.. Да чего далеко ходить, я тебѣ живой примѣръ: мнѣ и шестнадцати-то лѣтъ не было, какъ сговорили меня за твоего дѣдушку; ну, вздумала я поупрямиться: не нравится женихъ, да и все тутъ. Пробовали уговаривать... стою на своемъ... Такъ что-жъ бы ты думалъ? Высѣкли меня, рабу Божію, да и свезли въ церковь!.. Вѣришь-ли: все какъ

рукой сняло; и мужа потомъ любила, и жили мы съ нимъ душа въ душу!

Не смотря на свои старинныя разсужденія, бабушка однако нехотѣла пользоваться властію своею надъ воспитанниками; ни тому ни другому она даже не намекала о своемъ желаніи. Она жила надеждой, и не отчаявалась устроить при своей жизни завѣтную для нея свадьбу.

А время между тѣмъ шло да шло; преслѣдуя бабушкину мысль, я сталъ наблюдать за Андреемъ; мнѣ показалось что онъ чаще и чаще грустилъ и задумывался. Перемѣна эта еще рѣзче бросалась въ глаза, когда у насъ бывалъ Седлицкій: тогда Андрей или молчалъ, или уходилъ изъ комнаты подъ предлогомъ хозяйственныхъ дѣлъ. Во мнѣ родилось подозрѣніе; зная характеръ Свѣтловскаго и его неспособность къ притворству, я однажды прямо сказалъ ему:

— Ты влюбленъ въ Аглаиду!

Андрей покраснѣлъ и промолчалъ.

— Что-же ты молчишь? Развѣ это неправда?

— Неправда! рѣшился солгать, вѣроятно впервые, Свѣтловскій.

— Ну, такъ посмотрись и покайся! сказалъ я, подставляя ему зеркало.

Съ этой минуты любовь Андрея не была для меня тайной. Я далъ ему слово молчать, и даже не сообщилъ бабушкѣ о своемъ открытіи. Изъ разговоровъ моихъ съ Свѣтловскимъ я узналъ, что чувство это давнишнее, что онъ скрывалъ его весьма тщательно, и до сихъ поръ не осмѣливался обнаружить его предъ Аглаидой. Онъ былъ почти убѣжденъ что будетъ отвергнутъ, что такая красавица не снизойдетъ до невзрачнаго управляющаго, что ему невидать счастія... но отъ страсти своей Андрей не могъ отдѣлаться; онъ жилъ этимъ чувствомъ. Утѣшая моего бѣднаго друга, я внутренно почти соглашался съ нимъ и, зная его глубоко-любящую натуру, скорбѣлъ о немъ. Отчего не отъ меня зависѣло осчастливить это золотое сердце!

Иногда составлялись у насъ и parties de plaisir: то от-

правлялись за грибами, то пить чай гдѣ нибудь въ рощѣ, то на тоню. Бабушка не препятствовала намъ, и только просила оставлять ей Ѳедору да еще бывшую, крѣпостную дѣвушку Парашу, чтобы не быть въ необходимости видѣть «наемную рожу.» Пославъ впередъ подводу съ чайными принадлежностями, мы обыкновенно шли до мѣста пѣшкомъ или плыли Волгой, въ бабушкиной шлюпкѣ. Свѣтловскому нравились эти поѣздки; природа будила въ немъ струну мечтательности, струну поэзіи. Чистая лазурь неба, пахучій воздухъ, близость любимой женщины—пріятно волновали его впечатлительную душу. Въ такія минуты Андрей говорилъ мало, еще рѣже смѣялся; онъ какъ-то весь затихалъ, точно подъ вліяніемъ сладкой, сердечной истомы. Мы, конечно, надъ нимъ подсмѣивались, но Свѣтловскій никогда не сердился и даже часто самъ присоединялся къ намъ и трунилъ надъ собой. Аглаидѣ онъ не высказывался; онъ хранилъ свое чувство какъ святыню, какъ скупецъ свое сокровище. Робкій отъ природы, застѣнчивый, Андрей передъ Аглаидой былъ то-же, что школьникъ передъ учителемъ онъ и сѣсть-то боялся близко, и смотрѣть на нее и даже разговаривать. Разъ только, помнится мнѣ, во время прогулки въ лодкѣ, подъ вліяніемъ-ли тихаго вечера, или вслѣдствіе выпитой лишней рюмки наливки, Свѣтловскій осмѣлился вдругъ поцѣловать руку Аглаиды, но тотчасъ-же покраснѣлъ и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Мы привѣтствовали этотъ небывалый пассажъ дружнымъ смѣхомъ, а Седлицкій, зачерпнувъ въ ковшъ воды, торжественно выпилъ здоровье Андрея, провозгласивъ «que le jeune homme s'est dégourdi». Съ тѣхъ поръ Свѣтловскаго мы звали уже неиначе какъ M-r Dégourdi, и часто напоминали ему объ этой прогулкѣ.

Аглаида и прежде была расположена къ Андрею, хотя иногда и обращалась съ нимъ немного небрежно; но въ послѣднее время она какъ-будто сдѣлалась къ нему ласковѣе и внимательнѣе: тронули-ли ее его кротость и незлобіе, инстинктомъ-ли женщины угадала она его чувства, но перемѣна совершилась и я втайнѣ радовался за своего друга.

Я готовъ былъ уже вѣрить ея сочувствію, хотя многое въ Аглаидѣ сбивало меня рѣшительно съ толку: она играла съ Андреемъ какъ кошка съ мышью. То кокетничала съ нимъ—и онъ бѣдный волновался и таялъ, то вдругъ отталкивала его — и онъ не смѣлъ приблизиться къ ней, взглянуть на нее. Обыкновенно ласковая и внимательная къ Андрею, Аглаида иной разъ такъ оборветъ его, да еще при Седлицкомъ, что мнѣ становилось жаль моего бѣднаго друга и я спѣшилъ на выручку его. Наблюдая за ней въ эти минуты, мнѣ часто приходило на мысль: «неужели любовь можетъ высказываться такъ странно?.. И почему ласки Аглаиды кажутся иногда натянутыми, какъ будто неискренними?»

Желая быть полезнымъ Андрею, я сталъ намекать Аглаидѣ на чувства его къ ней; она отмалчивалась, но не сердилась. Я сдѣлался смѣлѣе: въ яркихъ краскахъ описалъ ей любовь Андрея, его благоговѣніе къ ней, его робость,— она улыбнулась.

— Да вы то любите-ли его? спросилъ я ее наконецъ.

— Конечно! Неужели до сихъ поръ онъ этого не замѣтилъ? уже разсмѣялась она.

Я былъ въ восторгѣ. Тотчасъ-же хотѣлъ бѣжать за Андреемъ, заставить ихъ объясниться, обрадовать бабушку; — Аглаида остановила меня.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе: посидите немного.

— Для чего?

— Я объясню вамъ потомъ; а теперь обѣщайтесь молчать... Андрею пожалуста ни слова. Вѣдь согласитесь, прибавила она, видя мое нежеланіе, — я могла вѣдь и не открыться вамъ?

Дѣлать было нечего, я обѣщалъ.

Между тѣмъ срокъ моего отпуска приходилъ къ концу, и дѣло впередъ не подвигалось. Хотя Аглаида въ обращеніи съ Андреемъ и не скрывала своего расположенія къ нему, но рѣшительнаго ничего еще не было. Свѣтловскій молчалъ по прежнему, таялъ втихомолку, а Аглаида упрямилась и

не вызывала Андрея на откровенность. Всѣ эти проволочки бѣсили меня и я за нѣсколько дней до моего отъѣзда спросилъ Аглаиду: зачѣмъ она скрывается и томитъ неизвѣстностью моего бѣднаго друга?

— Прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, отвѣчала мнѣ она,—я хочу убѣдиться въ прочности моего чувства.

— Но вѣдь я такъ и уѣду не дождавшись вашего послѣдняго слова, не обрадовавъ ни Андрея, ни бабушку!

— Я увѣдомлю васъ письмомъ—и вѣроятно скоро, улыбнулась Аглаида.

Тѣмъ не менѣе, прощаясь съ Андреемъ и бабушкой, я нарушилъ данное мной обѣщаніе и обнадежилъ своего друга и Татьяну Ивановну, передавъ имъ признаніе Аглаиды.

III.

Прошло два года. Вмѣсто того что-бы по пріѣздѣ изъ отпуска; аккуратно посѣщать Правительствующій Сенатъ и подвизаться на пути чиновъ и отличій, я, запасшись деньгами, предпочелъ отправиться заграницу, гдѣ и прожилъ полтора года. Перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, встрѣчая на каждомъ шагу развлеченія, я рѣшительно не находилъ времени переписываться съ Покровскими жителями, утѣшая себя тѣмъ, что вскорѣ лично узнаю всѣ подробности ихъ мирнаго житья-бытья и оправдаюсь въ своей, будто-бы невольной, лѣни. Но это «вскорѣ», какъ оказалось, произошло только черезъ полтора года, и не на радость пріѣхалъ я въ Покровское. Съ первыхъ же словъ бабушки я узналъ, что Андрей боленъ довольно серіозно, а Аглаида, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, уѣхала куда-то съ Седлицкимъ и по сію пору о ней нѣтъ ни слуху ни духу!—«Вотъ надувалъ ты меня старуху, выговаривала мнѣ бабушка,—а видно у васъ раньше съ этой мерзавкой все было слажено! Андрей-то отво́домъ только былъ, дурака вы изъ него дѣлали!» Я оправ-

дывался на сколько силъ хватало и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно недоумѣвалъ на счетъ побѣга Аглаиды. Извѣстіе это было для меня то-же, что ударъ полѣномъ по лбу.

Я отправился къ Свѣтловскому; въ сѣняхъ флигелька я встрѣтилъ Осипа, слугу Андрея.

— Что, боленъ твой баринъ? спросилъ я, поздоровавшись.

— Боленъ батюшка, очинно боленъ... Отъ бабиньки вашей скрываемъ, а дохтуръ говоритъ что врядъ-ли встанетъ.

— Неужели?

— Точно такъ.

— Что-же у него?

— Господь вѣдаетъ... весь нездоровъ—горячка надо быть.

Я послалъ Осипа предупредить Свѣтловскаго о моемъ пріѣздѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернулся и позвалъ меня. Сердце у меня замерло, когда я увидѣлъ Андрея блѣднаго, худаго, небритаго, съ ворвавшимися глазами!.. Боже мой, какъ онъ перемѣнился!

— Здравствуй, братъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, растягивая слова и подавая мнѣ исхудалую, пожелтѣвшую руку.—Вотъ какъ привелъ Богъ свидѣться!

— Андрей, голубчикъ! могъ только воскликнуть я, обнимая его. Слезы такъ и подступали у меня къ горлу.

— Который ужъ день лежу... простудился... лихорадка должно быть... Ну ты какъ?

Слабый румянецъ вспыхнулъ на его осунувшихся щекахъ.

— Я-то ничего... ты-то какъ уходилъ себя? кто тебя лечитъ?

— Эскулапъ здѣшній... надоѣлъ страшно... Все, братъ, водку пьетъ.

— Ты что-же за другимъ не пошлешь?

— Нестоитъ! (Свѣтловскій махнулъ рукой и приподнялся.)

— Зачѣмъ ты, Андрей, поднимаешься!

— Ничего... Дай-ка мнѣ поглядѣть на себя—вѣдь мы давненько невидались... (Онъ взялъ меня за руку). Бородку

отпустилъ... по заграничному... Не стыдно, сколько времени ни строчки... хоть-бы адресъ-то послалъ!

— Да я все съ мѣста на мѣсто переѣзжалъ.

— А у насъ здѣсь... (Свѣтловскій остановился) слышалъ? (я утвердительно кивнулъ головой). Да, таки повертѣла меня въ это время судьба!.. (Онъ закрылъ глаза и опустился на подушку; мнѣ показалось какъ будто у него навернулись слезы). Экъ нервы-то ослабли! ну вотъ много-ли поговорилъ... усталъ...

— Спишь-то ты хорошо? спросилъ я.

— Какое спанье!

— Все забываются, шепнулъ мнѣ Осипъ.

— Врешь ты все! Не слушай его, раздражительно перебилъ слугу Андрей.—Поди-ка лучше вонъ.... Сердитъ все меня! показалъ больной на уходившаго Осипа.

Свѣтловскій сталъ разспрашивать меня о жизни заграницей; я началъ разсказывать. Онъ слушалъ внимательно и тяжело дышалъ. Вдругъ онъ перебилъ меня:

— Ты когда ѣдешь?

— Куда?

— Да къ себѣ въ усадьбу.

— Пока ты не поправишься.

— Или не умру? (Андрей повернулся и помолчалъ). А мнѣ, братъ, совѣстно было просить тебя, продолжалъ онъ, протягивая мнѣ свою исхудалую руку.—Спасибо что незабылъ друга!

— Вотъ есть за что!

— Тамъ у тебя поди безпорядокъ... ужъ сколько времени я не былъ съ этой болѣзнью... Пересмотри книги—вонъ они тамъ на столѣ...

— Хорошо, хорошо...

— Въ смежной комнатѣ послышались шаги и къ намъ вошелъ, въ сопровожденіи Осипа, маленькій, худенькій человѣчикъ въ очкахъ, съ обвислыми, грязножелтыми бакенбартами, лысой головой и красноватымъ носомъ.

Мы раскланялись.

— Христіанъ Федорычъ... мой пріятель... внукъ Татьяны Ивановны... Здѣшній врачъ, отнесся Свѣтловскій ко мнѣ.

Мы снова раскланялись.

— Ну что, какъ вы сегодня? спросилъ докторъ, усаживаясь подлѣ кровати и щупая пульсъ.—Спали хорошо?

— Плохо.

— Голова болитъ?

— Тяжела.

— Во рту сохнетъ?

— Сохнетъ.

Врачъ помолчалъ

— Бредитъ? обратился онъ къ Осипу.

— Да-съ... все такое не сообразное говорятъ.

Врачъ опять помолчалъ.

— Апетитъ есть?

— Какое! чаю и то полстакана только выпилъ.

— Ну надо микстуру продолжать.—Дай-ка мнѣ крѣпительнаго, обратился онъ къ Осипу,— у меня сегодня желудокъ что-то не въ порядкѣ.

Свѣтловскій молча указалъ мнѣ глазами на доктора и улыбнулся.

Мы лучше Андрей выйдемъ, сказалъ я—сосни немного.—Докторъ, пойдемте ко мнѣ.

— А, хорошо! Мнѣ-же кстати и вашу бабушку навѣстить надо. Прощайте Андрей Николаичъ!

Когда почтенный эскулапъ выпилъ двѣ рюмки померанцовой, я предложилъ ему сигару и обратился къ нему:

— Что съ Андреемъ Николаевичемъ?

— Тифъ, спокойно отвѣтилъ врачъ и положилъ въ ротъ порядочный кусокъ сыру.

— Онъ опасенъ?

— Да. И я несовѣтовалъ-бы вамъ сидѣть подлѣ него—можно заразиться.

— Ну, я этого не боюсь.

Онъ пожалъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто хо-

тѣлъ сказать: что-жъ умирай пожалуй,—мнѣ-то вѣдь рѣшительно все равно!»

— А кризисъ былъ уже?

— Нѣтъ... да кажется и не будетъ, испарины вызвать нельзя.

— Такъ значитъ онъ... Договорить я нерѣшался,—это было свыше силъ моихъ.

— Умретъ вѣроятно... Наука ужъ тутъ ничего не можетъ, сказалъ врачъ и налилъ себѣ третью рюмку.

Противенъ и гадокъ былъ онъ мнѣ въ эту минуту.

— Да помилуйте, докторъ, отчего-же вы не пригласили другого врача? Умъ—хорошо, а два лучше!

— Пріятель вашъ не хотѣлъ... а теперь незачѣмъ. Впрочемъ какъ хотите.

— Да неужто никакой надежды нѣтъ?

— Нѣтъ... развѣ чудо. Силъ у Г. Свѣтловскаго совсѣмъ нѣтъ... бороться съ болѣзнью нечѣмъ.

Мы помолчали.

— А много-ли можетъ онъ прожить? спросилъ я.

— Какъ потянется... Я думаю не долго... ужъ и пульсъ сегодня слабѣе...

Сердце во мнѣ замерло. Христіанъ Федорычъ взялъ фуражку и сталъ прощаться.

— Вы ничего не пропишете?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же! И микстуру-то я велѣлъ продолжать такъ... для успокоенія.

— Что ему пить давать? морсъ?

— Хорошо.

— Или миндальное молоко?

— И это хорошо.

— Можно рейнвейнъ?

— О да!

— А говорить много нельзя?

— О все равно! Прощайте, къ бабушкѣ вашей пойду,—и врачъ торопливо вышелъ изъ комнаты;—должно быть я порядкомъ надоѣлъ ему. Я тотчасъ-же велѣлъ заложить трой-

ку и послалъ за лучшимъ докторомъ, заглянулъ къ Свѣтловскому, но онъ уснулъ и я не сталъ его безпокоить.

Къ вечеру Андрей все чаще и чаще началъ впадать въ безпамятство. Приступы болѣзни возобновлялись. Я сидѣлъ у постели Свѣтловскаго и думать ни о чемъ не могъ; какая-то особенная мука терзала меня, тяжелымъ камнемъ давила мнѣ грудь. Въ комнатѣ все было тихо; слышалось только, нѣсколько похожее на сдавленный стонъ, тяжелое, рѣдкое дыханіе больнаго. Андрей лежалъ на спинѣ, съ закрытыми глазами; перепекшіяся губы были слегка открыты. Волосы его неровными прядками лежали на лбу и вискахъ и почти не отличались цвѣтомъ отъ помертвѣвшаго лица больнаго. Казалось, разрушеніе уже преждевременно наложило на него печать свою.

— Ты здѣсь? вдругъ спросилъ онъ, взмахнувъ глазами и слегка повернувъ ко мнѣ голову.—Тяжело, братъ, мнѣ!

— Пить хочешь?

— Нѣтъ.

— Что-жъ ты чувствуешь?

— Самъ то я здоровъ... слабость только... да тоска какая-то.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Вотъ... утѣшалъ ты меня... передъ отъѣздомъ... а я, глупецъ, и повѣрилъ, сказалъ Свѣтловскій.

Я промолчалъ.

— Да ты Аглаиду-то помнишь?

— Помню.

Андрей умолкъ и, отвернувшись, прижался лицомъ къ подушкѣ.

— Ахъ какъ я любилъ ее! воскликнулъ онъ, поднимая голову, и послѣднимъ блескомъ засвѣтились его глаза.—До сихъ поръ обожаю какъ святыню!... Она—единственная любовь которая оживила мою безотрадную молодость... согрѣла

мое сердце... Вѣдь у меня никого не было. Я выросъ, незная что такое ласки отца и матери! Бабушку твою, тебя... я любилъ горячо, но мнѣ этого было недостаточно... я жаждалъ отдаться весь... Въ Аглаиду положилъ я всю свою душу, всю свою жизнь... и она прошла для меня какъ сновидѣніе!

Онъ закрылъ глаза и нѣсколько минутъ ничего не говорилъ.

— Когда ты передалъ мнѣ слова Аглаиды, я точно переродился... Я не могу даже выразить, какъ хорошо было мнѣ тогда!.. Бывали минуты что, вѣришь-ли, такъ-бы и хотѣлось провести всю жизнь у ногъ Аглаиды, умереть тутъ... Малѣйшее вниманіе, ласковое слово приводили меня въ сладостный трепетъ, въ неописанный восторгъ. Я почти вѣрилъ своему счастію...

Свѣтловскій остановился чтобы перевести духъ.

— Неговори много, сказалъ я, вѣдь ты усталъ.

— Ничего,... дай досказать... (Андрей заложилъ обѣ руки за голову).—Такъ вотъ, братъ, началъ я убаюкивать себя мечтами.. Свѣтло стала передо мною жизнь... хорошо сдѣлалось у меня на душѣ... Хотя между нами ничего еще не было сказано, но я видѣлъ, что Аглаида расположена ко мнѣ, совсѣмъ не та, что была со мной прежде... Я дѣлался смѣлѣе, она—ласковѣе и снисходительнѣе... Наконецъ я признался... Не забыть мнѣ ея лица въ это время! Глаза ея широко раскрылись, какое-то замѣшательство выразилось во всѣхъ ея чертахъ... Нѣсколько времени она нерѣшалась говорить... Потомъ, собравшись съ силами, нетвердымъ голосомъ изъявила согласіе быть моей женой. Тонъ этихъ словъ поразилъ меня своею странностью: нѣтъ, не того ожидалъ я отъ этой блаженной минуты! Не такъ звучали эти слова, когда въ темную, молчаливую ночь, въ жару безсонницы и волненія, я представлялъ себѣ это объясненіе!.. Тѣмъ не менѣе, получивъ согласіе Аглаиды, я хотѣлъ тотчасъ-же обрадовать Татьяну Ивановну; Аглаида упро-

сила меня погодить нѣсколько дней, пока она успокоится. Могъ-ли я не послушаться?.. Тяжко вспомнить, продолжалъ Андрей послѣ небольшой паузы, — что потомъ было! Есть-же минуты, въ которыя рушится, какъ карточный домикъ, ожидаемое счастіе, разбивается вся жизнь!

Свѣтловскій отвернулся и горько заплакалъ. Я поспѣшно всталъ, нагнулся къ нему и старался его успокоить.

— Оставь... дай поплакать... это отъ болѣзни, говорилъ больной, слабо отстраняя меня,—пройдетъ.

— На другой день утромъ, началъ онъ, оправившись,— шелъ я въ поле мимо сосновой рощи... знаешь... у обрыва? Слышу вблизи голоса; я прошелъ бы мимо, да помянули мое имя; я остановился, раздвинулъ кусты и увидѣлъ... Аглаиду съ Седлицкимъ! Въ первую минуту у меня въ глазахъ даже помутилось; мнѣ представилось что я съ ума схожу! Но это были еще цвѣточки!.. Судьба готовила мнѣ другой, болѣе чувствительный ударъ. Они говорили обо мнѣ... Каюсь: нечестно я поступилъ... подслушивать ни въ какомъ случаѣ неизвинительно, но въ ту минуту я просто не владѣлъ собой: точно какая-то невѣдомая сила приковала меня къ этому мѣсту.... Седлицкій выговаривалъ Аглаидѣ, зачѣмъ она слишкомъ далеко зашла съ своей комедіей. довела меня до предложенія, — та оправдывалась. Седлицкій объяснялъ ей что надо было только, завлекая меня и отводя глаза тебѣ и бабушкѣ, выигрывать время а невдаваться въ объясненія, невысказываться рѣшительно... Каково мнѣ было все это слышать! Я стоялъ, какъ громомъ пораженный, думалъ ужъ не галлюцинація-ли это?.. Наконецъ... (этого только недоставало!) Боже мой! (Свѣтловскій приподнялся и глаза его загорѣлись лихорадочнымъ блескомъ). Онъ обнялъ мою святыню, мое божество, ту дѣвушку, на которую я и смотрѣть-то долго неосмѣливался и цѣловалъ ее какъ любовницу! А она такъ и льнула къ нему!... Охъ братъ, тяжело мнѣ было... Какъ безумный кинулся я изъ рощи и не помню какъ добѣжалъ до флигеля.

Онъ закрылъ глаза и въ изнеможеніи опустился на подушку.

— И къ чему была эта таинственность? продолжалъ Андрей уже спокойнѣе. — Къ чему губить другаго? зачто? Нѣтъ, видно у Седлицкаго не доброе было на умѣ... Онъ свободенъ... кто могъ запретить ему честно ухаживать за Аглаидой, а ей любить его? Почему не сдѣлалъ онъ ей предложенія?. Аглаида поступила со мной дурно, жестоко... Завлекая, обнадеживая, она сгубила меня, но я не виню ее... она дѣйствовала подъ вліяніемъ Седлицкаго, а любящая женщина все исполнитъ!... Я простилъ ее... дай ей Господи счастія, полнаго счастія... Сохрани ее отъ обмана, отъ горькаго разочарованія!

— Ты потомъ не упрекнулъ ее? воскликнулъ я.

— Въ чемъ? съ горькой усмѣшкой спросилъ Андрей.

— Въ томъ что она такъ безсовѣстно лгала мнѣ, такъ безжалостно играла твоимъ сердцемъ! отвѣтилъ я съ жаромъ.

Свѣтловскій наклонилъ голову и вздохнулъ.

— Къ чему? какая была мнѣ отъ этого польза!.. Богъ съ ней!.. Одного я только забыть не могу, прибавилъ онъ, внезапно воодушевившись и повернувшись ко мнѣ лицомъ, — утра слѣдующаго дня... Я никогда не думалъ, чтобы можно было такъ равнодушно играть человѣческою жизнью, такъ хладнокровно обманывать того, кто былъ ей преданъ беззавѣтно!.. У Аглаиды хватило духу, называть меня шутя своимъ женихомъ, дѣлать разныя предположенія насчетъ нашей свадьбы!.. Да гдѣ же совѣсть-то?.. Гдѣ состраданіе?.. И за что, за что? У больнаго навернулись слезы). Я вѣдь любилъ ее честно, свято... Я всю жизнь положилъ въ это чувство... Теперь даже, послѣ всего что было, я неразлюбилъ ее!.. А между тѣмъ что я перенесъ! Надо испытать на себѣ эту погибшую, разбитую любовь, надо пройти сквозь ея жгучія страданія, чтобы понять ее и достойно оцѣнить!

— Она вскорѣ и уѣхала? спросилъ я.

— На другой день. Ну, ужъ какъ мнѣ твоей бѣдной бабушки было жаль! Горько ей было!.. Аглаида ей даже и записки не оставила!

— За всѣ ея благодѣянія!

— Да, братъ... неблагодарность—скверная вещь... Впрочемъ... страсть многое извиняетъ...

— Не заступайся Андрей, перебилъ я его,—Аглаида подло поступила... судьба покараетъ ее.

— Не дай Богъ! Седлицкій всему виною... вѣдь онъ заставлялъ ее дѣйствовать такимъ образомъ... Вспомни: лѣта ея, много-ли она видѣла... Пожалуста, прибавилъ Свѣтловскій послѣ небольшой паузы, протягивая мнѣ руку,—коли я умру и ты увидишь ее, скажи что молъ Андрей умиралъ желая ей добра и счастія, что любовь его исчезла только съ послѣднимъ его вздохомъ, чтобы она вспомнила его когда нибудь... скажи!—А теперь я сосну... усталъ...

Я обѣщалъ больному исполнить все и тихонько вышелъ,ославъ къ нему Осипа. Въ корридорѣ я столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста, очень толстымъ и грузнымъ. Лицо его, круглое и лоснящееся, съ обвислыми щеками и не большими глазками, выражало лѣнь и совершенную апатію.

— Я—докторъ, остановилъ онъ меня,—за которымъ посылали. Губернскій врачъ Станиславъ Францовичъ Янушкевичъ, съ разстановкою и сильнымъ польскимъ акцентомъ—проговорилъ онъ.

Я поклонился и назвалъ себя.

— Можно къ больному?... Что у него? спросилъ врачъ, вынимая сигару и методически вкладывая конецъ ея въ серебряную гильотинку.

— Тифъ, отвѣчалъ я. — Здѣшній докторъ говоритъ что надежды нѣтъ.

— О! протянулъ Янушкевичь и, вынувъ изъ кармана портсигаръ, зажегъ спичку и закурилъ.—Пойдемте.

Я вошелъ первый и предупредилъ Андрея.

Онъ открылъ глаза и приподнялся.

— Не надо... Здравствуйте, обратился къ нему Янушкевичъ и взялся сначала за пульсъ, а потомъ приложилъ свою красную, пухлую руку къ его головѣ.—Что вы чувствуете?

— Ничего... слабость, отвѣтилъ больной.

Докторъ отошелъ отъ кровати и сталъ ходить по комнатѣ.

— Апетиту у него нѣтъ, сказалъ я.

Янушкевичъ, только руками развелъ.

— Забывается часто, продолжалъ я.

— Пши-ить! протянулъ онъ и пожалъ плечами.—А бредитъ? спросилъ онъ, обсасывая конецъ сигары.

— Сегодня меньше.

Докторъ покурилъ и глубокомысленно посмотрѣлъ на полъ.

— Ну будетъ бредить, рѣшилъ онъ.

Свѣтловскій впалъ въ безпамятство. Мы подошли къ нему. Врачъ приложилъ ухо къ его груди, еще разъ пощупалъ пульсъ, взглянулъ на больнаго и, отряхнувъ пепелъ съ сигары, пошелъ изъ комнаты. Выходя въ корридоръ, онъ обратился ко мнѣ:

— Плохъ вашъ пріятель, жить ему не долго. Нѣтъ-ли у васъ спички?

Я подалъ.

— Неужели-же докторъ, никакой надежды нѣтъ?

Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами, при чемъ все тѣло его какъ-то странно покачнулось.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, закуривая сигару.—Пошлите за священникомъ.—Я даже думаю что онъ до утра не доживетъ. Жаль... но что дѣлать! болѣзнь повернулась скверно.

Онъ развелъ руками и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

Чрезъ полчаса, получивъ приличное вознагражденіе, Янушкевичъ уѣхалъ. Я послалъ за священникомъ, а самъ вошелъ къ Свѣтловскому.

Онъ лежалъ съ открытыми глазами, заложивъ обѣ руки за голову.

— Что сказалъ докторъ? спросилъ онъ.

— Говоритъ слабъ ты... поправишься еще нескоро... впрочемъ опасности нѣтъ, отвѣчалъ я, а у самого слезы такъ и дрожали на глазахъ.

— Ну... Божья воля! махнулъ рукою Андрей.—Пошли-ка за священникомъ,—пусть Господь сподобитъ меня...

Я несказалъ больному что уже послалъ и вышелъ въ корридоръ.

— Послушай голубчикъ, началъ онъ, когда я вернулся, —скажи моей благодѣтельницѣ, что я со слезами благодарю ее за всѣ ея милости... не приведется мнѣ заслужить ихъ... Что я былъ-бы безъ нея?... Она меня чуть не на улицѣ подняла, воспитала, образовала... Богъ заплатитъ ей за меня!.. Тамъ деньги есть... непомню сколько... раздѣли ихъ между Осипомъ и однимъ семействомъ,—онъ ужъ знаетъ...

— Что-ты Андрей, помилуй: съ чего ты умирать собрался?

— Да такъ ужъ... чувствую... Не ожить мнѣ...

Андрей смолкъ и началъ метаться. Прошло нѣсколько минутъ.

— Темно что-то, проговорилъ онъ, — Аглаидѣ-то скажи... не забудь... Тамъ роза есть... Какой садъ чудный... райскій... зачѣмъ только здѣсь Седлицкій... не мѣсто ему тутъ...

Свѣтловскій открылъ глаза и посмотрѣлъ на меня.—Что я говорилъ такое? кажется я начинаю путаться?

— Нѣтъ, успокоилъ я его.

Онъ опять закрылъ глаза и началъ дышать тяжело и съ разстановкой. Въ полуотворенную дверь заглянулъ Осипъ. Я всталъ. и подошелъ.

— Батюшка здѣсь, шепнулъ онъ мнѣ.

Я предупредилъ Андрея и, впустивъ священника, вышелъ вонъ. Давно сдерживаемыя слезы такъ и брызнули изъ моихъ глазъ.

— Вѣдь онъ умретъ! сказалъ я Осипу. Тотъ утеръ рукавомъ глаза.—Воля Божья! возразилъ онъ,—добрый былъ баринъ!

Черезъ четверть часа напутствованіе было кончено.

Я заглянулъ въ дверь къ Андрею,—онъ былъ уже въ забытьи. Посадивъ къ нему Осипа, я ушелъ къ себѣ отдохнуть, приказавъ разбудить себя при первой необходимости.

Передъ утромъ кто-то взялъ меня за ногу; я протеръ глаза: передо мной стоялъ мой слуга.

— Осипъ Ивановичъ зовутъ васъ къ барину.

— А что?

— Да ужъ очинно они бредятъ и мечутся.

Я вошелъ въ комнату Андрея. Онъ лежалъ на спинѣ, съ открытыми, блуждающими глазами и, разводя руками, что-то бормоталъ. Сброшенное одѣяло еле прикрывало его ноги, подушки сбились на одну сторону. Я приблизился къ Свѣтловскому и сталъ прислушиваться. Онъ бредилъ объ Аглаидѣ:

«Недави меня... дай пожить... говорилъ онъ.—Я все вынесу... только не отвергай... Вонъ заяцъ бѣжитъ... изъ сосновой рощи... это мой идеалъ... Идеалъ!.. Что такое идеалъ?.. Прыщъ на носу доктора—вотъ и все!.. Зачѣмъ только онъ все водку пьетъ?.. Ахъ, какъ свѣтло!.. Словно яркая полоса передъ глазами... деревья облиты мягкимъ розовымъ сіяніемъ... радуга черезъ все небо... соловей щелкнулъ... вода точно гдѣ-то переливается,.. Что это на стѣнѣ?.. Темное пятно съ свѣтлымъ ободкомъ... расплывается...больше... больше... Страшно!.. Лучезарная фигура... охъ!»

Больной вдругъ затрепеталъ и потомъ замеръ. Взглядъ его сдѣлался неподвиженъ. Я бросился къ Андрею, онъ судорожно ухватился за мое плечо, горячее его дыханіе такъ и жгло мнѣ щеку. Я далъ ему напиться и уложилъ.

Черезъ полчаса онъ очнулся. Увидя меня онъ протянулъ мнѣ руку и слабо проговорилъ:

— Умираю... тоска вотъ тутъ... (Онъ указалъ на грудь) не забудь сказать... ей... да бабушкѣ...

— Андрей! не умрешь ты, воскликнулъ я.—Богъ милостивъ,—выздоровѣешь.

— Нѣтъ! чувствую... Спасибо тебѣ... его не забудь... (Онъ взглянулъ на Осипа, который, утирая рукавомъ слезы, все отворачивался) да тѣхъ-то.... Деньги тамъ...

Больной сталъ метаться.

— Письмо есть... Осипъ, да поищи! сказалъ онъ вдругъ такимъ голосомъ что мы невольно бросились исполнить его приказаніе.—Нѣтъ, докторъ изъ него микстуру сдѣлалъ... Седлицкій можете у Аглаиды Павловны ручку поцѣловать... Чтожъ! Я не мѣшаю... Что я такое? Управляющій, у котораго отецъ себѣ бритвой горло перерѣзалъ!.. А вы меня зарѣзали—ну и ничего!...

Долго еще бредилъ Свѣтловскій; потомъ началъ шептать безсвязныя слова, все тише, тише, наконецъ совсѣмъ утихъ и забылся. Я отошелъ къ окну и спросилъ Осипа, про какое семейство говорилъ Андрей.

— А былъ въ городѣ, отвѣчалъ онъ,—чиновничекъ-съ, да въ холеру и померъ; вдова осталась, восемь человѣкъ дѣтей малъ мала меньше... Ну Андрей Николаичъ, извѣстно по добротѣ своей, и помогали-съ.

«Изъ какихъ это доходовъ помогалъ-то ты, добрая душа... Обрывалъ себя!» пришло мнѣ на мысль и, раздумавшись о бѣдномъ другѣ моемъ, утомленный до крайности, я незамѣтно склонился на ручку креселъ и заснулъ крѣпко.

Осипъ разбудилъ меня.

— Трудятся! шепнулъ онъ мнѣ надорваннымъ голосомъ.

Я вскочилъ и подбѣжалъ къ кровати больнаго. Онъ лежалъ какъ пластъ. Туманное утро бросало свой тусклый свѣтъ на его помертвѣвшее лицо и до половины уже закатившіеся глаза. Грудь его тяжело и рѣдко поднималась; онъ уже недышалъ, а хрипѣлъ съ слабымъ, отъ времени до времени, сдавленнымъ стенаніемъ.

Я окликнулъ Андрея, но онъ не отозвался. Сердце замерло во мнѣ; слезы такъ и подступили къ горлу, словно кто-нибудь взялъ да сжалъ его. Я взглянулъ на Осипа; стоя въ углу онъ тихо плакалъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Дыханіе больнаго становилось тише и покойнѣе. Глаза закрылись—онъ сталъ вытягиваться... Я бросился къ нему, но Осипъ остановилъ меня:

— Дайте душѣ выйти, сказалъ онъ, всхлипывая, — мѣшать не надо.

Черезъ четверть часа Андрея не стало. Мы съ плачемъ отдали ему послѣднее цѣлованіе и, обмывъ, положили на столъ. Отъ бабушки скрыли; она долго незнала о смерти своего воспитанника.

На третій день его похоронили. — «Миръ праху твоему, честный, любящій человѣкъ! Наконецъ-то ты нашелъ успокоеніе, котораго такъ долго и такъ напрасно искалъ на землѣ!»

IV.

Прошло еще два года; я жилъ въ Петербургѣ. Настала зима, начались маскарады. Однажды, выходя часу въ двѣнадцатомъ вечера изъ ресторана, гдѣ въ пріятельской компаніи мы порядкомъ поужинали и покутили, я почувствовалъ непреодолимое желаніе ѣхать въ маскарадъ въ благородное собраніе. Долго бродилъ я по освѣщеннымъ заламъ, раскланиваясь съ знакомыми и вынося терпѣливо пискъ всевозможныхъ домино, рѣзкое staccato трубъ и вой скрипокъ; долго смотрѣлъ на отдѣльныя пары, стремившіяся къ уединеннымъ мѣстамъ и на безцеремонное любезничанье офицерства съ масками сомнительнаго вида, въ затасканныхъ кружевахъ и грязныхъ перчаткахъ; наконецъ отъ всего этого хаоса, чада и шума у меня разболѣлась голова и я рѣшился ѣхать домой.... какъ вдругъ женщина въ черномъ домино, довольно высокаго роста, остановила меня на лѣст-

ницѣ: «Я тебя знаю» сказала она мнѣ, слегка тронувъ меня за плечо. Я обернулся. «И помню, хотя мы давно и не видались» добавила она, и темные глаза сверкнули изъ подъ черной, бархатной маски.

— А если знаешь, такъ пойдемъ, сказалъ я, подавая ей руку. Я рѣшительно недоумѣвалъ кто могла быть эта женщина.

Мы прошли нѣсколько комнатъ и помѣстились въ угловой, гдѣ почти никого не было.

— Но кто-же ты? спросилъ я свою спутницу.

— А по голосу не узналъ меня?

— Нѣтъ.

— Впрочемъ много лѣтъ прошло, измѣнилась я, грустно проговорила она.

— Значитъ мы видались?

Она кивнула головой.

— Гдѣ?

— Въ деревнѣ, на Волгѣ....

Я вздрогнулъ,—я начиналъ догадываться.

— Вы... вы... прошепталъ я.

Она сдернула маску. Предо мной была Аглаида.

— Вы здѣсь! воскликнулъ я,—А...

— Седлицкій, хотите вы сказать? (Она горько усмѣхнулась). Онъ женатъ, полковникъ, крестъ на шеѣ...

— Почему-же не васъ избралъ онъ въ подруги жизни? Вы столькимъ для него пожертвовали!

Она промолчала и поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— А Свѣтловскаго вы не забыли? продолжалъ я.

— Нѣтъ. Что онъ? не совсѣмъ спокойно спросила она.

— Онъ умеръ.

— Умеръ? внезапно поблѣднѣвъ, повторила она. — Бѣдный, бѣдный!

И Аглаида склонила голову.

Мы оба умолкли. Тяжелое, злое чувство овладѣло мною. Я сидѣлъ подлѣ той женщины, которая такъ равнодушно, такъ жестоко играла сердцемъ моего бѣднаго друга, кото-

рая изъ гнуснаго разсчета такъ безжалостно завлекала его и потомъ довели до могилы!—Припомнилась мнѣ небольшая комнатка Свѣтловскаго во флигелькѣ Покровскаго, простенькая кровать и худое, изможженное лицо Андрея... «Я любилъ ее, обожалъ какъ святыню» слышался мнѣ его слабый, прерывистый голосъ. Я видѣлъ его слезы, чистыя, непритворныя слезы,—онъ умиралъ съ мыслію о ней, съ именемъ Аглаиды на коснѣющихъ устахъ!

— Да, непорадовала тебя судьба, несчастный страдалецъ!.. Но какъ ни охватывалъ тебя жизненный холодъ, какъ ни сжимали тебя тоска и разочарованіе въ своихъ объятіяхъ—не смяли они твоей душевной красоты, не схоронили твоего сердца!

Я разсказалъ Аглаидѣ въ краткихъ словахъ безотрадную жизнь Свѣтловскаго послѣ ея побѣга, его кончину. Я нескрылъ отъ нея и то, что онъ передалъ мнѣ передъ смертію. —Да, Аглаида Павловна, воскликнулъ я, оканчивая свой разсказъ,—онъ любилъ васъ истинно... Вы не оцѣнили его чувства—оно вамъ было ненужно, пусть такъ! Но зачѣмъ-же вы притворялись, обманывали меня, завлекали бѣднаго Андрея, играли его любовью? Вѣдь онъ душу свою положилъ въ нее, вѣдь вы жизнью его играли, Аглаида Павловна! Во всю свою безотрадную молодость онъ любилъ одну только женщину — и эта женщина была вы! Чѣмъ-же вы отплатили ему за его безкорыстное чувство, за его преданность?.. Вы не изъ легкомыслія кокетничали съ нимъ подавали ему надежды; вы дѣйствовали съ разсудкомъ расчитанно... Вы сознательно дѣлали изъ него игрушку, скрывались за нимъ какъ за ширмами!.. Подумайте, Аглаида Павловна, каково было Андрею, получивъ ваше согласіе, выслушать потомъ разговоръ вашъ съ Г. Седлицкимъ въ рощѣ, узнать что вы принадлежите другому, что всѣ ваши дѣйствія съ нимъ были ничто иное какъ ложь, хитрость, гнусный обманъ!

— Какъ?! вдругъ выпрямившись, вскричала Аглаида;— онъ все это слышалъ?

— Да, слышалъ, продолжалъ я съ жаромъ.—Онъ даже видѣлъ, онъ, который такъ любилъ, какъ губы ваши сливались въ страстные поцѣлуи, какъ Г. Седлицкій весьма прозаически обнималъ его святыню, его божество! Ахъ, Аглаида Павловна, мучительна была эта минута для моего бѣднаго друга!... И что-жъ? Упрекалъ онъ васъ? Мстилъ онъ вамъ?.. Нѣтъ! Онъ удалился хотя и съ разбитымъ сердцемъ, съ слезами въ горлѣ, но онъ простилъ вамъ, и повѣрьте, простилъ отъ души!.. Андрей непоказалъ вамъ виду, что знаетъ вашу тайну, даже и тогда, когда послѣ сцены въ рощѣ вы, вѣрная своему плану, такъ остроумно издѣвались надъ нимъ, называя его своимъ женихомъ, приготовлялись къ мнимой сватьбѣ!..

— Довольно, довольно... ради Бога не продолжайте! сквозь слезы остановила меня Аглаида, закрывая лицо руками.

Я умолкъ. Сосѣдка моя плакала, изрѣдка нервно вздрагивая. Мнѣ стало жаль ее.

— Ну полноте, Аглаида Павловна, прошлаго не вернешь, сказалъ я ей наконецъ.—Я, можетъ быть, слишкомъ увлекся воспоминаніями, слишкомъ жестко высказалъ вамъ...

— Нѣтъ—нѣтъ, быстро перебила она меня,—вы сказали мнѣ то-же, что совѣсть моя шепчетъ мнѣ день и ночь... Вы вправѣ были говорить со мной такимъ образомъ: я сгубила Андрея, отравила своимъ поступкомъ, своей неблагодарностію послѣдніе дни моей благодѣтельницы... Я низкая, гадкая женщина!.. Но судьба наказала меня!..

Она снова заплакала.

— Вы несчастливы?

Аглаида ничего не отвѣтила, только глубоко вздохнула и крѣпко прижала руки къ своему раскраснѣвшемуся лицу. Звуки Nachtfalter'а доносились до насъ, маски изрѣдка сновали мимо и съ любопытствомъ насъ осматривали. Мы молчали. Вдругъ Аглаида встала, торопливо надѣла маску и сунувъ мнѣ въ руку билетикъ, пошла на встрѣчу входив-

шему въ дверь пожилому генералу. Онъ подалъ ей руку и они отправились по направленію къ буфету.

— Я взглянулъ на билетикъ: «Большая Морская, домъ № въ бэль-этажѣ» — и мнѣ вдругъ все стало ясно: посѣщеніе маскарадовъ, генералъ, аристократическая улица... Боже мой, и ты игрушка! невольно подумалъ я и, волнуемый тяжелыми, безпорядочными мыслями, направился къ выходу.

На другой день утромъ я уже сидѣлъ въ прелестномъ будуарѣ Аглаиды. Мебель мягкая и низкая, обитая въ видѣ раковинъ, занавѣсы на окнахъ, портьеры—все было розоваго шелковаго репса. Огромное трюмо, въ рамѣ розоваго дерева, занимало простѣнокъ, письменный столъ съ кучею дорогихъ бездѣлушекъ, небольшая библіотека, этажерки съ куклами и группами vieux-saxe,—все было розоваго дерева съ инкрустаціями. Мягкій, англійскій коверъ занималъ всю комнату. Хозяйка, въ турецкомъ капотѣ, съ небольшой наколкой на небрежно причесанныхъ волосахъ, полулежала накушеткѣ. За то время что я не видалъ ее, она мало измѣнилась: все такъ-же поражала ея блестящая красота, такъ же приковывали къ себѣ ея черные, глубокіе глаза. Но время и жизнь наложили уже на ея цвѣтущее лицо свою печать: исчезло выраженіе первой юности, легкая тѣнь окружила глаза, блѣдность утомленія ослабила свѣжесть румянца. Но все таки хороша была Аглаида Павловна!

Непріятно дѣйствовала на меня эта роскошная обстановка. Какъ будто для рѣзкости сравненія вспомнился мнѣ флигелекъ Андрея, потомъ гробъ, свѣчи... Вчерашнія впечатлѣнія тяжело и печально волновали меня.

— Какъ все здѣсь богато! невольно воскликнулъ я, обводя кругомъ глазами.—Какой комфортъ!

Аглаида вздохнула, но ничего не отвѣтила

— Вы довольны, счастливы? продолжалъ я.

Слезы блеснули въ ея глазахъ.

— Я сказала вамъ вчера, что достаточно наказана. Спросите, чего стоитъ мнѣ эта роскошь, этотъ комфортъ! Я про-

далась... Я не та Аглаида, что жила въ Покровскомъ, я женщина модная, которой хвастаютъ какъ кровнымъ рысакомъ, женщина выброшенная изъ общества, заклейменная позоромъ... я содержанка!.. Я ласокъ не раздаю—я продала ихъ! Я не могу хотѣть или не хотѣть любить—я должна любить!

Она закрыла лицо платкомъ и судорожно зарыдала.

— Прочтите, продолжала она спустя нѣсколько времени,— «Убогую и нарядную» Некрасова—вотъ и я такая же!.. Боже мой, Боже мой!

— Я виновата, очень виновата передъ Андреемъ; я цѣлую ночь не спала послѣ вчерашняго разговора... но ежели я играла его любовью, то и моей играли такъ-же!... Мнѣ нечего скрываться передъ вами: то, чего бы вамъ никогда не сказала прежняя Аглаида, — содержанка генерала *** не утаитъ. Съ самаго начала знакомства Седлицкаго съ нами, я полюбила его... Въ чувствѣ этомъ не было ни разсчета, ни распущенности... я полюбила его страстно, неудержимо. Когда мы объяснились, Седлицкій сдѣлалъ мнѣ предложеніе, но до времени просилъ скрывать наши отношенія. Я такъ слѣпо вѣрила ему, что даже не поинтересовалась узнать, какія могли быть на то причины. Мы видались по утрамъ въ рощѣ; во избѣжаніе подозрѣній онъ ѣздилъ въ Покровское рѣдко. Появленіе ваше встревожило его; надо было прикрыть наши отношенія, отвести ваше вниманіе... Я притворилась влюбленной въ Андрея, обманула васъ. — Между тѣмъ я почувствовала себя матерью... Вы наконецъ уѣхали... другъ вашъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Какъ ни тяжело было мнѣ лгать, но чтобы выиграть время, я дала свое согласіе, а между тѣмъ объявила Седлицкому что оставаться въ Покровскомъ болѣе не могу. Онъ велѣлъ мнѣ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ, далъ свой адресъ, а самъ, во избѣжаніе огласки, отправился тотчасъ-же. Черезъ день я собралась вслѣдъ за нимъ, но каково-же было мое отчаяніе, когда по пріѣздѣ въ столицу я узнала, что адресъ фальшивый, что Седлицкаго тамъ нѣтъ! Я поняла что об-

манута, что тотъ, чье имя должно было сдѣлаться моимъ, меня бросилъ!

Она сдѣлала движеніе рукой и помолчала.

— И въ самомъ дѣлѣ: какъ могла я быть до такой степени не дальновидной, чтобы не понять что я, бѣдная воспитанница богатой барыни, незаконная дочь, не могу сдѣлаться женой Г. Седлицкаго! Ему нужна была моя молодость; онъ взялъ ее и потомъ, какъ ненужную вещь, бросилъ на дорогѣ!.. Я осталась одна въ этомъ огромномъ городѣ, почти безъ средствъ, больная, съ разбитымъ сердцемъ, съ упрекомъ совѣсти... Къ счастію я разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ; когда я оправилась, я поняла свое безвыходное положеніе; мнѣ оставалось: или тяжелый трудъ или... И я кинулась въ этотъ омутъ, я продалась!

Она зарыдала.

— Вотъ вамъ моя исповѣдь. Другъ вашъ умеръ, я немогла умереть! Я осуждена теперь на эту ужасную жизнь, гдѣ гибнетъ все человѣческое, гдѣ все ложь и обманъ, гдѣ все покупается—даже чувства!

— Но неужели, Аглаида Павловна, вы не ищете выхода изъ вашего теперешняго положенія?

— Выхода? горько усмѣхнувшись, повторила она, — его нѣтъ для меня! Я такъ низко упала, такъ погрязла, что характера нехватитъ измѣнить образъ жизни. Я необманываюсь: хотя вся эта роскошь тяготитъ меня, шевелитъ уснувшую совѣсть, но она мнѣ необходима; хотя свѣтская выставка и оскорбляетъ меня, но безъ нея я бы соскучилась; хотя я знаю что наряды, кружева, брилліанты—плата за мои ласки, но они нужны для моего щегольства, для моего тщеславія! Нѣтъ, не вернуться мнѣ назадъ!

Жаль мнѣ было Аглаиду, но я сознавалъ, что слова ея справедливы, что возрожденіе невозможно, что эта женщина освоилась уже съ своимъ положеніемъ, втянулась въ него... что, проснувшаяся на минуту, совѣсть смолкнетъ за веселымъ обѣдомъ, а навѣянныя мной грустныя мысли разсѣются отъ удовольствій пикника или шпицбала!—Разда-

лись звонки, цвѣтъ россійской гвардіи и фешенебльной молодежи сталъ наполнять храмъ новой Ninon de Lenclos, вмѣсто наводящихъ тоску и унынiе слёзъ—веселый говоръ и смѣхъ оживилъ элегантные покои,—я всталъ, раскланялся и уѣхалъ.

Вечеромъ, за всенощной, я вспомнилъ Аглаиду и мнѣ вдругъ стало страшно за нее. Я преклонилъ колѣна и отъ души помолился за нее, за Андрея, за бабушку и за себя.

ПРИ ФАЛЬШИВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

ПРИ ФАЛЬШИВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

ПОВѢСТЬ

I.

Было тихое Іюньское утро. Солнце приближалось уже къ полудню и ярко свѣтило съ голубовато-блѣднаго, безоблачнаго неба. Едва замѣтный вѣтерокъ слегка волновалъ зацвѣтавшую рожь, изрѣдка освѣжая раскаленный воздухъ смолистою сыростью сосѣдняго лѣса. Птички смолкли, попрятавшись въ тѣнь, и только отъ времени до времени слышалось звонкое трещанье мелькнувшаго по землѣ стрижа или отрывистый, заунывный крикъ журавлей въ дальнемъ болотѣ...

На большой горушкѣ по-среди полей спускавшихся волнистой, серебристо-зеленой пеленой къ каменистой рѣчкѣ, виднѣлась усадебка. Бѣлый господскій домикъ привѣтливо выглядывалъ изъ-за густой зелени старинныхъ липъ и клёновъ. Къ этой усадебкѣ, по неширокому межнику, блестѣвшему еще не совсѣмъ высохшими росинками, шелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, въ бѣлой холщевой блузѣ и такой-же фуражкѣ, высокихъ сапогахъ и во всѣмъ охотничьемъ вооруженіи. Черный пóинтеръ слѣдовалъ за нимъ.

Оба путника шли вяло, еле переставляя ноги. Охотникъ частенько поправлялъ ремень своего довольно туго набитаго ягдташа, и рѣшительно не зналъ какъ освободиться отъ тяготившаго его ружья. Собака шла понуря голову и, свѣсивъ языкъ на сторону, тяжело и часто дышала.

Молодой человѣкъ былъ хозяинъ этой усадьбы; — звали его Николаемъ Александровичемъ Ольховцевымъ. Онъ былъ холостъ, довольно богатъ и, выйдя въ отставку съ чиномъ армейскаго поручика, наслаждался теперь жизнью въ свое удовольствіе. Въ городѣ О. онъ считался однимъ изъ лучшихъ жениховъ какъ по состоянію такъ и по своимъ физическимъ свойствамъ, и многія изъ перезрѣлыхъ барышень называли его неиначе какъ *конфеткой*. За то солидные мужчины находили его пустымъ. взбалмошнымъ мальчишкой, который на то только и годился что въ деревнѣ собакъ гонять, по ихъ выраженію. Но люди могутъ ошибаться и сужденія ихъ невсегда бываютъ вѣрны;—впослѣдствіи мы сами познакомимся съ господиномъ Ольховцевымъ и узнаемъ его по-ближе.

Николай Александровичъ дошелъ до своего домика и, бросивъ въ передней свое вооруженіе, прошелъ въ кабинетъ и развалился на кушеткѣ.

— Эй! крикнулъ онъ.

Явился лакей, молодой малый, въ тиковомъ сюртучкѣ.

— Снимай сапоги..... Да тише, чортъ задралъ! Я мозоли себѣ натеръ.

— А много-ли настрѣляли-съ?

— Вонъ посмотри... Вели отнести кстати всю дичь Боярскимъ, а теперь чаю мнѣ—да живѣй!

— Самоваръ давно кипитъ.

— Ну тащи.

Ольховцевъ раздѣлся и, обмахиваясь платкомъ, проговорилъ:

— Ухъ! Слава Богу дотащился... Эка жарища! Эй, Петръ!

Лакей явился съ огромной чашкой чая на подносѣ и ватрушкой, величиной съ тарелку.

— Вотъ это умно... Поди сюда... Паинька, паинька, говорилъ Ольховцевъ, гладя лакея по головѣ,—не забылъ о ватрушкѣ.., а я жрать смерть хочу!

— Васъ тамъ староста дожидается.

— Ну его къ чорту!

— Да очинно ему васъ нужно.

— Вѣдь ты видишь, каменное ты сердце, что я ѣсть хочу, что я усталъ,—видишь?

— Вижу-съ, да очинно ему нужно.

— Пошелъ вонъ! вскочивъ съ кушетки крикнулъ Николай Александровичъ и повернулъ Петра къ двери.—Маршъ!

— Прикажете ему обождать?

— Ну да. Дай ему водки.

Ольховцевъ сѣлъ у открытаго окна и началъ поѣдать ватрушку, запивая её огромными глотками чая.

Явился Петръ.

— Опять ты мнѣ глаза мозолишь! Чего тебѣ?

— Да староста-съ...

— Тьфу ты дуракъ какой! Сказано что-бы онъ ждалъ...

— Да очинно нужно...

— Очинно нужно, передразнилъ его Ольховцевъ. —Эхъ, чортъ дери и хозяйство! Ну зови,—чего стоишь?

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ мужикъ въ новомъ армякѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ большой рыжей бородой и умнымъ лицомъ.

— Ты что Селифонъ?

— Да къ вашей милости... Будьте отцомъ роднымъ, ослобоните меня, сладу съ народомъ никакого нѣтъ.

— Ты одурѣлъ, Селифонъ! Въ самую рабочую пору хочешь уходить; меня-то на кого-же ты оставишь?

— Никогда бы не ушелъ, Миколай Александрычь, завсегда доволенъ вашей милостью, да народъ-то сами знаете нонече какой—вѣдь нехристи какіе-то!

— Что же они сдѣлали?

— Да не топеря только, а завсегда... Безпокоить только вашу милость не охота... Вонъ и лонись что сраму да грѣха съ ними было... А сегодня всѣ ушли съ работы!

— Какъ такъ?

— Да пришелъ мужичокъ изъ Шапкина и баитъ имъ: «чего работаете,—нонче Петровъ день—штрафъ возьмутъ»—они косы на плечи да и по домамъ!

— Да вѣдь у нихъ, у дьяволовъ, въ условіи всѣ праздники перечислены, Петрова дня нѣтъ.

— Точно что нѣтъ,—да имъ что́ условіе!

— Однако, Селифонъ, оно въ правленіи явлено.

— Что-жъ что явлено! Имъ это все одно...

— Тамъ сказано что за самовольный уходъ съ работы—штрафъ, ну и возьмутъ штрафъ.

— Сказано, да ничего не подѣлать! Вотъ что, Миколай Александрычъ! Возьмите штрафъ — такъ и совсѣмъ уйдутъ; а пока дѣло-то идетъ мы безъ работниковъ будемъ,.. А гдѣ ихъ найдешь? Пора теперь горячая... Вы ка́къ полагаете: они эфтаго не знаютъ?

— Чортъ-бы ихъ подралъ!

— Знаютъ, Миколай Александрычъ,—отъ эфтаго самаго и куражатся.

— Они-же безъ работы останутся.

— Они-то? Нѣтъ-съ... работа будетъ. А и не будетъ — на печи пролежитъ, а къ вамъ не подетъ. Оно конечно, будь прежнее время, не ушли-бы съ работы, а нонче чего мужику бояться? Что двадцать-то розогъ дадутъ или въ каморку посадятъ — не важность, а продавать у него нечего... Послѣднюю корову аль избу трогать не велѣно-съ.

Ольховцевъ прошелся по комнатѣ.

— Да что-же, чортъ возьми, дѣлать-то съ эдакими уродами?

— Да ужъ увольте меня, Миколай Александрычъ, явите божескую милость!

— Что́-ты, что ты Селифонъ,—какъ тебѣ не грѣхъ! Я-то что буду дѣлать?

— Оно точно-съ... Да вѣдь и мнѣ-то о́пасно... Должность свою должо́нъ я по божески, по хрестеянски править, а вѣдь всяко бываетъ: день тихо, а часъ лихо! Домъ у меня есть, хозяйка, ребятъ куча... въ чемъ-нибудь съ сердцовъ напакостятъ! Вонъ надыс́ь, со злобы, у нашего мужичка сарай съ сѣномъ спалили—и концы въ воду!

— Неужто не нашли виновнаго?

— Подозрѣніе было, да ничего не нашли—такъ и порѣшили.—Нѣтъ, батюшка, тяжеленько нонче!

— А ты, Селифонъ, все таки оставайся.

— Да вы-бы, батюшка, посреднику-то отписали, — онъ баринъ умный, справедливый, да и мужики его побаиваются.

— Напишу. Ну ступай теперь съ Богомъ,—напишу.

Селифонъ вышелъ.

— О чортъ! Пиши теперь въ жару изъ за мерзавцевъ, злился Ольховцевъ;—Петръ, чаю!

На лѣстницѣ послышались шаги, и вскорѣ въ комнату осторожно вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ женоподобнымъ лицомъ, весьма чисто и съ нѣкоторымъ щегольствомъ одѣтый въ легонькое платье изъ одинаковой матеріи, въ военной фуражкѣ, съ тросточкой въ рукахъ.

— А, Баклаевъ, красное солнышко! Откуда взошло? воскликнулъ Николай Александровичъ, идя съ растопыренными руками на встрѣчу вошедшему.

— Изъ Сосновцевъ съ порученіемъ къ вамъ... А вы съ охоты? Не обезпокоилъ-ли я васъ?

— Ничуть, мой пастушокъ.... Да, я съ охоты, съ тетеревинаго побоища... Хотите чаю?

— Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣтилъ Баклаевъ, усаживаясь въ кресла и сбивая пальцемъ пыль съ своихъ панталонъ.

— Впрочемъ я и забылъ что пастушки любятъ млеко... Млека хотите?

— Пожалуй.

— А! Значитъ вы находите что теперь пища во благовременніи... Петръ! Млека Василью Ивановичу, да жирнаго... Что, душенька, повзопрѣли маленько?

Баклаевъ улыбнулся.

— Да, таки жарко.

— Ну спасибо вамъ, Василька, что меня не забываете... А у меня вотъ передъ вашимъ приходомъ бѣда стряслась, чтобъ её чортъ подралъ!

— Что такое?

— Работники съ поля ушли! Вотъ и пиши теперь къ посреднику.

— Ну что-жъ, напишите,—можетъ онъ и уладитъ.

— Все это такъ... да_вы поймите, Васинька: въ жаръ писать—вѣдь это анафемство!

— А вы сейчасъ напишите да и съ плечь долой.

— Нѣтъ ужъ это дудки! Я полежать хочу,—и Ольховцевъ бросился на диванъ, поднявъ ноги къ верху.—Извините, мой чистенькій человѣчекъ, неприличность моей позы... Я только поразомнусь немножко.

Николай Александровичъ развелъ ноги, стукнулъ каблуками, и сразу вытянулся на диванѣ.

— Какой вы школьникъ!

— Ну—ну, мой доблестный менторъ,—вонъ Петрушка млеко несетъ,—хлебайте!

Петръ поставилъ молоко и хлѣбъ. Баклаевъ началъ пить.

— Отчего вы вчера не были у Боярскихъ? Васъ тамъ ждали, сказалъ онъ съ сладкой улыбкой.

Ольховцевъ сѣлъ на диванѣ.

— Да, ждали... продолжалъ Баклаевъ.

— Не Борисъ-ли Яковличъ? нѣсколько насмѣшливо спросилъ Николай Александровичъ.

— Н-нѣтъ... сама Нина Александровна! Она приказала просить васъ сегодня кушать.

— Какъ?! Само божество освѣдомляется о своемъ плюгавомъ поклонникѣ, и зоветъ его къ своей трапезѣ?

— Вы все скоморошничаете,—я говорю серіозно.

— Ну и я серіозно,—и Ольховцевъ сдѣлалъ такую рожу что Баклаевъ не выдержалъ и разсмѣялся.

— Такъ отчего-же вы не были?

— Не былъ да и все тутъ.

— Провалялись на диванѣ?

— Хоть-бы и такъ.

— Эхъ, Николай Александрычъ! Вотъ вы не любите когда я начну говорить вамъ правду; а вѣдь вы убиваете

и ваши способности и время... Ну что вы дѣлаете? На охоту ходите? Это хорошо между другими занятіями, а вѣдь есть...

— Ата́нде, Васинька, началъ, становясь на колѣни и принимая трагическую позу, Ольховцевъ,—я васъ прошу, умоляю не потрясать воздухъ для того, чтобы издавать только одни звуки; не бросайте на вѣтеръ эти громкія слова, эти упреки въ недѣятельности! Un tour de valse, s'il vous plait! И Ольховцевъ, схвативъ Баклаева, началъ вертѣть его по комнатѣ.

— Полноте, Николай Александрычъ, и безъ то́го жарко.. Ну полноте.... лучше пишите къ посреднику.

— О проза! воскликнулъ Ольховцевъ, выпуская Баклаева,—я вѣдь утопаю въ блаженствѣ, мой милый, розовенькій Ганимедъ!

— Да поговорите вы о чемъ нибудь дѣльномъ, сказалъ. Баклаевъ, поправляя измятое платье, — Вонъ всю визитку извертѣли!

— Чортъ съ ней! Новую заведете.

— Какже! Новая-то денегъ стоитъ, а вы мнѣ не дадите.

— Все-конечно... будьте покойны.

— Ну-съ такъ о чемъ же говорить... А! сейчасъ! Ольховцевъ сѣлъ и приставилъ палецъ ко лбу.—Какъ я лихо черныша убилъ—прелесть!

— Опять объ охотѣ!

— Ну ладно,—это по́-боку. Какую я, Васинька, штучку сегодня видѣлъ—за-глядѣнье! Вы хоть и корчите изъ себя красную дѣвушку, а растаяли-бы... Началъ было я за ней тово.. эдакъ шуры-муры, на салазкахъ подъѣзжать, — въ трубу выпустила! А штучка преотмѣнная,—съ сокомъ дѣвка!

Баклаевъ покраснѣлъ.

— Хотите я вамъ Маколея или Бокля пришлю?

— Что-съ? прищурилъ глаза Ольховцевъ и представилъ пьянаго, вытирающаго пальцами носъ.—Маколея? Qu' est-ce que c' est que Маколей? Незнаю... Значитъ je m'en fiche!

Цѣлуйтесь съ нимъ—Je n'ai que faire de M-r Маколей!... А вотъ рюмочку водки—можно... оно естественно.

— Полноте... я къ вамъ ходить не буду.

— Ужъ и разсердился... сейчасъ и горчица въ носъ... Ну Богъ съ вами кормилецъ! и, подперши рукой подбородокъ, Ольховцевъ представилъ плачущую бабу.—Обидѣли, ваше благородіе, какъ есть изобидѣли... Тоже вѣдь дѣтки есть...

Баклаевъ смѣялся.

— На васъ и сердиться-то нельзя... Ну что-же, будете вы сегодня въ Сосновцахъ?

— Сейчасъ, сейчасъ, мой божокъ... дайте голубчикъ выкинуть послѣднее колѣнцо!

Ольховцевъ, совершенно вытянувшись, подскочилъ къ верху, повернулся на воздухѣ и сталъ на мѣсто.

— Ну теперь будетъ—усталъ.

— Славу Богу!.. Будете что-ли?

— Буду. А скотина-то дома?

— Кто? Борисъ Яковлевичъ?

— Конечно! Развѣ есть дублетъ его?

— Какъ это вы право выражаетесь. Вѣдь онъ cousin мнѣ!

— Не хитрите душечка... Что вы ему морду лижете да ко всякому слову «братецъ» прибавляете—изъ этого вовсе не слѣдуетъ что-бы вы его любили—полноте! Знаемъ ваши подъѣзды! Ну, да это въ сторону; дома онъ?

— Дома.

— О чортъ задралъ!

— Да почему вы его не любите? Право онъ ничего еще.

— То есть вы хотите сказать, Васинька, что бываютъ хуже, но рѣдко? Правда... О животное! И мужъ такой чудной женщины....

Баклаевъ пожалъ плечами.

— Вы кажется съѣсть его рады.

— Съѣсть не съѣлъ-бы, моя прелесть,—мясо дряблое, а собакамъ съ удовольствіемъ-бы скормилъ!

— Вздоръ вы говорите, спойте лучше что нибудь.

— Можно. Только кажется теперь не время—удара нѣтъ... Впрочемъ для васъ что угодно!

Ольховцевъ подошелъ къ рояли, поднялъ крышку, сѣлъ и, взявъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

„Si tu savais combien je t'aime!
„Bien sûr toi-même tu m'aimerais!"

Онъ пѣлъ не-дурно. У него былъ теноръ немного переходившій въ баритонъ, мягкій, сильный, хорошо обработанный. Неподдѣльное чувство сказывалось въ его пѣніи. Окончивъ романсъ, онъ вдругъ встряхнулъ кудрями, бойко и сильно взялъ звонкій аккордъ, и съ веселой удалью запѣлъ:

„Солнце на закатѣ,
„Время на утратѣ;
„Сѣли дѣвки на лужокъ
„Гдѣ муравка и цвѣтокъ."

— Хорошая исторія — пѣніе! проговорилъ Ольховцевъ, вставая;—такъ всѣ поджилки и задрожатъ какъ хватишь эдакую плясовую!

— Первый романсъ лучше—въ немъ чувство есть, возразилъ Баклаевъ.

— Ну ужъ вы, сахаръ медовичь! Вамъ все слезливаго надо. Приведется плакать—и безъ этого заплачете... Вонъ ужъ и раскисъ!

— Да васъ ничѣмъ не проберешь! съ небольшимъ раздраженіемъ замѣтилъ ему Баклаевъ.

— А вы почемъ знаете? вдругъ подскочилъ къ нему Ольховцевъ;—можетъ быть я глубже еще вашего чувствую, да рисоваться не люблю! А ужъ нюни распускать и подавно не буду! И зачѣмъ вы хитрите? Вѣдь все это въ васъ напускное..: Корчите изъ себя красную дѣвушку, чортъ знаетъ какого пуритана, а въ душѣ вѣдь вы отъявленнѣй-

шій матеріалистъ! Говорите о чувствахъ, а сами въ нихъ не вѣрите... Ну для чего это? — Не хорошо, душечка! и Ольховцевъ повернулся на одной ногѣ.

Баклаевъ всталъ и взялъ фуражку.

— Куда-же вы? Только въ глазахъ напорошили?

— Домой... кузина ждетъ къ завтраку.

— Опять горчица въ носъ! Ну, скатертью дорога,—скажите что буду. Прощайте, мой амурчикъ!

Баклаевъ вышелъ на крыльцо и пошелъ по дорогѣ.

— Постойте-ка, Васинька! крикнулъ ему изъ окна Ольховцевъ.

— Что?

— У меня къ вамъ просьба есть, вернитесь.

— Говорите,—я слышу.

— Да нельзя-же горло драть, вернитесь. Дѣло секретное.

Баклаевъ вернулся.

— Какая просьба?

— Ну скажите что исполните. Душенька!

— Да говорите скорѣй—мнѣ пора.

— Утопите, батюшка, Бориса Яковлича,—ну ради Бога!

Баклаевъ разсмѣялся.

— Прощайте.

— Утопите! По гробъ не забуду! кричалъ ему вслѣдъ Ольховцевъ.

По уходѣ Баклаева, Николай Александровичъ походилъ по комнатѣ, довольно ловко поймалъ двухъ мухъ и вдругъ, хлопнувъ себя рукой по лбу, подошелъ къ письменному столу и сѣлъ писать къ посреднику.

II.

Борисъ Яковлевичъ Боярскій считался однимъ изъ первыхъ тузовъ въ городѣ О. по своему состоянію. Усадьба его Сосновцы съ стариннымъ, огромнымъ каменнымъ домомъ, извѣстна была своимъ плодородіемъ и отличными сѣноко-

сами. Г. Боярскій, хотя и скупой отъ природы, ничего не жалѣлъ для ея украшенія: каждый почти годъ производились постройки или поправки. Борисъ Яковлевичъ любилъ похвастать своимъ состояніемъ. Въ Сосновцахъ онъ обыкновенно проживалъ четыре мѣсяца, а на зиму переѣзжалъ въ городъ, гдѣ имѣлъ собственный домъ, отдѣланный тоже на славу. Боярскому было лѣтъ подъ пятьдесятъ; небольшаго роста, толстый, съ огромной головой и довольно округленнымъ брюшкомъ, — онъ очень походилъ на гутта-перчевыхъ куколокъ въ тотъ моментъ, когда ихъ сверху прижмешь пальцемъ. Борисъ Яковлевичъ нигдѣ не служилъ; еще въ самой ранней молодости, папаша его попытался было опредѣлить его чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору, но послѣ двухъ-трехъ весьма неудачныхъ слѣдствій, юный служака принужденъ былъ скрыться въ объятія своего родителя и вступить на указанную ему перстомъ Провидѣнія дорогу небокоптителя. Боярскій вставалъ довольно рано, бѣгалъ часа два, не столько для наблюденія за хозяйствомъ сколько для предупрежденія визита кондрашки, потомъ завтракалъ, послѣ плотнаго обѣда спалъ съ сильнымъ храпомъ и сопѣньемъ, а вечеромъ, если былъ клубный день, отправлялся играть въ карты. Этой привычкѣ онъ неизмѣнялъ даже и во время пребыванія своего въ Сосновцахъ, чему способствовала близость усадьбы отъ губернскаго города. Борисъ Яковлевичъ съ нравственной стороны, какъ и съ физической, принадлежалъ къ числу самородковъ; безъ всякаго почти воспитанія, надутый своимъ богатствомъ, нрава крутаго и вспыльчиваго, дерзкій со слабыми и угодливый съ сильными,—онъ былъ крайне самонадѣянъ, хотя и не глупъ. Приличій онъ и знать не хотѣлъ; онъ былъ убѣжденъ, что богатому человѣку все позволено и не думалъ сдерживать свою, подчасъ нахальную, натуру. Привязанный къ деньгамъ, онъ все оцѣнивалъ ими: достоинства человѣка измѣрялись въ его глазахъ количествомъ получаемаго имъ дохода, всѣ земныя радости, счастіе доставляли деньги,—вся цѣль жизни, по его мнѣнію, заклю-

чалась въ пріобрѣтеніи ихъ. Борисъ Яковлевичъ, въ пріятной компаніи любилъ выпить лишнее, и тогда уже берегись домашніе: малѣйшее противорѣчіе и, послѣ крика на весь домъ, страдалъ или столъ или стулъ — чтобы ни попало подъ руку.

Лѣтъ пять назадъ до начала нашего разсказа, въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Москву, Боярскій женился на бѣдной дворяночкѣ, которую мамаша весьма рада была удѣлить такому выгодному жениху изъ своего семейнаго запаса, доходившаго до страшной цифры 6. Но Нинѣ Александровнѣ такая родительская нѣжность и заботливость была очень не по нутру; однако какъ она ни плакала, ни проси́ла—Исаія возликовалъ и Нина Шесто́ва на осмнадцатомъ году своей жизни, сдѣлалась М-me Боярской. Весь городъ О. пришелъ въ восторгъ отъ молодой женщины; всѣ единогласно рѣшили что она—прелесть, и не ошиблись: Нина Александровна была дѣйствительно красавица. Одни ея бархатные, глубокіе темносѣрые глаза могли свести съ ума любаго смертнаго, не говоря уже о ея стройномъ, гибкомъ станѣ, темнорусыхъ густыхъ волосахъ и чудныхъ маленькихъ ручкахъ. Но лучше всего въ ней было выраженіе ея лица: ясное, кроткое, оно казалось дышало любовью ко всѣмъ, невольно привлекало каждаго. Дѣтей у Боярскихъ не было.

Когда Баклаевъ вошелъ въ столовую, Нина Александровна сидѣла уже за чайнымъ столомъ; съ одной ея стороны, возлѣ самаго самовара, помѣщался Борисъ Яковлевичъ, съ другой—дама средняго роста, лѣтъ шестидесяти, съ лицомъ похожимъ на выжатый лимонъ и быстрыми, нѣсколько прищуренными, глазами—нѣкая Агафья Семеновна Ша́мшева.

Непріятная дама была эта госпожа Шамшева: сплетница до раздраженія, она звенѣла какъ колокольчикъ съ утра до вечера. Разсказывать новости (конечно преувеличивая) было ея потребностью такъ-же какъ птицѣ нуженъ воздухъ, рыбѣ—вода. Случалось ей конечно, за неимѣніемъ матеріяловъ, и придумывать не-бывалыя вещи и (замѣчательное

дѣло!) разсказывая то, чего никогда не было, и стараясь убѣдить въ истинѣ этого слушателей, она доходила часто до того, что увѣряла самое себя въ справедливости разсказа. Общество её не любило, но почти всякій считалъ за долгъ изрѣдка навѣщать её, боясь преслѣдованія ея язычка. Одного Бориса Яковлевича она старалась не трогать, — какъ богатый человѣкъ онъ могъ ей понадобиться. Агафья Семеновна была религіозна, то есть ходила почти каждый день къ обѣдни, усердно кланялась въ землю (хотя въ это время и разглядывала кругомъ), въ посты не ѣла скоромнаго, слѣдовала за всѣми крестными ходами, пролѣзала подъ иконы и крестила ротъ, когда её одолѣвала зѣвота. Но далѣе этихъ обрядовъ она не шла; въ ней не было ни глубокаго пониманія вѣры, ни теплоты сердечной; набожность у нея была такой-же привычкой какъ и раскладываніе гранъ-пасьянса.—У ней было около полутораста надѣловъ, но заложенныхъ и перезаложенныхъ.

— Bonjour Basile! сказала Нина Александровна, когда Баклаевъ вошелъ въ столовую.—Что-же Ольховцевъ будетъ?

Василій Ивановичъ подошелъ къ ручкѣ хозяйки и Агафьи Семеновны (она ужасно любила протягивать всѣмъ руку для поцѣлуя) и, раскланявшись съ Боярскимъ, отвѣчалъ:

— Будетъ, cousine.

— А ты что, братъ, рано поднялся — аль клопы заѣли? съ грубымъ хохотомъ спросилъ Боярскій.

— Что это вы, братецъ, говорите, конфузясь замѣтилъ ему Баклаевъ,—утро было чудное, я гулялъ.

— А вѣтрогонъ-то этотъ что дѣлаетъ? вмѣшалась Шамшева.

— Кто-съ? Ольховцевъ?

— Ну да. Развѣ есть еще такой-же.

— Да поди, собакъ гоняетъ!... Что ему больше дѣлать!... Или, задравши ноги, на диванѣ валяется... Вѣдь такъ Вася? спросилъ Боярскій и съ шумомъ плюнулъ въ уголъ.

— Онъ на охотѣ былъ... много дичи принесъ — усталъ страшно.

— А кто его толкалъ?

— Хотѣлъ кузинѣ дичи достать къ обѣду.

— Ага! Любезный кавалеръ..—Такъ какъ-же, Агафья Семеновна, вамъ нынѣшняя зима неудачна была... ни одной свадебки не сляпали,—а?

— Да что ужъ говорить... Жениховъ мало, а которые и есть — не туда смотрятъ..,—Ахъ, ma chère, обратилась она къ Нинѣ Александровнѣ; — я третьяго дня просто измучилась: имянины мои — сущее для меня наказаніе... Повѣрите-ли: сорокъ одинъ визитъ должна была принять! Ну въ мои-ли годы это дѣлать!

— За чѣмъ-же вы всѣхъ принимаете?

— Нельзя, ma chère... былъ губернаторъ, вицгубернаторъ, предводитель,—какъ-же имъ отказать? Неловко... A propos: бѣдный предводитель: у него всѣ люди разбѣжались... Теперь некому воды стаканъ принести. И представьте: даже Василій, его камердинеръ, пятнадцать лѣтъ у него жилъ, тоже ушелъ, и безъ всякой причины.

— Какъ-же это такъ? спросилъ Баклаевъ, подсаживаясь къ Шамшевой. — Разскажите, добрѣйшая Агафья Семеновна. (Онъ зналъ чѣмъ ей понравиться)

— А вотъ какъ: приходитъ онъ къ барину и проситъ разсчета; Иванъ Ѳедорычъ конечно удивился; спрашиваетъ: не обидѣлъ ли его кто-нибудь, не хочетъ-ли онъ прибавки? Всѣмъ, говоритъ, доволенъ, — вѣкъ за васъ буду Бога молить. Такъ отчего-же ты отходишь? Онъ сначала помялся, а потомъ признался что надъ нимъ очень смѣются, говорятъ: «ты и воли-то не видалъ,— все у одного барина живешь!»

— Скажите, какой глупый! качая головой, замѣтилъ Баклаевъ.

Борисъ Яковлевичъ поднялся съ своего кресла.

— Жена! Прошу-же что бы къ обѣду мнѣ былъ портеръ.

— Да вѣдь тебѣ запрещено, Борисъ.

— Мало чего, да я хочу!

— Будь благоразуменъ, Борисъ,—тебѣ вредно.

— О чортъ возьми! Да что я ребенокъ что-ли, чтобы меня на помочахъ водить! (Нина Александровна слегка покраснѣла)—Василій, пойдемъ въ кабинетъ. Эй, человѣкъ, трубку!

— Пересядемте въ гостинную, Агафья Семеновна, здѣсь уберутъ.

— Хорошо, ma chère,—куда угодно. Такъ я говорила... о чемъ бишь... да: есть у меня кучеръ, славный человѣкъ и не пьющій, да пожалуй не пойдетъ къ Ивану Ѳедорычу —выѣздовъ много... съ утра до вечера. А шляпку вамъ прислали?

— Да я и не выписывала.

— Вообразите: Шилова какая скупая: старую свою шляпку, знаете сѣренькая съ голубенькими цвѣточками, отдала покрыть своимъ поношеннымъ шелковымъ платьемъ! А благовѣрный-то ея каждый вечеръ въ клубѣ, и говорятъ il joue gros jeu.. Вчера тридцать семь рублей проигралъ!

— Гдѣ вы вчера были?

— У Охвостьевыхъ, ma chère,—думала найти партію да не составилась. Они въ горѣ: Ѳедюшу-то выгнали изъ гимназіи... Quel mauvais garçon! Да, говорятъ, и старшій, что въ правленіи служитъ, не лучше—попиваетъ... А вотъ на дняхъ, познакомилась я съ новымъ учителемъ, не давно пріѣхалъ—quel charmant jeune homme! Образованный, умный, къ старшимъ почтительный,—одно жаль: много говоритъ.

Шамшева понюхала табаку.

— А правда это, ma chère, что ваша пріятельница Ожогина—безбожница?

Нина Александровна слегка пожала плечами и разсмѣялась.

— Что это, Агафья Семеновна, съ чего вы это взяли?

— Ну можетъ и не правда; нельзя вѣрить всему что здѣсь говорятъ. Сплетень столько что и не переслушаешь. Вотъ говорятъ что Брызгаловъ за актрисой ухаживаетъ, какъ бишь её... маленькая такая—ну все равно. И подарки будто дорогіе дѣлаетъ,—ну при его-ли состояніи! Ему и одному-то еле хватаетъ. Покойничекъ отецъ хоть и много

бралъ, а сынку мало оставилъ—все въ карты спустилъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Агафья Семеновна остановилась и обвела кругомъ глазами.

— Вы мнѣ позволите, chère Агафья Семеновна, продолжать свою работу? сказала Нина Александровна, подходя къ пяльцамъ. (Шамшева ей рѣшительно надоѣла.)

— Ахъ что это, ma chère, какъ вамъ не стыдно со мной церемониться! Вы что вышиваете?

— Коврикъ... prie-Dieu.

— Ахъкакой чудный узоръ! (Шамшева любила восторгаться) Какія тѣни! Прелесть, прелесть! Пропасть вкусу!—Это у васъ новыя гардины? помолчавъ спросила Агафья Семеновна, щупая матерію.—Какая толщина!

— Что это! Въ прошломъ году Борисъ Яковлевичъ ихъ выписалъ.

— Зайцевъ пріѣхалъ, много новыхъ товаровъ навезъ..... выборъ порядочный. Галкина купила себѣ на платье да мнѣ не нравится—рисунокъ крупенъ—cela se jette aux yeux!—Ахъ, ma chére, ѣду я вчера отъ обѣдни,—вдругъ вижу летитъ кто-то на парѣ сѣрыхъ; кто-бы вы думали? Евстафьевъ, что прикащикомъ у Суркова былъ!—Онъ его конечно обокралъ, а теперь магазинъ заводитъ. Женился на какой-то купчихѣ, говорятъ — миленькая. — Насмѣшила меня вчера Софи Чайкина! Разсказывала какъ оба брата Ступины засылали къ ея Barbe сваху... «Выбирайте любаго изъ насъ» говорила она,—«мы оба готовы жениться.» Какъ вамъ это нравится? Voilá une rage de se marier! Quels bêtes!... Вы давно у Спаса не были?

— Недѣли двѣ назадъ; въ послѣднюю мою поѣздку въ городъ. А что?

—Видѣли вы, ma chère, новаго дьякона?

— Видѣла, онъ больной бѣдный; мнѣ говорили у него водяная.

— Пустяки! Все отъ пьянства; il boit comme un trou!

— Полноте Агафья Семеновна, онъ капли въ ротъ не беретъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, ma chére, онъ страшный пьяница,—я ужъ знаю. A propos: Архіерей боленъ; вчера обѣдалъ у губернатора да вечеромъ и заболѣлъ,—вѣрно обкушался... — Что это какъ Мѣшалкины дурно кормятъ! Обѣдала я какъ-то у нихъ... что за супъ подали—помои, просто помои! А жаркое до того засушили, какъ картонъ, — такъ голодомъ и уѣхала... и партіи не дождалась... Ахъ, ma chère, знали вы этого безногаго нищаго, что всегда у Спаса сидѣлъ? Умеръ, умеръ бѣдняжка, вчера хоронили.

— Долго онъ боленъ былъ? не поднимая головы, чтобъ что нибудь сказать, спросила Нина Александровна.

— Ну ужъ этого незнаю. (Шамшева помолчяла.)—А къ вамъ кто-то пріѣхалъ...

Нина Александровна торопливо бросилась къ окну и, съ замѣтной радостью, проговорила:

— Ольховцевъ!

Tête-a tête съ Шамшевой кончался.

Агафья Семеновна быстро вскинула на Боярскую свои ястребиные глазки и проговоривъ: «а я пойду къ вамъ въ спальню,ma chére, Богу помолюсь» направилась къ двери.

Въ это время Ольховцевъ входилъ въ столовую и, остановившись среди комнаты, какъ-то съежился, поднялъ указательный палецъ и на цыпочкахъ началъ подходить къ гостинной. Нина Александровна, увидя эти фокусы, разсмѣялась и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте. Николай Александровичъ! Насилу я васъ дождалась. Что вы тутъ телеграфировали?

— Боялся нарушить тишину вашего восхитительнаго tête-a-tête, отвѣчалъ Ольховцевъ, цѣлуя ея руку.—Ну зналъ-бы я что вы обречены были на бесѣду съ этой пряничной формой—раньше-бы пріѣхалъ... Хоть-бы пошкольничалъ.

— Садитесь.

— А сорока-то гдѣ?

— Ой—ой—ой какъ расходился! Точно за роднаго брата заступается!

— Заступаюсь, потому что Багряновъ ни для кого не покривитъ душой, ничьего оброка не задержитъ, въ обиду никого не дастъ,—а посмотрите-ка у другихъ...

— Невѣрьте ему, ma chère, онъ увлекается: у Багрянова и чувствъ-то нѣтъ.

— Ну уже это ата́нде-съ! Что онъ хладнокровенъ и умѣетъ владѣть собой—изъ этого вовсе не слѣдуетъ что-бы онъ былъ чурбаномъ,—изволите ошибаться.

Шамшева насмѣшливо улыбнулась.

— Фразёръ—больше ничего.

— Правда, есть немножко... да кто—же безъ недостатковъ, Агафья Семеновна... Вѣдь и вы любите язычкомъ поработать!

Шамшева съ неудовольствіемъ отвернулась.

— А вотъ что я вамъ хотѣла разсказать, ma chére... (Николай Александровичъ, изъ—за стула Агафьи Семеновны, показалъ рукой какъ вертятъ шарманку; Боярская усмѣхнулась). Прислали сюда какую-то хорошенькую дѣвушку, — она завлекла сына посланника и чуть его необокрала—какова мерзкая! А Шаховъ уменъ очень: взялъ ее въ гувернантки къ своимъ дѣтямъ,—quelle horreur!

— Постойте, постойте почтеннѣйшая Агафья Семеновна, вы изволите жертвовать истиной для украшенія разсказа: не она завлекла, а её надулъ сановитый Донъ-Жуанъ, питьеца эдакова далъ, а когда она осмѣлилась жаловаться—ее и спустили сюда безъ гроша денегъ, въ одномъ платьишкѣ! Шаховъ доброе дѣло сдѣлалъ—вотъ что-съ!

— Это вы изъ «Трущобъ» вычитали? Беросву вспомнили? Эти вещи въ романахъ только и бываютъ.

— Да вѣдь романы-то берутся изъ дѣйствительности; вы думаете такихъ пассажей и не случается?

— Полноте... все фантазія! Да и какимъ-же образомъ могли напоить её? Значитъ она къ нему ходила? А ходила такъ и виновата кругомъ,—жалѣть её нечего.

-- Начать съ того что случаевъ можно изобрѣсти много а если она и ходила къ нему, такъ потому что его любила и вѣрила въ его благородство. Истинную невинность провести легко.

— Она не должна была любить! Порядочной дѣвушкѣ позволительно любить только жениха! замѣтила Шамшева.

— Что-съ? Это что-то мудрено изволите вы росписывать! улыбаясь возразилъ Ольховцевъ.—Вы хотите повелѣвать любовью какъ своей Бибишкой!

— Въ этомъ-то и видны воспитаніе, правила.

— Полноте Агафья Семеновна, вы оттого такъ говорите, что ни васъ никто, ни вы никого не любили; любовь для васъ неразгаданный сфинксъ!.. По вашему: проѣхалъ молодой человѣкъ мимо оконъ дѣвушки разъ, другой, можетъ-быть совершенно и нечаянно, протанцовалъ съ одной два раза кадриль, потому что дамъ было мало,—влюбленъ, кричите вы, сохнетъ!

— А все-таки она мерзкая! тараторила Шамшева.

— За что вы ее браните? Грѣхъ, Агафья Семеновна! жалѣть ее надо...

— Ну ужъ это вы жалѣйте, по вашему, по новому... А по моему она мерзкая и мерзкая!

Николай Александровичъ пожалъ плечами.

— Какъ вамъ угодно... только клеветать-то зачѣмъ?

— Я говорю то что есть, а вы заступаетесь безъ всякаго основанія.

— Нѣтъ съ основаніемъ.

— Да почемъ-же вы знаете? накинулась на него Шамшева.

— Знаю.

— Мой источникъ конечно ужъ вѣрнѣе.

— Не думаю.

— Ну скажите: отъ кого вы знаете? Отъ кого?

— Сорока на хвостѣ принесла!

Агафья Семеновна быстро отвернулась.

— Очень мило! Поговоримте о чемъ-нибудь, ma chère... М-г Ольховцевъ нисколько не мѣняется къ лучшему... — Ахъ какъ я боялась ѣхать къ вамъ, продолжала она помолчавъ; — здѣсь, говорятъ, около васъ медвѣдь ходитъ,— онъ убѣжалъ отъ вожатыхъ съ цѣпью и, вообразите, унесъ съ собою сто рублей!

— Какъ! Медвѣдь?

— Да-да... они зашили деньги въ ошейникъ что-бы ихъ не украли, а онъ съ цѣпью и унесъ.

Ольховцевъ махнулъ рукой и пошелъ къ двери.

— Куда вы? спросила его хозяйка.

— Къ вашему мужу.

Но въ это время Борисъ Яковлевичъ и Баклаевъ показались на порогѣ.

— А, Николай Александрычъ, мое почтеніе! сказалъ Боярскій, протягивая ему свою красную, пухлую руку.

— Здравствуйте, Борисъ Яковличъ; Васинькѣ мой поцѣлуй.

— А я все съ этими скотами вожусь: условія не исполняютъ... Просилъ уже Багрянова пріѣхать, да что-то не видать, и Боярскій харкнулъ на всю комнату.

— И я писалъ къ нему, — сегодня съ работы ушли! и Ольховцевъ началъ передавать ему разговоръ свой со старостой.

Вскорѣ изъ-за рощи послышался колокольчикъ. Всѣ бросились къ окнамъ, и черезъ минуту показался на проспектѣ маленькій тарантасъ, запряженный лихой, вороной тройкой, въ щегольской сбруѣ. Кучеръ, съ окладистой русой бородой, въ красной рубашкѣ и бархатной безрукавкѣ, еле дотрогивался возжами до коренной, которая шла крупной, размашистой рысью. Чрезъ нѣсколько секундъ колокольчикъ смолкъ и лакей, остановившись у двери въ залъ, громко доложилъ:

— Александръ Петровичъ Багряновъ!

Борисъ Яковлевичъ пошелъ къ нему на встрѣчу, а у Нины Александровны, Богъ вѣсть почему, сердце забилось нѣсколько сильнѣе.

III.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, худощавый, съ черными, нѣсколько вьющимися, волосами, съ матовой блѣдностью въ весьма выразительномъ лицѣ, съ быстрыми темнокарими глазами, казавшимися почти черными отъ оттѣнявшихъ ихъ густыхъ, темныхъ рѣсницъ, прямымъ носомъ и большими красиво загнутыми къ верху усами. Платье на немъ было англійскаго покроя, сшитое съ большимъ вкусомъ, но безъ излишней щеголеватости,—бѣлье ослѣпительной бѣлизны. Вообще отъ всей фигуры Багрянова вѣяло какой-то изысканной простотой.

— Александръ Петровичъ, обратился къ нему Боярскій, подводя его ко всему обществу;—позвольте васъ познакомить.... жена моя, двоюродный братъ, остальныхъ вы знаете.

— Charmèe, monsieur, de faire votre connaissance, сказала Боярская, протягивая ему руку;—садитесь пожалуста.

Багряновъ поздоровался съ Шамшевой и Ольховцевымъ и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Баклаевымъ, взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ хозяйки.

— Шляпу-то вашу, батюшка, позвольте, сказалъ Боярскій, — ужъ извините что потревожилъ васъ, а рано вамъ отъ насъ не уѣхать.

— Я сожалѣлъ, Борисъ Яковличъ, что до сихъ поръ, вотъ уже три года какъ я посредникомъ, не было ни одного дѣла въ Сосновцахъ.

— А вы уже три года посредникомъ? спросила хозяйка.

— Три года.

— А прежде служили гдѣ-нибудь?

— Въ гвардіи. Потомъ кончилъ курсъ въ артиллерійской академіи.

— Отчего же вы вышли въ отставку? спросилъ Боярскій.

— По двумъ причинамъ: отецъ умеръ—надо было заняться дѣлами, и потомъ мнѣ показалась слишкомъ пустою жизнь и служба гвардейскаго офицера.

(Баклаевъ поморщился).

— Но вѣдь обязанности посредника очень тяжелы, замѣтила Нина Александровна.

— Незнаю. До сихъ поръ я не думалъ объ этомъ. Служба посредника мнѣ нравится. Сознаешь что все-таки приносишь пользу обществу, трудишься не даромъ.

— Ну да, полторы тысячи получаете, не понявъ ляпнулъ Боярскій.

— Я не въ томъ смыслѣ говорю, возразилъ Багряновъ;— мнѣ пріятно то, что служба наша не безплодна: на насъ лежитъ обязанность примѣнить къ дѣлу великую реформу 19 февраля, развить въ низшемъ классѣ уваженіе къ закону, къ религіи, нравственности, сблизить по возможности разъединившіеся классы землевладѣльцевъ и работниковъ. И когда успѣешь въ чемъ-нибудь, и совѣсть шепнетъ, что сегодняшній день не пропалъ даромъ—это лучшая награда.

— Да; но съ такими негодяями ничего не сдѣлаешь! замѣтилъ Борисъ Яковлевичъ.

— Надо имѣть терпѣніе; намъ выпала тяжелая и завидная доля перевоспитывать народъ, приготовлять изъ него гражданина, развивать зародышъ великой будущности... Мы должны знать, что встрѣтимся лицомъ къ лицу съ упорствомъ, невѣжествомъ, безнравственностью,—но еслибъ не было борьбы, не было-бы и заслуги!

Багряновъ говорилъ хорошо, умно; хотя въ словахъ его и проглядывало иногда желаніе блеснуть фразами, но рѣчь его все таки была увлекательна: отъ нея вѣяло молодостью, честными, горячими убѣжденіями.

— А я все таки удивляюсь вамъ, cher Александръ Петровичъ, вмѣшалась Шамшева;—какъ съ вашимъ состояніемъ хотѣлось вамъ брать на себя подобную обузу!

Едва замѣтная улыбка скользнула по губамъ Багрянова.

— Я считаю это обязанностью всякаго члена общества—служить ему. Каждый изъ насъ, по мѣрѣ возможности и силъ своихъ долженъ трудиться надъ возведеніемъ общественнаго зданія. Старое сломано; кто-же долженъ созидать, новое? Кто долженъ сносить отовсюду нужные для этаго матеріалы?—Я имѣю состояніе, нѣкоторыя свѣденія, желаніе трудиться, наконецъ я одинъ одинешенекъ,—не-ужели-же я могу жить въ свое удовольствіе, быть эгоистомъ, когда кругомъ все бродитъ, когда всюду нужны дѣятели?

Ольховцевъ вскочилъ со стула.

— Зарѣзали! похоронили! возопилъ онъ.

Всѣ взглянули на него.

— Что вы говорите? спросила Боярская.

— Ничего-съ, быстро повернувшись сказалъ Ольховцевъ;—Александръ Петровичъ меня похоронилъ—вотъ что-съ!

— Какъ такъ? спросилъ Багряновъ.

— Да такъ-съ; ваши послѣднія слова — мой приговоръ, приговоръ лежебока.

— Помилуйте, Николай Александрычъ... началъ было Багряновъ.

— Продолжайте продолжайте.... съ нашимъ удовольствіемъ... Я люблю правду и уважаю такихъ людей какъ вы, а все таки дѣятелемъ не сдѣлаюсь, — тоска смертная, да еще ругать станутъ, чортъ ихъ возьми!

— Жена! сказалъ вдругъ, до того времени безмолвно курившій трубку и плевавшій на всѣ стороны, Боярскій. — Позаботься о закускѣ... Александру Петровичу съ дороги, поди, ѣсть хочется.

— О нѣтъ! Покорно благодарю... Десять верстъ это прогулка.

— Ну, а у меня желудокъ вертитъ! замѣтилъ Ольховцевъ.

Нина Александровна позвонила.

— Дайте закуску, сказала она вошедшему лакею.

Боярскій подошелъ къ женѣ и шепнулъ ей на ухо:

— Можно-бы и самой сходить—нечего барыней сидѣть!

Нина Александровна встала и, закраснѣвшись, вышла изъ гостинной. Какое-то неуловимое выраженіе скользнуло по лицу Багрянова. «Скотина!» подумалъ Ольховцевъ.

— А славная у васъ усадьба, Борисъ Яковличъ, началъ Багряновъ, подсаживаясь къ нему.—Какіе хлѣба! Какой всюду порядокъ и чистота!

— Да, таки много посадилъ я въ неё денегъ. Конечно это прихоть въ теперешнее время, но когда есть возможность, отчего-же и не побаловать себя... (Боярскій самодовольно развалился на креслѣ и началъ вертѣть въ рукахъ массивную цѣпочку своихъ часовъ.)—Я васъ послѣ повожу вездѣ.

— Очень буду радъ, сказалъ Багряновъ.

— Какія у меня оранжереи! Увѣренъ что другихъ такихъ-же во всей губерніи нѣтъ.

— Да и Сосновцевъ другихъ нѣтъ, поддакнулъ Баклаевъ;—вѣдь это чудо!

— Когда я началъ хозяйничать, ничего этого не было; хлѣбъ родился плохо, а теперь, спросите-ка: самъ двѣнадцать! А меньше десяти и не бываетъ! Такъ надо было потрудиться, нуженъ былъ капиталъ... За женой вѣдь я ничего не взялъ кромѣ тряпья, сказалъ Боярскій, какъ-будто мимоходомъ,—ну а ходитъ она въ шелкахъ да бархатахъ.

— Да еще закладную на Сосновцы въ десять тысячъ вы ей, братецъ, дали, вмѣшался Баклаевъ;—это не бездѣлица.

— Да, жена моя можетъ благодарить меня, изъ нищеты вытащилъ! Стыдъ сказать: иной день у матушки ея гроша въ домѣ не было! продолжалъ Боярскій.

Багрянову становилось неловко отъ этого циническаго хвастовства.

— А вы въ отпуску, Василій Ивановичъ? обратился онъ къ Баклаеву, чтобы какъ нибудь перемѣнить разговоръ.

— Да-съ, я готовлюсь въ академію генеральнаго штаба.

— Фельдмаршаломъ хочетъ быть, сказалъ Ольховцевъ;—а верхомъ неумѣетъ ѣздить!

— Выучусь, съ неудовольствіемъ возразилъ ему Баклаевъ.

— Нѣтъ, Васинька... молода, въ Саксоніи небыла! Да у васъ и ноги-то колесомъ!

— Вы въ пѣхотѣ? продолжалъ Багряновъ.

— Да-съ. Въ—скомъ полку.

— Хорошій полкъ, я зналъ тамъ много офицеровъ.

Люди внесли закуску. Нина Александровна вошла за ними.

— Хотите водки, Александръ Петровичъ? спросилъ Боярскій.

— Я не пью.

— Ну а мы такъ пройдемся. Николай Александрычъ, пройдемся.?

— Всеконечно,—червь сосетъ.

Они выпили и стали закусывать. Шамшева, заранѣе чавкая, подошла къ столу и начала пробовать всего, что положено было на тарелкахъ, ощипывая въ промежуткахъ небольшой кусокъ хлѣба.

Багряновъ подошелъ къ хозяйкѣ.

— Вы, кажется, скучаете въ деревнѣ?

— Почему вы это думаете?

— Мнѣ показалось.

— Напротивъ. Здѣсь я совершенно счастлива.

— Какое слово вы сказали: совершенно. Это такая рѣдкость услышать его;—я вамъ завидую.

— А вы развѣ скучаете?

— Скучать мнѣ некогда Нина Александровна,—я цѣлый день занятъ.

— Слѣдовательно мы отвлекли васъ отъ вашихъ занятій?

— Это моя обязанность, просто отвѣчалъ Багряновъ.

«Почему—же обязанность? Отчего онъ не отвѣтилъ иначе?» мелькнуло въ головѣ Боярской.

Въ это время къ столу подходилъ сѣдой старичокъ лѣтъ

семидесяти, съ большими усами и бакенбартами, небольшаго роста, съ добрымъ и умнымъ лицомъ, въ черномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, сюртукѣ. Нина Александровна пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте дядя, каково почивали?

— Хорошо моя голубушка... А это кто гость у васъ? Багряновъ всталъ.

— Извините батюшка, безъ очковъ не разгляжу.

— Александръ Петровичъ Багряновъ, нашъ посредникъ, сказала Боярская;—дядя моего мужа Григорій Семенычъ Лишинъ, обратилась она къ Багрянову.

— Очень радъ, очень радъ пріятному случаю познакомиться, сказалъ старичокъ, подавая ему руку и усаживаясь подлѣ него.—Вы прежде въ военной изволили служить?

— Да. Въ —скомъ полку.

— А я такъ вотъ тридцать пять лѣтъ въ отставкѣ. Въ двѣнадцатомъ году у генерала Дохтурова ординарцемъ былъ —это не шутка-съ! и онъ самодовольно прищелкнулъ языкомъ.

— А вы, Григорій Семенычъ, не Султана-ли Турецкаго во снѣ сегодня видѣли? вмѣшался Ольховцевъ, кладя въ ротъ порядочный кусокъ сыра. — Политика — страсть его, обратился онъ къ Багрянову; да вотъ еще Финляндскій походъ,—такъ имъ въ глаза всѣмъ и тычетъ!

— Поди, поди ты сорванецъ, махая рукою, говорилъ старичокъ;—прожуй наперед сыръ-то.

— Прожевать я прожую; а вотъ вамъ такъ ужъ нечѣмъ, душка вы моя, ветеранъ почтеннѣйшій! обнялъ его Ольховцевъ.

— Отвяжись!.. Вася! Дай, братъ, мнѣ хлѣбца съ масломъ... Молодость! обратился онъ къ Багрянову. — Ахъ да! Чуть было позабылъ совсѣмъ,—экая память! Агафья Семеновна, какъ-же это вы изволили мнѣ говорить прошедшій разъ, что въ Казани сгорѣло двѣсти домовъ?

— Да-да... двѣсти.

— Нѣтъ, матушка; ноликъ-то откиньте такъ и то много будетъ,—осемнадцать..

— Съ чего вы это взяли?

— Ужъ вѣрно знаю, коли говорю.

— Да не вѣрнѣе моего.

— Повѣрнѣе: въ газетахъ прочиталъ.

— Ну что-жъ, я не виновата, мнѣ такъ сказали.

— Вамъ солгали. Такъ-то вы во всемъ! Все слушаете да преувеличиваете; — не хорошо-съ! (Онъ терпѣть не могъ Шамшевой и неиначе называлъ ее какъ соборнымъ колоколомъ.)

Агафья Семеновна покраснѣла и, отвернувшись, съѣла разомъ два куска селедки. Баклаевъ тотчасъ-же подвернулся къ Шамшевой и заговорилъ съ ней.

— Ой, егоза—все вертится! проговорилъ Лишинъ.

— Полно, старикъ, воевать! сказалъ ему Борисъ Яковлевичъ (онъ весьма безцеремонно обращался съ дядей; давъ ему пріютъ у себя въ домѣ, Боярскій считалъ себя вправѣ это дѣлать)—Лучше разскажи гостю о финляндской кампаніи,—онъ еще не слыхалъ!

Горькая усмѣшка скользнула по губамъ старика.

— А ты меньше водки пей — вотъ что! Вонъ ужъ четвертую хлопаешь!

Боярскій побагровѣлъ, но промолчалъ.

— Что-жъ обѣдать не даютъ? сорвалъ онъ гнѣвъ свой на женѣ.—Распорядись!

Всѣ притихли. Лишинъ одинъ говорилъ съ Багряновымъ. Для своихъ лѣтъ онъ обладалъ огромною памятью. Онъ много читалъ, и хотя иногда повторялся, но съ нимъ пріятно было провести нѣсколько часовъ. Онъ не отставалъ отъ современнаго, любилъ поговорить о всѣхъ реформахъ и разсуждалъ разумно, дѣльно. Сейчасъ можно было замѣтить, что въ отживавшемъ старикѣ сохранился еще его природный, ясный взглядъ на вещи.—Вѣдь это, батюшка, все дребедень, говорилъ онъ Багрянову; — всѣхъ въ одной ступѣ истолочь! На что они годятся? Этотъ вотъ (показалъ онъ

на Ольховцева) добрый, честный малый,—люблю его, а вѣдь вертопрахъ, небо коптитъ и будетъ коптить. Племянничекъ мой Василій Ивановичъ... вы думаете онъ изъ любви къ наукѣ учится? Вздоръ! Только для аксельбанта, чтобы на груди хорошенько его развѣсить да передъ товарищами пощеголять. А самонадѣянности-то у нихъ у всѣхъ выше головы: обо всемъ толкуютъ, спорятъ, всѣхъ учатъ, — точно ужъ все, что на свѣтѣ есть, проглотили, а проэкзаменовать—выйдетъ пшикъ! Нахватались вершковъ да и бросаютъ пыль въ глаза... Какой-нибудь недоучившійся медицинскій студентъ, который при секціи, можетъ-быть, только голову у трупа держалъ, кричитъ: «я-ли не медикъ!» Армейскій офицеръ, кромѣ штосса, попоекъ да своихъ товарищей ничего не видавшій, кромѣ «Трехъ мушкетеровъ» ничего не читавшій, пріѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, узнаётъ что въ трехпольной системѣ послѣ ржи сѣется яровое и давай провозглашать себя агрономомъ!... Удивительно право какой мы способный народъ! Что другимъ дается усидчивымъ трудомъ—намъ ни почемъ! Окинемъ своимъ орлинымъ взглядомъ и дѣло въ шляпѣ!

— Ну ужъ будто и нѣтъ у насъ людей образованныхъ, способныхъ трудиться? съ усмѣшкою замѣтилъ Багряновъ. —Найдутся.

— Гдѣ они? Укажите мнѣ ихъ! Ихъ нѣтъ! Срамъ сказать: по земству или въ мировые судьи, въ нашей сторонѣ, выбрать некого! Какихъ-нибудь два три человѣка ничего незначатъ; большая часть недоучившіеся Митрофаны, а кто поумнѣе да пообразованнѣе, — или мошенникъ, или кричитъ: «моя хата съ краю,—кусать у меня есть что, — не хочу служить обществу, ну его совсѣмъ! Лишь-бы мнѣ тепло да хорошо было!» Вотъ они, наши дѣятели!—Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, эгоизмъ, наша славянская лѣнь,—вотъ что насъ губитъ!.. Не жду я, батюшка, отъ этихъ реформъ ничего хорошаго... Боже меня сохрани не сочувствовать великой идеѣ... да исполнителей-то у насъ нѣтъ,—нѣтъ у насъ расположенія нетолько къ без-

возмездной но и честной дѣятельности. Гдѣ намъ понять эту идею!... Мы сначала торговаться будемъ: за какую сумму можно служить тамъ-то и тамъ-то, а потомъ если цифра подойдетъ и мы мѣсто примемъ,—станемъ валить дѣло черезъ пень колоду! Уровень-то нашего нравственнаго развитія низокъ, грубы наши нравы, невѣжественны мы! А тутъ вдобавокъ интриги.... Дурака посадятъ, а умнаго по шапкѣ! Какъ дескать Ивановъ напримѣръ, хоть и умный человѣкъ да молокососъ, меня стараго болвана оштрафуетъ! Какъ это можно! Ну и прокатятъ умнаго молокососа на вороныхъ—будьте покойны!

— Дѣлать нечего, Григорій Семенычъ, мы переживаемъ трудное время: переходное. Надо надѣяться что изъ этого броженія выйдетъ-же что нибудь доброе, прочное... Только намъ-то всѣмъ надо дружнѣе браться за дѣло!

— А! какую вы легкую вещь сказали! Въ этомъ-то вся и штука, а мы всѣ въ рознь смотримъ, да еще масла въ огонь подливаютъ эти соборные колокола, прибавилъ старикъ шепотомъ,—они еще больше разъединяютъ общество. Какая нибудь Агафья Семеновна что она пользу приноситъ? Она, батюшка, вредъ дѣлаетъ: обществу—своими сплетнями, своему желудку—обжорствомъ. А хорошихъ женщинъ, какъ напримѣръ Нина Александровна, такъ... и Лишинъ махнулъ рукой.

— Что—же вы не кончили? спросилъ Багряновъ.

— Да чтобъ гусей не раздразнить! выразительно добавилъ онъ;—А она славная женщина!

И Багряновъ почему-то внутренно согласился съ нимъ, что Боярская славная женщина.

— Кушать пожалуйте! доложилъ лакей.

Всѣ поднялись и пошли въ столовую.

Послѣ обѣда все общество отправилось въ садъ. Садъ Бориса Яковлевича, раскинутый на трехъ десятинахъ, спускался двумя террассами къ неширокой и довольно извили-

стой рѣчкѣ. Въ немъ было два большихъ пруда съ островками, много старинныхъ кленовыхъ и липовыхъ аллей, бесѣдки различныхъ фасадовъ и дѣйствительно богатыя оранжереи. Садъ содержался прекрасно: дорожки не простали травой, пруды не заволакивались тиной, всѣ клумбы были подчищены и разгребены.

Въ одной изъ бесѣдокъ сервированъ былъ чай. Туда направились хозяйка съ Лишинымъ и Шамшевой. Борисъ Яковлевичъ, Ольховцевъ и Баклаевъ пошли за Багряновымъ, которому доложили, что мужики уже собраны на красномъ дворѣ и давно дожидаются.

Парило. Воздухъ былъ тяжелъ и удушливъ. Томительная тишина воцарялась повсюду. Птички суетились. Съ запада медленно надвигалась сплошная синяя туча, на которой кой-гдѣ виднѣлись бѣлыя, клочковатыя облачка. Вся даль покрыта была какъ будто синеватымъ дымомъ, въ которомъ ярко бѣлѣли новыя крыши строеній и стѣны церквей. Ближайшія деревья отчетливо вырѣзывались на темномъ фонѣ. Слышались отдаленные, глухіе раскаты грома....

— Нѣтъ, ma chère, какъ вамъ угодно, затрещала Шамшева,—я домой пойду; смертельно боюсь грозы, а она уже приближается.

— Ну пойдемте, сказала Боярская улыбаясь.—Подайте чай въ гостинную, обратилась она къ лакею.

— Отъ Бога не уйдешь Агафья Семеновна, замѣтилъ Лишинъ;—пожили мы съ вами на этомъ свѣтѣ,—будетъ съ насъ.

— Вотъ еще прекрасно,—умирайте, коли хотите, а мнѣ жизнь-то еще не надоѣла! недовольнымъ голосомъ возразила Шамшева.—Вы значитъ не христіанинъ коли не боитесь Божьяго гнѣва.

— Ну ужъ это по каковски—незнаю, матушка, усмѣхнулся старикъ.

— Представьте себѣ, ma chère, затараторила Агафья Семеновна,—былъ у меня знакомый курскій помѣщикъ, который

разсказывалъ про своего сосѣда слѣдующее: грозы онъ небоялся и всегда въ это время глядѣлъ въ окно.... Сверкнула молнія, Шамшева торопливо перекрестилась и, пробормотавъ Святъ, Святъ, почти побѣжала къ дому.

За чаемъ она продолжала:

— Такъ я говорила, ma chère, что сосѣдъ этотъ глядѣлъ въ окно... Разъ какъ-то во время грозы похвастался онъ, что ея не боится, да только что отворилъ окно и выглянулъ, какъ вдругъ раздался страшный ударъ и этотъ господинъ мертвый упалъ на полъ. Да-да, ma chère, и не вздохнулъ. Нѣтъ, надо бояться, надо....

Вошли Багряновъ и Ольховцевъ.

— Ну, Александръ Петровичъ, славно! я первый разъ присутствовалъ при разборѣ, и могу сказать: лихо вы управляетесь. Удивляюсь вашему хладнокровію: мужикъ грубитъ, а вы его преспокойно отправляете подъ арестъ... признаюсь, я-бы не выдержалъ, сейчасъ-бы трахъ по зубамъ!

Багряновъ улыбнулся.

— Вы развѣ кончили? спросила Боярская; — такъ скоро?

— Кончили. Вашъ мужъ о чемъ-то еще разговариваетъ съ крестьянами. Я очень радъ что могъ покончить это дѣло къ удовольствію обѣихъ сторонъ и успокоить Бориса Яковлевича. Вы не повѣрите, Нина Александровна, какъ щекотливо бываетъ иногда положеніе посредника, и Багряновъ заговорилъ о характерѣ русскаго народа, о его привычкахъ, вѣрованіяхъ и, хотя нѣсколько пространно, но дѣльно заговорилъ. Боярская и Лишинъ съ видимымъ удовольствіемъ слушали его блестящую, горячую рѣчь. Даже Агафья Себеновна примолкла и насторожила уши. Одинъ Ольховцевъ могъ вѣсть о чемъ думалъ, — должно было о своихъ тетеревахъ.

— Никто изъ насъ закона знать не хочетъ, такъ кончилъ Багряновъ; — мы привыкли къ произволу, сроднились съ нимъ... Человѣка, идущаго прямымъ путемъ, строго исполняющаго свои обязанности, у насъ не любятъ! Намъ подавай такого, который-бы при случаѣ и уважить могъ. Рѣшить посред-

никъ дѣло въ пользу мужика — помѣщикъ въ претензіи... все мужикамъ потакаетъ! Рѣшитъ въ пользу помѣщика — мужикъ не доволенъ: самъ баринъ, на барскую руку и тянетъ!

— Совершенно вѣрно! замѣтилъ Лишинъ.—Трудно снискать довѣріе въ нынѣшнее время.

— А оброки? продолжалъ Багряновъ;—говорятъ: посредникъ ничего не дѣлаетъ, мужики оброка не платятъ; да откуда-же взять, когда, положимъ, они раззорены; у другихъ и коровы-то нѣтъ, продавать нечего. Конечно бываетъ это и отъ пьянства, но есть и такіе, что подняться не могутъ отъ какого-нибудь непредвидѣннаго случая; вѣдь продавать у эдакаго сердце не повернется—все равно что по міру пустить!

— Ну Александръ Петровичъ, перебила его Шамшева (она уже сердилась на Багрянова за то, что онъ не даетъ ей говорить);—тутъ сердце-то надо въ сторону; сказано въ законѣ: плати оброкъ—ну и плати. А одному сдѣлаешь снисхожденіе—и другіе за нимъ пойдутъ. Ces gens-là n'apprécient rien!

— Да и то часто приходится, Агафья Семеновна, сдерживать свои порывы, дѣйствовать не по своимъ убѣжденіямъ, а какъ законъ велитъ!—Я вижу здѣсь рояль, обратился Багряновъ къ хозяйкѣ;—вы музыкантша, Нина Александровна?

— Плохая, Александръ Петровичъ; по недѣлямъ неподхожу къ рояли. Вотъ Николай Александровичъ развѣ споетъ намъ что-нибудь.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Ольховцевъ и сталъ выбирать ноты.

Багряновъ подошелъ къ окну. Небо потемнѣло; отъ времени до времени блѣдноватая молнія раздирала облака и крупныя дождевыя капли, съ сухимъ звукомъ, падали на дрожавшую листву деревъ. Гроза проходила.

Ольховцевъ началъ пѣть.

Багряновъ подошелъ къ рояли и сталъ противъ Боярской. Его темные, блестящіе глаза упорно глядѣли на Нину Алек-

сандровну; было мгновеніе, когда взгляды ихъ встрѣтились. Ольховцевъ кончилъ.

— Благодарю васъ, батюшка, сказалъ, входя съ Баклаевымъ Борисъ Яковлевичъ, и протянулъ руку Багрянову,— что развязали меня съ этими скотами... Надо правду сказать, славно вы ихъ держите. Одному удивляюсь: много вы съ ними говорите... не стоятъ они этого, да половины и не поймутъ.. А славно, славно!

— Не даромъ-же Александръ Петровичъ, считается у насъ лучшимъ посредникомъ! съ заискивающей улыбкой ввернулъ Баклаевъ.

— Очень радъ, Борисъ Яковличъ, что успѣлъ убѣдить ихъ; пожалуста впередъ, если понадобится, присылайте за мной безъ церемоніи.

— Я надѣюсь, вмѣшалась Боярская, слегка покраснѣвъ,— М-г Багряновъ не ограничитъ своего знакомства съ нами сегодняшнимъ визитомъ?

— Да-да, подхватилъ Борисъ Яковлевичъ;—мимо случится ѣхать—заѣзжайте.

Багряновъ поклонился.

— Сегодняшній день мнѣ особенно пріятенъ,—онъ напомнилъ мнѣ то время, когда я былъ еще молодъ.

Люди внесли десертъ и полчаса спустя Багряновъ съ Ольховцевымъ уѣхали вмѣстѣ въ усадьбу послѣдняго.

Агафья Семеновна дождалась ужина, пожевала и пощипала всего что подавали и, сказавъ какую-то злость про Багрянова, укатила на своей парочкѣ въ городъ.

Лишинъ ложась спать и развернувъ газету, долго думалъ о посредникѣ; онъ ему нравился. «Умный, честный человѣкъ» вертѣлось у него въ головѣ—«Побольше-бы такихъ!»

Боярскій, выпивъ тайкомъ отъ жены порядочную рюмку водки и разругавъ лакея за то, что она не шестидесяти градусная, подумалъ: «Багряновъ—человѣкъ богатый, нужный, да и дѣло знаетъ,—надо съ нимъ сблизиться.»

А Нина Александровна, надѣвъ пеньюаръ и взявъ французскую книгу, сѣла къ открытому окну; но ей не читалось. Голова ея горѣла, частые вздохи приподнимали ея грудь. Пристально глядя въ темную даль, она казалось о чемъ-то думала.

IV.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ продолженіи этого времени Багряновъ раза три побывалъ въ Сосновцахъ. Онъ постоянно находилъ предлогъ проѣзжать въ свой участокъ мимо усадьбы Боярскихъ и проводилъ тамъ часа по три и болѣе. Съ Ниной Александровной онъ сближался незамѣтно; разговоръ ихъ уже потерялъ свою церемонную натянутость; въ словахъ ихъ начинала проглядывать откровенность.

Разъ какъ-то вечеромъ Багряновъ заѣхалъ въ Сосновцы; Бориса Яковлевича не было дома—онъ съ утра уѣхалъ въ городъ; Нина Александровна была въ саду. Багряновъ пошелъ туда и встрѣтилъ её въ липовой аллеѣ.

— А вы читаете? спросилъ онъ, увидя въ рукахъ ея книгу.—Въ такой вечеръ грѣшно читать, Нина Александровна.

— Что-же прикажете дѣлать? смѣясь спросила Боярская.—Не мечтать-же? Да кстати я и не умѣю.

— Почему-же нѣтъ?

— Потому что это удѣлъ молоденькихъ дѣвушекъ, а я уже пять лѣтъ за мужемъ.

— Это-то и доказываетъ что вы молоды,—нарочно себя старѣете.

Боярская подала ему книгу.

— Посмотрите!

— Боже мой, что я вижу—Гейне! Ну, не ожидалъ я найти его въ вашихъ рукахъ.

— Почему-же?

— Да такъ; мнѣ казалось почему-то, что вы не любите поэзіи.

Нина Александровна улыбнулась.

— Вотъ и ошиблись.

— Онъ вамъ нравится?

Боярская утвердительно кивнула головой.

— Мнѣ нравится въ немъ эта раздражительность, горькая насмѣшка надъ чувствами и вмѣстѣ глубина ихъ....

Разговоръ завязался. Багряновъ заговорилъ о Гейне, о поэзіи, о женщинѣ,—наконецъ коснулся любви.

— Любовь незнаетъ ни мѣста, ни времени, ни препятствій, сказалъ онъ. — Закравшись въ сердце, она, какъ деспотъ, царитъ въ немъ безраздѣльно и трудно избавиться ея хотя и сладкаго, но тяжелаго гнёта. Вліяніе ея неизмѣримо; подъ ея владычествомъ человѣкъ перерождается: мѣняются взгляды, убѣжденія, характеръ. То, что вчера казалось ему чернымъ—завтра покажется бѣлымъ. Напрасно говорятъ нѣкоторые esprits-forts, что это воображеніе, что когда угодно можно стряхнуть съ себя это праздничное одѣяніе—нѣтъ! Любовь исчезаетъ такъ-же какъ и является; не по нашему приказанію, но по своему произволу, не ожиданно, тайно...

— Вы говорите Александръ Петровичъ, робко перебила его Боярская,—что любовь не знаетъ препятствій? Однако сколько видимъ мы примѣровъ, что любовь, даже сильная, разбивается о нихъ и исчезаетъ.

— Тогда это не любовь, а капризъ доведенный до экзальтаціи; ошибкой принимаютъ его за любовь. Истинная любовь мужаетъ въ борьбѣ съ обстоятельствами; она не разбивается о препятствія, а крѣпнетъ отъ столкновенія съ ними....

— Но вѣдь есть-же такія препятствія, которыхъ преодолѣть нельзя....

— Какія это, позвольте узнать? съ едва замѣтной ироніей, спросилъ Багряновъ.

— Ну напримѣръ.... любовь къ замужней женщинѣ, покраснѣвъ отвѣчала Боярская.

Багряновъ быстро взглянулъ на неё.

— Это препятствіе, согласенъ, но преодолимое.

— Какъ? удивленно спросила Нина Александровна.

— Да такъ; жена оставляетъ мужа и идетъ къ человѣку, котораго любитъ,—очень просто.

— Нѣтъ, я не согласна съ вами. Этимъ поступкомъ женщина кладетъ на себя пятно, разрушаетъ семейное счастіе своего мужа.

Багряновъ улыбнулся.

— Семейное счастіе?.. Да гдѣ-же оно, когда жена любитъ другаго? Мужъ слѣдовательно въ сторонѣ... А что касается пятна, такъ развѣ оно будетъ меньше если жена будетъ любить втихомолку другаго и обманывать мужа? Правда, тутъ есть маленькая разница: свѣтъ преслѣдуетъ только явное, а до скрытаго, будь оно во сто разъ хуже, ему и дѣла нѣтъ,—лишь-бы только sauver les apparences!

— Если въ женщинѣ пробуждается подобная любовь—это несчастіе! Она должна употребить всѣ свои силы на то, чтобы это чувство въ ней вымерло...

— Мудрено, Нина Александровна! замѣтилъ Багряновъ съ своей неизмѣнной улыбкой; — силъ не достанетъ! Много есть такихъ мелочей, съ которыми бороться трудно. Параллель между двумя личностями, поведеніе одного и поведеніе другаго, равнодушіе и любовь, прозябаніе и жизнь, нравственныя мученія и тихое счастіе,—поколеблешься въ выборѣ!

— Но вы забыли одно, Александръ Петровичъ: стыдъ и покойная совѣсть!

— Такъ; но женщинѣ не вынести этой борьбы, она падетъ подъ ея тяжестью какъ цвѣтокъ, подточенный червемъ, склоняется на своемъ хворомъ стеблѣ.

Глубоко западали слова Багрянова; сомнѣніе, какъ змѣя, вползало въ душу Нины Александровны. Ее и пугалъ и привлекалъ образъ его мыслей.

— Любовь безъ жертвъ—не любовь, продолжалъ Багряновъ.—Нерѣшительный мужчина пусть лучше не становится на эту дорогу, пусть лучше не любитъ! Онъ уподобит-

ся актеру, освистанному въ концѣ роли. И въ самомъ дѣлѣ: можетъ-ли женщина уважать и любить человѣка неспособнаго на самопожертвованіе?

— Да можетъ-быть она жертвъ и не требуетъ?

— Все-таки неспособность эта — малодушіе; малодушіе оскорбляетъ женщину; а подобныхъ оскорбленій она незабываетъ!

— Пойдемте-ка домой, чай пить,—становится сыро, сказала Боярская.

Багряновъ сорвалъ вѣтку и, вертя ею по воздуху, пошелъ рядомъ съ Ниной Александровной.

— Я припомнилъ... мы говорили о препятствіяхъ... Вы отчасти правы: есть препятствіе, которое устранить почти нельзя, которое даже и рѣшительный человѣкъ преодолѣть не сможетъ.

— Какое это?

— Если любовь нераздѣляется. Если въ одномъ сердцѣ бьется страсть пылкая, глубокая, а въ другомъ — обыкновенный пульсъ; если у одного на губахъ слова любви, а у другой насмѣшка... Тогда... о, тогда остается одно: сжать покрѣпче въ тиски свое глупое сердце, скрыть хорошенько отъ всѣхъ свое горе, чтобы не смѣялись, потому что подобное положеніе дѣйствительно и жалко и смѣшно!

Боярская ничего не отвѣтила.

«Къ чему онъ это говоритъ?» подумала она.

Багряновъ повертѣлъ вѣткой и съ пренебреженіемъ бросилъ её на дорожку.

Въ домѣ нашли они Григорія Семеновича и Баклаева. Старикъ по обыкновенію читалъ газеты, а Баклаевъ зашивалъ фонъ въ пяльцахъ Нины Александровны. Лишинъ очень обрадовался приходу Багрянова.

— Что, гуляли? привѣтливо спросилъ онъ его.

— И гуляли и спорили, улыбаясь отвѣчалъ Багряновъ.

— Съ племянницей? О чемъ-же?

— Объ интересномъ предметѣ: о любви.

Боярская вышла.

Баклаевъ поднялъ голову отъ пялецъ и сталъ вслушиваться.

— Я говорилъ о разницѣ, которая существуетъ между истинною любовью и капризомъ....

— Такъ вы допускаете сусществованіе истинной любви? вмѣшался Баклаевъ.

Багряновъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— А то какъ-же?

— По моему, въ томъ смыслѣ какъ вы понимаете любовь,—ея нѣтъ, а есть такая-же какъ и во всей природѣ.

— Слѣдовательно вамъ не угодно сдѣлать различія между человѣкомъ и животнымъ? насмѣшливо спросилъ Багряновъ.

— И не для чего; человѣкъ только высшая степень животнаго.

— Чѣмъ же онъ выше?

— Тѣмъ что имѣетъ разсудокъ.

— А духовная сторона, а сердце?

— Ну пожалуй и сердце.

— А если у него есть сердце, такъ онъ долженъ чувствовать, а если чувствуетъ, долженъ любить сердцемъ.

— Съ этимъ я не согласенъ. Когда мы любимъ, въ насъ говоритъ сначала самолюбіе, а потомъ кровь разгарается. Вѣдь все на свѣтѣ стремится къ одному, все на одномъ вертится.

— На чемъ это, позвольте узнать?

— На желаніи обладать женщиной.

— А! Такъ вы матерьялистъ, Василій Иванычъ! Вы не хотите допустить духовной стороны въ человѣкѣ, вы думаете что люди любятъ только какъ животныя,—ошибаетесь! А по моему: человѣкъ, у котораго нѣтъ сердца, хуже животнаго—это деревяшка!

Баклаевъ покраснѣлъ.

— Вы меня не поняли, Александръ Петровичъ, началъ онъ вывертываться,—я говорилъ, что этимъ кончается всякая любовь.

— Неправда-съ! холодно возразилъ Багряновъ;—вы прямо отвергли существованіе любви. Не объ окончаніи ея вы говорили.. По вашему любовь зарождается не въ сердцѣ, она не есть влеченіе одной души къ другой, сліяніе двухъ жизней, двухъ существованій во-едино, а просто... (грустно подумать!) стремленіе одного пола къ другому! — Извините мой нескромный вопросъ: сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать первый... Только я не понимаю къ чему тутъ мои года?

— А вотъ къ чему-съ: оно конечно непріятно встрѣтить въ молодомъ человѣкѣ вашихъ лѣтъ такія воззрѣнія, но вѣдь черезъ годъ черезъ два они уступятъ мѣсто другимъ, лучшимъ и болѣе серіознымъ; это доказываетъ только то, что вы еще не установились, на васъ отражается чуждое вліяніе.

— Совершено справедливо! вмѣшался Лишинъ.—Разбитъ, братъ, ты на всѣхъ пунктахъ! Наслушался разной чепухи да и давай все отрицать; а влюбись-ка, такъ мы тогда и увидимъ.

— Я никогда не откажусь отъ своихъ словъ!

Багряновъ улыбнулся и замолчалъ; — ёму надоѣло спорить. Вошла Боярская и стала разливать чай; разговоръ сдѣлался общимъ.

Послѣ чая всѣ перешли въ гостинную. Пріѣхалъ Ольховцевъ, но не веселый какъ обыкновенно, а задумчивый и какъ-будто чѣмъ-то взволнованный. Онъ все молчалъ и барабанилъ пальцами по ручкѣ креселъ. Лишинъ и Баклаевъ читали газеты. Нина Александровна сѣла за пяльцы, но работала лѣниво; часто останавливаясь, она глядѣла въ окно и казалось о чемъ-то думала. Одинъ Багряновъ старался поддерживать разговоръ да и то неохотно. Такъ прошло съ часъ времени довольно монотонно.

Наконецъ Багряновъ коснулся положенія дѣвушки. Очертивъ довольно рельефно ея воспитаніе, образъ мыслей, жизнь,—онъ сказалъ:

— Мнѣ всегда смѣшно когда дѣвушки, выходящія замужъ по склонности, говорятъ что приносятъ жертву.

— Конечно, отвѣчала Боярская,—а то какъ-же?

— Гм... Позвольте узнать, въ чемъ-же заключается эта жертва?

— Дѣвушка жертвуетъ своею молодостью, своей свободой.

— Полноте... Она очень хорошо знаетъ, что назначеніе ея выйти за-мужъ, ей съ дѣтства вбили это въ голову и, боясь остаться старой дѣвой (а боязнь эта, которой я признаюсь не понимаю, благодаря воспитанію крѣпко въ ней укоренилась), она съ радостью встрѣчаетъ жениха, если только онъ ей нравится и подходитъ подъ извѣстныя условія, и идетъ за-мужъ при аплодисментахъ мамаши, тётенекъ и прочихъ родныхъ, безъ всякой борьбы, безъ всякихъ пожертвованій.

— Однако вѣдь она дѣлается подвластною мужу, мѣняетъ свободу на зависимость?

— Нѣтъ. Она мѣняетъ только опекуна: власть матери, тетки или какой нибудь благодѣтельницы, переходитъ въ руки мужа—вотъ и все.

— Ну какой мужъ попадется; вмѣшался Ольховцевъ;— выходя за негодяя, дѣвушка пожалуй жертвуетъ многимъ.

— Не выходи.

— Да онъ потомъ такимъ окажется.

— Бываютъ конечно исключенія, но вѣдь за то случается намъ видѣть и то, что рады вырваться изъ-подъ гнёта мачихи, тётки и даже матери. Жертвовать можно только тѣмъ, къ чему привязанъ; а развѣ дѣвушка привязана къ своей свободѣ? Ни-чуть.

— Такъ что-же вы называете жертвой? спросила Боярская.

— А вотъ что: если женщина изъ любви къ мужчинѣ рискуетъ своимъ добрымъ именемъ, спокойствіемъ, состоя-

ніемъ, рѣшается вступить въ борьбу съ свѣтской злостью, бросаетъ для одного человѣка семейство, связи, общество,— это жертва, эта женщина любитъ!

— Вы однако многаго требуете отъ женщины!

— Да потому что, говоря это, я самъ готовъ на пожертвованія.

— Но развѣ не можетъ быть любви тихой, безъ борьбы, безъ жертвъ?

— Можетъ быть, но это по моему стоячая вода.

— Стоячая вода постоянна, а бури скоро проходятъ!

— Но въ стоячей водѣ заводятся тина и насѣкомыя... Послѣ бури-же вода хоть и покойна, но чиста и прозрачна какъ хрусталь!

— Вы мастеръ на сравненія.

— А вы прекрасно поддерживаете споръ.

— Николай Александрычъ, что вы молчите? Сядьте поближе да поговорите съ нами.

Ольховцевъ придвинулъ кресло.

— Мнѣ что-то нездоровится, Нина Александровна.

Дѣйствительно ему было не по себѣ. Онъ давно любилъ Боярскую и она къ нему благоволила. Знакомство съ Багряновымъ отодвинуло его на второй планъ. Хотя Нина Александровна въ это время ни на волосъ не измѣнилась въ обращеніи съ нимъ, но онъ ясно видѣлъ, что онъ предпочтенъ—и ему было тяжело. Заговорило-ли въ немъ самолюбіе, шевельнулась-ли въ его сердцѣ ревность, инстинктомъ-ли влюбленнаго угадалъ онъ что-то для себя недоброе, но только онъ страдалъ, на сколько позволялъ его безпечный характеръ.

Ольховцевъ мало по малу разговорился. Онъ не могъ долго предаваться какой-нибудь серіозной думѣ. Врожденная веселость взяла верхъ, анекдоты, шутки, прибаутки послушно явились на его зовъ, смѣхъ чаще и чаще раздавался между слушателями.

Наконецъ Багряновъ уѣхалъ. Боярская предложила прогулку; Баклаевъ отказался,—ему хотѣлось дочитать пере-

довую статью. Ольховцевъ одинъ вызвался сопутствовать Нинѣ Александровнѣ.

— Что вы сегодня не веселы? спросила она его, когда они спустились съ крыльца.

— А вы думаете, Нина Александровна, что я способенъ только на одно скоморошничанье? Что меня даже и грусть пробрать не можетъ? раздражительно отвѣчалъ Ольховцевъ.

— Да я ничего не думаю. Просто интересовалась вами.... Если это васъ сердитъ—простите.

Ольховцевъ задумался. Они молча дошли до хмѣлевой бесѣдки.

— Сядемте здѣсь, Нина Александровна.

— Пожалуй.

Они сѣли.

— Вотъ неожидалъ я, чтобы у меня могли раздражаться нервы, началъ Ольховцевъ послѣ небольшой паузы;—я думалъ: они у меня веревки,—удивительная чувствительность! и онъ искоса взглянулъ на Боярскую.

— Нѣтъ, чортъ возьми, худо быть весельчакомъ. Всѣ думаютъ что въ немъ и души-то нѣтъ, что и чувствовать-то онъ неможетъ,—однимъ словомъ что онъ какая-то деревяшка!

— Послушайте, замѣтила ему Боярская,—я первый разъ вижу васъ въ подобномъ настроеніи; не больны-ли вы?

— Ну вотъ (развелъ руками Николай Александровичъ),—женщинѣ говоришь одно, а она свертываетъ на другое! — Да-съ, я боленъ,—я на краю гроба!

Боярская засмѣялась.

— Пожалуста не умирайте здѣсь.

— А! Вы боитесь мертваго тѣла? Боитесь что васъ притянутъ къ допросу. А васъ-бы слѣдовало!

— Это за что?

— А за то что вы—причина! Вы моя болѣзнь, и болѣзнь неизличимая.

— Вы, кажется, заговорились...

— Нисколько.,.. Вы—моя чахотка,—что-же мнѣ дѣлать!

— Ну полноте, Николай Александрычъ, какой вы вздоръ говорите.

— Вы думаете?

— Еще-бы.

— Ну такъ вы ошиблись.... Я говорю сущую правду.

— То есть что я—ваша чахотка?

— Именно.

— Что за пустяки! смѣясь замѣтила Боярская;—ну какъ-же не сказать, что вы все скоморошничаете...

— А такъ-же... не говорить, а понять.

— Не понимаю.

— Эхъ Нина Александровна! и, махнувъ рукою Ольховцевъ вздохнулъ; — Неужто вы не видите... что я преданъ вамъ какъ собака.... что я васъ.... ну люблю наконецъ!

— Это шутка, я надѣюсь? вспыхнувъ спросила Боярская и выпрямилась.

— Такъ я и зналъ! съ горькой усмѣшкой воскликнулъ Ольховцевъ.—Тутъ у человѣка душу вертитъ, а говорятъ что шутитъ! Эхъ, чортъ возьми! (и онъ судорожно сжалъ кулаки.)

— Говорите повѣжливѣе... Нельзя-ли безъ чорта...

— Насмѣшка и насмѣшка! Неужели я заслужилъ только это?.. Жаль, очень жаль, что я не посредникъ! уже злобно добавилъ Ольховцевъ.

— Это еще что? вспыхнувъ и вставъ съ скамейки, спросила Боярская.

— Ничего-съ. Это-то, что посредниковъ вы больше любите!

— Да вы кажется начинаете дерзости говорить, М-г Ольховцевъ!

— Я говорю правду, Нина Александровна; М-г Багряновъ увлекъ васъ своей трескотней, своимъ фразерствомъ, Онъ сознавалъ что портитъ дѣло, но не могъ удержаться,—ревность ослѣпила его.

— Прежде однако вы не такъ рѣзко о немъ отзывались! насмѣшливо замѣтила ему Боярская.

— Я говорилъ о его служебной дѣятельности, и теперь повторю то-же самое.

— Почему-же прежде вы не называли его фразёромъ?

— Я всегда говорилъ, что онъ любить язычкомъ поработать, а теперь, узнавъ его ближе, убѣдился что онъ фразёръ и фразёръ капитальный.

— Ну и я прежде лучшаго была о васъ мнѣнія!

Ольховцевъ поклонился.

— Чувствительнѣйше благодарю!

— Не за что,—сами на это напросились... Однако я покорнѣйше прошу васъ, продолжала Боярская съ нѣкоторою уже строгостію, — не возобновлять этого разговора; онъ и не уменъ и не совсѣмъ приличенъ! и Нина Александровна вышла изъ бѣсѣдки.

Ольховцевъ постоялъ, встряхнулъ волосами и, махнувъ рукой, проговорилъ:

— Ну чортъ задралъ... въ трубу такъ въ трубу!.. Э-ээхъ!

И скорыми шагами онъ пошелъ въ конюшню велѣть закладывать лошадь.

V.

Багряновъ началъ чаще и чаще являться въ Сосновцы. Боярскій съ удовольствіемъ встрѣчалъ его: онъ любилъ, когда ему оказывали вниманіе. Багряновъ терпѣливо выслушивалъ его хвастливые разсказы, хвалилъ то что нравилось хозяину и избѣгалъ всякихъ споровъ. Съ Григоріемъ Семеновичемъ онъ сошелся искренно; прямая открытая натура старика невольно привлекала къ себѣ, да и съ нимъ было о чемъ поговорить. Съ однимъ только Баклаевымъ Багряновъ находился въ какихъ-то натянутыхъ отношеніяхъ; онъ не могъ переварить его заискивающей, сладкой

манеры въ обращеніи, его неустановившихся понятій. Баклаевъ въ свою очередь какъ будто избѣгалъ Багрянова, а когда случалось имъ бывать вмѣстѣ, разговоры ихъ обыкновенно кончались спорами.

Нина Александровна какъ-будто перерождалась. Свѣтлѣй стояла передъ нею жизнь; словно изъ мрачнаго, душнаго подземелья невидимая рука вывела её на свѣтъ Божій; свѣжимъ здоровымъ воздухомъ пахнуло на неё. Не молоденькой дѣвушкой встрѣчала она это обновленіе, не небрежной рукой открывала она эти свѣтлыя страницы великой книги жизни... Безъ оглядки выходила она изъ того тѣснаго круга, въ который была поставлена и безотчетно стремилась туда, куда манили её какіе-то дивные образы, какая-то невѣдомая жажда великихъ ощущеній...

Не какъ свѣтская женщина болтала она съ Багряновымъ; не салоннымъ краснорѣчіемъ дышали ихъ разговоры. Нина Александровна жадно внимала его пылкимъ рѣчамъ, сочувствовала его убѣжденіямъ, увлекалась его взглядами. Слова Багрянова, какъ свѣтлые, мягкіе лучи лились ей въ сердце и согрѣвали его. Она чувствовала надъ собой его вліяніе и не желала отъ него освободиться. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она Багрянова, съ какимъ, невѣдомымъ ей дотолѣ, волненіемъ вслушивалась она въ его разсказы, вглядывалась въ его блѣдное, нѣсколько взволнованное лицо!., Легка казалась ей тогда жизнь, что-то свѣтлое загоралось для нея впереди и свободнымъ вздохомъ облегчалась ея грудь, переполненная новыми, сладкими ощущеніями....

Однажды послѣ обѣда Нина Александровна сидѣла съ Багряновымъ въ гостинной. Она вышивала, а Багряновъ перелистывалъ Иллюстрацію; Борисъ Яковлевичъ съ Лишинымъ пошли вздремнуть, а Баклаевъ былъ въ полѣ.

— Посмотрите, Нина Александровна, какъ хороша эта группа влюбленныхъ, сказалъ Багряновъ, подавая ей книгу.— Сколько нѣги, довѣрія въ глазахъ дѣвушки, и какъ дышетъ любовью все лицо этого счастливца!

— Д-да... Въ этомъ журналѣ много хорошенькихъ политипажей.

Она говорила неохотно и казалась утомлена.

— Вы на зиму переѣдете въ городъ? спросила Боярская, помолчавъ.

— Не думаю.

— Отъ чего-же?

— Да что тамъ дѣлать?... Сплетни слушать?

— Но вы соскучитесь въ деревнѣ,—васъ снѣгомъ занесетъ!

— Разгребутъ... Возможно-ли чтобы посредника занесло снѣгомъ! возразилъ онъ смѣясь.—А соскучиться я не соскучусь,—дѣла много... не замѣтишь какъ и зима пройдетъ.

— Однако вы не совсѣмъ-же закупоритесь въ вашей усадьбѣ?

— Нѣтъ; мнѣ придется пріѣзжать по крайней мѣрѣ раза два въ мѣсяцъ.

— Кажется, поѣздки эти не совсѣмъ будутъ вамъ пріятны?

— Почему вы это думаете?

— Вы очень любите деревню.

— Люблю.

— Неужто и тогда, когда вы жили въ Петербургѣ, васъ привлекала деревня.?

— Да, но не такъ какъ теперь... въ нынѣшнее лѣто...

Разговоръ прекратился. Боярская взялась за работу, а Багряновъ за Иллюстрацію.

— Случалось-ли вамъ, Нина Александровна, заговорилъ онъ, опустивъ книгу на колѣни, — пристально глядѣть съ моста внизъ на движущуюся подъ вами воду?

— Случалось, отвѣтила Боярская.

— Замѣтили-ли вы, что не смотря на ужасающую глубь этой темной бездны, въ ней есть что-то такое притягивающее,—такъ-бы вотъ въ нёе и кинулся?

— Нѣтъ, медленно возразила Боярская,—не замѣтила.

— Молодая, красивая, но холодная женщина походитъ

на эту бездну; она такъ-же привлекаетъ, такъ-же манитъ къ себѣ, но не дай Богъ ей ввѣриться—погибнешь!

Нина Александровна ничего не отвѣтила.

«Что это значитъ?» подумала она.

Багряновъ взялъ книгу и началъ её перелистывать.

Въ тотъ-же день вечеромъ Багряновъ, просидѣвъ съ Боярскимъ нѣсколько времени въ кабинетѣ, пошелъ отыскивать Нину Александровну. Онъ нашелъ её въ бесѣдкѣ, съ работою въ рукахъ.

— Что это вы уединились? спросилъ онъ её.

— Такъ! сказала Боярская и положила свое вязанье на скамейку.

Они помолчали.

— Вы какъ будто печальны... не случилось-ли чего нибудь? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Нѣтъ... А почему вы это предполагаете?

Багряновъ не тотчасъ отвѣтилъ.

— Я надѣюсь, Нина Александровна, васъ не оскорбятъ мои слова... но скрывать нечего—ваша жизнь не завидна!

Боярская вспыхнула и ничего не отвѣтила.

— Не обижайтесь.... убѣдительнѣйше прошу васъ. Вѣрьте что только одно участіе, одно искреннее участіе (на этихъ словахъ онъ сдѣлалъ особенное удареніе) могло застатить меня говорить такимъ образомъ... Вѣдь я ясно вижу, что кругъ, въ которомъ вы вращаетесь, не вашъ, что вы сознаете свое положеніе и скорбите втихомолку.

— Что-же дѣлать, Александръ Петровичъ! Дѣйствительно, бываетъ иногда тяжело... но я привыкла...

— Вы привыкли... А каково вамъ было привыкать, каково вамъ и теперь?

Боярская промолчала.

— Что вы взяли отъ жизни? послѣ небольшой паузы продолжалъ Багряновъ;—чѣмъ вспомянете свою молодость?.. Подарила-ли она васъ хоть единымъ счастливымъ мгновеніемъ?

Озарилъ-ли хотя на мигъ, непробудный мракъ прожитыхъ вами лѣтъ, золотой лучъ любви, содрогнулась-ли когда-нибудь душа ваша отъ избытка блаженства? Нѣтъ!...—Вы говорите... вы привыкли къ вашему положенію,—обманываетесь, Нина Александровна! Посмотрите кругомъ: и этотъ георгинъ и эта муха, букашка, муравей—все хочетъ жить, все ищетъ свѣта и тепла! Лишите любое растеніе этихъ двухъ источниковъ жизни — и оно поблекнетъ, замретъ! А вы говорите: привыкли!

Багряновъ прошелся по бесѣдкѣ.

— Александръ Петровичъ! промолвила Боярская.

— Что прикажете?

— Скажите... пожалуста... что вы хотѣли сказать... тѣмъ сравненіемъ... помните?

— Какимъ?

— Воды съ холодной женщиной.

Багряновъ остановился передъ Боярской.

— Вамъ вѣроятно не понравилась горечь въ моемъ сравненіи?

Она утвердительно кивнула головой.

Багряновъ помолчалъ немного.

— То, что я вамъ сказалъ тогда, можетъ быть примѣнено къ теперешнему моему положенію... Я встрѣтился съ женщиной, которая такъ-же какъ водная пропасть притягиваетъ меня къ себѣ, и я не имѣю на столько силы, что-бы бороться съ нею, хотя вижу что это моя погибель, что эта женщина такъ-же холодна, такъ-же равнодушна какъ эта бездна! Остается одно: пожалѣть меня!

Боярская вспыхнула.

— Если это такъ... конечно...

— Такъ пожалѣйте-же меня, Нина Александровна! вскричалъ вдругъ Багряновъ, подходя къ ней.—Вѣдь эта женщина—*вы*, вѣдь я *васъ* люблю!

Боярская закрыла лицо руками.

— Что вы... что вы...—полноте!

— Я въ васъ влюбленъ... я безъ васъ жить не могу!.. Что-же дѣлать, коли это правда!

Глаза его блестѣли, онъ поблѣднѣлъ.

Боярская едва переводила духъ,—до того поразила её неожиданная развязка этого разговора.

— Вы презираете меня? Я оскорбилъ васъ своимъ признаніемъ? холодно спросилъ Багряновъ.—Простите!

Она ничего не отвѣчала. Вдругъ показалось ему что Боярская плачетъ,—ему стало жаль её.

— О чемъ вы плачете? съ участіемъ спросилъ онъ. Вопросъ остался безъ отвѣта, а слёзы закапали сильнѣе. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Багряновъ взялъ ея холодную, трепещущую руку и тихо поднесъ её къ своимъ губамъ. Рука Нины Александровны слабо дрогнула въ его рукѣ.

— Вамъ жаль меня? нѣжно спросилъ онъ, не выпуская руки.

— Пустите меня... ради Бога... мнѣ страшно! задыхающимся голосомъ говорила она, высвобождая свою руку и направляясь къ выходу;—насъ могутъ увидѣть!

— Одно слово...

Она немного обернулась и взглянула на него. Его неотступные, глубокіе глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, страстью дышало его блѣдное лицо.

Ей сдѣлалось вдругъ и страшно и сладко.

— Говорите,—мнѣ пора, прошептала Боярская, стараясь избѣгнуть его жгучаго, не отрывавшагося взгляда.

— Вамъ жаль меня?

— Да... чуть слышно и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, промолвила она.

Онъ крѣпко сжалъ ея руки.

— Вы... вы любите меня? спросилъ Багряновъ, заглядывая ей въ лицо.

Румянецъ стыда вспыхнулъ на ея щекахъ.

— Не знаю... кажется.

— Нѣтъ..... вы скажите мнѣ... любите... да?

Она взглянула ему въ глаза.

— Вы видите... я еще здѣсь! насилу выговорила она.

Багряновъ обнялъ её гибкую талію и хотѣлъ было усадить на скамью.

— Нѣтъ, нѣтъ! испуганно и съ дрожью въ голосѣ проговорила Боярская и, высвободившись, торопливо пошла домой.

Она до такой степени была взволнована разговоромъ съ Багряновымъ, что незамѣтила Баклаева, съ которымъ повстрѣчалась. Василій Ивановичъ далъ ей дорогу и ничего не сказавъ, нѣсколько удивленно посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Онъ видѣлъ, какъ Нина Александровна высвободилась изъ объятій Багрянова. Поровнявшись съ нимъ, Баклаевъ спросилъ:

— Что это съ кузиной? Она какъ-будто испугалась...

— Да, равнодушно отвѣчалъ Багряновъ, разсматривая совершенно спокойно поднимавшійся изъ клумбы георгинъ;— мышь пробѣжала, а она ихъ боится.

— Это я знаю,—но до такой степени... Вѣдь у нея лицо даже измѣнилось.

— Вѣрно мышь была большая, возразилъ смѣясь Багряновъ.—Вы давно здѣсь?

— Я видѣлъ какъ вы съ кузиной выходили изъ бесѣдки, значительно отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Неужто? А я васъ и не замѣтилъ!... хорошій георгинъ... Посмотрите-ка какіе цвѣта.

— Надо однако сходить провѣдать кузину, что съ ней... Вы пойдете?

— Нѣтъ, я погуляю. Да что вы такъ безпокоитесь?

— Нельзя-же... Можетъ быть она сильно испугалась.

Багряновъ улыбнулся.

— Полноте... женскіе нервы—вотъ и все. Успокоится и пройдетъ.

За чаемъ все какъ-то не клеилось. Нина Александровна, блѣдная и утомленная, молчала. Багряновъ говорилъ мало и неохотно слушалъ разсказы Боярскаго и Лишина. Баклаевъ изъ-за листа газеты не сводилъ глазъ съ своей кузины и изподтишка наблюдалъ за Багряновымъ.

Вскорѣ Нина Александровна, подъ предлогомъ головной боли, ушла къ себѣ. Багряновъ, посидѣвъ съ полчаса и осмотрѣвъ съ хозяиномъ новую постройку, велѣлъ подавать тарантасъ и уѣхалъ; — ему давно уже хотѣлось остаться наединѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Багрянова, Нина Александровна блѣдная, съ заплаканными глазами, вошла въ комнату Григорія Семеновича. Лишинъ читалъ, лежа въ постели. Онъ крайне удивился ея приходу.

— Что съ тобой, моя голубушка, ты точно плакала? встревоженно спросилъ онъ, приподнимаясь и бросая книгу.

Боярская сѣла къ нему на кровать. Въ глазахъ ея блеснули слёзы.

— Полно, полно... что съ тобой, не плачь, успокоивалъ её старикъ;—все перемелется! Да что онъ сдѣлалъ?

— Да я не о мужѣ говорю,—Богъ съ нимъ! всхлипывая, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ возразила Боярская.

Лишинъ задумался.

— Ну такъ я ничего не понимаю... Кто-же могъ тебя обидѣть... ужъ не Василій-ли?

— Да нѣтъ-же дядюшка... никто меня не обижалъ... Но я несчастная, несчастная! и Боярская залилась слезами.

Григорій Семеновичъ пожалъ плечами.

— Да ты не плачь, Ниночка... Вѣдь ты знаешь, душа моя, какъ я тебя люблю... скажи въ чемъ дѣло, скажи милочка! нѣжно обнимая её, упрашивалъ старикъ.

— Я за этимъ къ вамъ и пришла; кромѣ васъ мнѣ некому повѣрять свои горести; а все легче какъ кто-нибудь ихъ раздѣляетъ!

— Ну такъ и скажи, дружокъ.

— Я люблю Багрянова, я въ него влюблена!

Лишинъ выпустилъ Боярскую и закрылъ лицо руками.

— Боже мой! Чуяло мое сердце! проговорилъ онъ.

Прошло нѣсколько секундъ.

— Да, это несчастіе!.. Бѣдная ты, бѣдная... жаль мнѣ тебя... (у старика навернулись слезы).—А онъ... любитъ?

— Да, прошептала Боярская.

— Ты почемъ знаешь? Онъ развѣ говорилъ?

— Говорилъ... и Нина Александровна разсказала всю сцену въ бесѣдкѣ.

— Не хорошо это, что онъ тебѣ сказалъ, замѣтилъ Лишинъ, когда Боярская кончила. — Впрочемъ мудрено удержаться когда глубоко любишь!—Боже мой, Боже мой! Какъ мнѣ жаль тебя, моя голубушка! прибавилъ онъ вздохнувъ.

— Что мнѣ дѣлать, дядюшка? Помогите вы мнѣ, голубчикъ,—вѣдь у меня все сердце выболѣло! Нина Александровна положила голову на плечо старика.

— Что дѣлать, Нина? Ты спрашиваешь?... Разойтись—больше дѣлать нечего! Знаю, что тебѣ тяжело будетъ, но вѣдь исходъ одинъ,—лучше теперь, чѣмъ послѣ.

Боярская молчала.

— Вотъ они эти браки, эта погоня маменекъ за богатымъ женихомъ! горячо продолжалъ Лишинъ.—Молодое, неопытное сердце связываютъ съ отжившимъ, все испытавшимъ, да еще требуютъ что-бы оно не сказалось! Несчастная ты женщина!—Ты очень его любишь?

— Люблю, дядюшка! отвѣчала Боярская, глубоко вздохнувъ.

— Я не виню тебя; сердцемъ нельзя управлять по произволу... Въ своей жизни ты не видала радостей... Супругъ твой... ну, Богъ ему судья!... не стану говорить... Этого надо было ожидать... этого я всегда за тебя боялся... Но обратись къ Богу, Нина, молись... и Онъ, нашъ Утѣшитель, успокоитъ твое бѣдное сердце.

Старикъ помолчалъ.

— Первый разъ какъ Багряновъ пріѣдетъ, я выберу время и скажу ему, что все надо прекратить, чтобъ онъ ѣздилъ только до времени, чтобы не возбудить подозрѣнія.

— Дядюшка, перебила его Боярская,—вы пожалуста помягче, поласковѣй ему скажите.

— Не бойся, Нина, я знаю какъ сдѣлать, возразилъ улыбаясь Лишинъ;—онъ человѣкъ умный, благородный,—поймётъ.

— Тяжело мнѣ будетъ, дядюшка, очень тяжело.... я такъ привыкла его видѣть!

— Вѣрю, моя милая, да дѣлать-то нечего! Вѣдь ты незахочешь-же измѣнить мужу, своимъ правиламъ?

— Нѣтъ, тихо отвѣчала она.

— Вотъ то-то-же и есть... А не прервешь вначалѣ — незамѣтно увлечешься.

— Онъ-то бѣдный! Что съ нимъ будетъ? Это его поразитъ... Онъ возненавидитъ меня!

— Мущина долженъ умѣть переносить удары судьбы... а если онъ возненавидитъ тебя—и слава Богу! Ты скорѣй успокоишься.

— Ну незнаю,—мнѣ не разлюбить его!

— Терпи... Неси свой крестъ... У всякаго онъ есть, моя голубушка! Богъ милостивъ... Молись ему, Милосердому,—и Онъ утѣшитъ тебя. Ну ступай-же къ себѣ, неравно мужъ спроситъ... Богъ съ тобой!

Боярская обняла старика.

— Только вы, голубчикъ дядюшка, не сразу говорите ему, приготовьте его...

— Знаю, знаю...

Нина Александровна вздохнула и вышла изъ комнаты.

По уходѣ ея, Лишинъ долго еще проворочался въ постели, не засыпая. Его добрая душа была глубоко потрясена разсказомъ племянницы. Наконецъ передъ утромъ онъ заснулъ, но сонъ этотъ былъ тревожный, болѣзненный сонъ....

VI.

Нѣсколько дней спустя, Шамшева съ утра пріѣхала въ Сосновцы. Истощивъ весь запасъ новостей и оставшись вдвоемъ съ Боярской, она спросила её:

— А у васъ, я слышала ma chère, часто бываетъ Багряновъ?

Боярская покраснѣла и наклонилась къ пяльцамъ.

— Да, бываетъ, отвѣтила она.

— Онъ вѣроятно очень понравился вашему мужу?

— Борисъ Яковличъ его любитъ.

— У него прекрасное лицо, въ особенности глаза.

Боярская молчала.

— Des yeux assassins! Могутъ свести съ ума... Да-да... c'est un homme dangereux!

— Полноте, Агафья Семеновна, съ улыбкой возразила Боярская.—Ужъ будто Багряновъ такъ опасенъ!

— Ни за кого не поручусь, ma chère...

— Даже и за меня, Агафья Семеновна? неподнимая головы отъ пялецъ, спросила Нина Александровна.

— Даже и за васъ, ma chère; мало-ли что можетъ случиться! выразительно замѣтила она.

Боярская принужденно засмѣялась.

— Хорошаго-же вы обо мнѣ мнѣнія!

— Да это не васъ касается... Мужчины такъ гадки, а женщины такъ слабы! закативъ глаза подъ лобъ, сказала Шамшева.

— А мнѣ такъ, вотъ видите, онъ и не нравится.

— Это почему? недовѣрчиво спросила Агафья Семеновна.

— Много о себѣ думаетъ.

«Хитритъ!» подумала Шамшева. — За то вы, ma chère, можетъ быть ему нравитесь? вкрадчиво замѣтила она.

— Съ чего вы это взяли?

— Да вѣдь не для Бориса-же Яковлича онъ къ вамъ ѣздитъ!

— Удивляюсь я вамъ, Агафья Семеновна... молодой человѣкъ безъ цѣли ужъ и въ домъ ѣздить не можетъ!

— Да вѣдь это я такъ, ma chère.

— Ѣздитъ потому, что сосѣдей больше нѣтъ.

— Врядъ-ли... Я знаю, навѣрно знаю, что вы ему нравитесь.

— Онъ вамъ признался? смѣясь спросила Боярская.

— Нѣтъ... да ужъ я знаю.

— Такъ что-жъ! Меня отъ этого не убудетъ,—пускай сумашествуетъ!

— Конечно, пусть его... Я вѣдь это такъ, ma chère.. Одно только... чтобы васъ тутъ не приплели.

— Отъ сплетень не убережешься, Агафья Семеновна.

— А поговариваютъ, ma chère, очень поговариваютъ, таинственно сказала Шамшева.

Боярская молчала, только еще ниже наклонилась къ пяльцамъ.

— Не онъ-ли самъ хвастается знакомствомъ съ вами?

Нина Александровна вспыхнула.

— Вѣдь отъ мужчинъ, ma chère, всего ожидать можно.

— Каковъ мужчина!

— Ахъ, ma chère, всѣ они любятъ прилыгать, когда это касается женщинъ.

— Да, если женщина подастъ поводъ... Въ противномъ случаѣ...

— Все равно, все равно... перебила ее Шамшева,—скажутъ то чего и нѣтъ. Вотъ напримѣръ: въ городѣ говорятъ, что вы страстно влюблены въ Багрянова... Конечно это вздоръ, а вѣдь говорятъ, ядовито добавила она, искоса поглядывая на Боярскую, которая покраснѣла до ушей.—Ахъ какъ здѣсь жарко! совершенно невинно, сказала Агафья Семеновна, — у васъ, ma chère, и то лицо горитъ, а вы все сидите въ наклонку.

— Нѣтъ, это ничего; надо-же что нибудь дѣлать... Лѣтомъ я просто несчастная: мнѣ всегда жарко.

Шамшева и тутъ неутерпѣла и впустила шпильку.

— Однако, ma chère, полчаса назадъ вы были не такъ красны, здоровы-ли вы? съ участіемъ спросила она.

— Здорова.

— Ну а ваша работа, ma chère, подвигается? подходя къ пяльцамъ спросила Шамшева.

Боярская откинула полотно и показала ей.

— Ну мало-же вы вышили въ это время... Сначала работа шла у васъ успѣшнѣе.

— Да, я мало вышивала. Всѣ эти дни погода была такая чудная, что грѣшно было оставаться дома.

— Ну и гости тоже, ma chère... Хозяйкѣ иногда *поневолѣ* приходится занимать ихъ! сказала Агафья Семеновна, подчеркивая слово «поневолѣ.»

Боярскій съ Баклаевымъ вошли въ комнату.

— Послушайте-ка, началъ Борисъ Яковлевичъ, подходя къ Шамшевой,—вы знаете я человѣкъ прямой, изворотовъ не люблю... Какъ влѣзло вамъ въ голову сдѣлать мнѣ такую пакость?

Агафья Семеновна завертѣлась на своемъ креслѣ.

— Вы все шутите, Борисъ Яковлевичъ;— что-же я могу сдѣлать? съ натянутой улыбкой возразила она.

— Совсѣмъ не шучу. Вы меня до крайности взбѣсили... Теперь я знаю что при васъ ни о чемъ говорить нельзя.

— Да что́-же я сказала?

— Вы передали Носкову, замѣтьте: человѣку съ которымъ я въ ладахъ и который мнѣ нуженъ, что я бранилъ его;—хорошо это? А?

Шамшева смѣшалась.

— Можетъ-быть вамъ не такъ передали, братецъ, вкрадчиво замѣтилъ Баклаевъ.

— Именно, подхватила Агафья Семеновна.

— Не твое дѣло Василій,—уткни носъ въ книгу! сердито сказалъ ему Боярскій.—Такъ какъ-же, сударыня, хоро-

шо это? Славно вы за мою хлѣбъ-соль отблагодарили, — славно!

— Я ничего не говорила, все выдумки! отперлась Шамшева.

— На попятный теперь! Нѣтъ, не отвертитесь, — я вамъ свидѣтелей представлю!

— Ужасно мнѣ нужны ваши свидѣтели—тьфу! (Агафья Семеновна,когда сердилась, любила плеваться)

— Такъ вы ни словечка не говорили?

— Что вы ко мнѣ привязались?

— Лгунья вы послѣ этого, вотъ что!

— Пожалуста не бранитесь! взвизгнула раскраснѣвшаяся Шамшева.

— Я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что вы только по глупости болтаете, отъ нечего дѣлать, а теперь вижу что вы злы,—нарочно людей ссорите своимъ языкомъ... Это подлость! горячился Боярскій.

Агафья Семеновна вытащила носовой платокъ и давай выжимать слёзы.

— Чего—чего и не наговорилъ... ругатель эдакой! Въ своемъ домѣ гостей обижаетъ!

— Ревите, ревите... Пакостей впередъ будете меньше дѣлать—оно здорово! и грубо захохотавъ, Боярскій ушелъ въ кабинетъ.

— Григорій Семенычъ васъ просятъ къ себѣ, доложилъ Нинѣ Александровнѣ вошедшій лакей.

— Скажи что сейчасъ...

— Что вамъ угодно, дядюшка? спросила Боярская, входя въ комнату Лишина.

— Садись-ка да потолкуемъ,—я только что отъ Багрянова.

Нина Александровна измѣнилась въ лицѣ.

— Я нашелъ что лучше будетъ самому съѣздить; зачѣмъ доставлять вамъ еще здѣсь непріятное свиданіе,—пожалуй что нибудь замѣтятъ.

— Что-жъ онъ?

— Когда я объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія, онъ немного поблѣднѣлъ и, не смотря на все умѣніе владѣть собой, голосъ его слегка задрожалъ. Ему было непріятно, зачѣмъ ты сама не высказала ему того что просила меня передать ему, зачѣмъ выбрала посредника. «Неужели» сказалъ онъ, — «Нина Александровна думала что я неисполню ея приказанія, стану навязываться со своей любовью?

— Да вѣдь я боялась, дядюшка, что не выдержу характера, мнѣ-бы не сказать ему ничего. Одно его слово—и я забыла-бы все... Оттого-то я вамъ и поручила.

— Знаю я, знаю... Наконецъ онъ успокоился... Я дѣйствовалъ на его благородство; представлялъ ему, что нѣсколько счастливыхъ минутъ ты должна будешь купить цѣною своего спокойствія, счастія, всей своей жизнью. Что тебя будетъ презирать и преслѣдовать свѣтъ... Что ты прольешь больше слёзъ нежели увидишь улыбокъ, что наконецъ впослѣдствіи къ позднимъ сожалѣніямъ прибавятся угрызенія совѣсти... Кажется я его убѣдилъ, а впрочемъ Богъ вѣсть!

— Что же онъ отвѣчалъ?

— Онъ немного задумался, вздохнулъ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «поблагодарите Нину Александровну... Да или нѣтъ лучше неизвѣстности; я ошибся—вотъ и все.»

Я тотчасъ-же уѣхалъ и всю дорогу продумалъ: въ чѣмъ же это онъ ошибся?

Странно создано сердце женщины: сознавая что любовь ея къ Багрянову, — ея несчастіе, гибель, отъ души желая чтобы ударъ разразившійся надъ нимъ, вслѣдствіе словъ Лишина, былъ какъ можно менѣе для него чувствителенъ, Нина Александровна досадовала теперь на хладнокровіе Багрянова. «Да или нѣтъ лучше неизвѣстности» вотъ и все то онъ нашелся сказать, думалось ей... Гдѣ-же упреки,

слёзы, отчаяніе, которыхъ я ждала, которыхъ такъ опасалась? Неужели-же только этими ничтожными словами разрѣшилось чувство, которое я ставила такъ высоко, которое готова была раздѣлить вполнѣ? и Боярская невольно заплакала.

— Не плачь-же Ниночка, уговаривалъ её старикъ,—глаза покраснѣютъ. Вѣдь колоколъ здѣсь, не забывай!

— Богъ съ ними со всѣми! Мало я о нихъ думаю... Ахъ, дядюшка, какъ мнѣ тяжело!

— Вѣрю, мой ангелъ, но будь умница. Навотъ мокрое полотенце, оботри глаза да и ступай.

Когда Боярская вышла, Григорій Семеновичъ задумался. «Что если этимъ не кончится?» вертѣлось у него въ головѣ «что если Нина не выдержитъ характера?... А велико искушеніе! Эти постоянныя сцены, семейные дрязги, не жизнь а какое-то прозябаніе,—хоть кого собьютъ съ прямой дороги. Нина никогда не любила; тѣмъ сильнѣе полюбитъ она теперь. Препятствія разовьютъ только эту страсть до того, что она охватитъ её всю и Нина, забывъ все, отдастся ей безъ всякаго размышленія, безъ малѣйшей борьбы... Бѣдная женщина! Отчего не дано тебѣ судьбой мечтать также о счастіи, лелѣять золотые сны, радужныя надежды? Ужели для тебя нѣтъ возврата?...»

На другой день, послѣ обѣда, Баклаевъ отправился къ Ольховцеву. Онъ засталъ его въ deshabillé, сбирающимся на охоту.

— А, мое яблочко! воскликнулъ Николай Александровичъ, увидя гостя,—извините что безъ галстуха! Не хотите-ли со мной на охоту?

— Подите вы съ вашей охотой, — я пришелъ посидѣть съ вами.

— Прекрасно... Охота значитъ тово... Ну, отправляйтесь! сказалъ Ольховцевъ, бросая въ уголъ патронташъ и ягдташъ.

— Что вы давно у насъ не были? спросилъ Баклаевъ.

— А чорта-ли мнѣ у васъ дѣлать?

— Очень мило! Вотъ я скажу кузинѣ.

— Пожалуй говорите—боюсь я её очень.

— Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ вы насъ забыли.

— Дѣла́, Василька, заваленъ дѣлами!

— Полноте шутить; какія у васъ дѣла!.. А у насъ много новенькаго.

— Чего это? Борисъ Яковлевичь пьянъ что-ли былъ, или Шамшева объѣдаться перестала?

— Нѣтъ получше... На счетъ кузиночки.

Ольховцевъ навострилъ уши.

— Что-же такое?

— Интересное.

— Ну!

— Въ Багрянова влюбилась!

Николай Александровичъ покраснѣлъ.

— Вотъ вздоръ-то... эку штуку вывезли!

— Право, право...

— Врете вы все... Вотъ что значитъ съ Шамшевой часто бывать!

— Не вру: у меня и доказательства есть, самодовольно возразилъ Баклаевъ.

Ольховцевъ начиналъ тревожиться.

— Ну ужъ доказательства ваши выѣденнаго яйца не стоятъ,—знаю я ихъ!

— Извините.

— Ну валяйте—я слушаю.

— Нѣсколько дней тому назадъ, началъ Баклаевъ,—пошелъ я вечеромъ въ садъ, кленовой аллеей — знаете? Подходя къ бесѣдкѣ, слышу голоса кузины и Багрянова, но словъ разобрать не могъ. Я пододвинулся и только что разслышалъ: «Нѣтъ, нѣтъ!» какъ Нина Александровна, вырвав-

шись изъ объятій Багрянова, такъ скоро прошла мимо, что меня и незамѣтила. Глаза у нея были красны и вся она до того взволнована что, поровнявшись съ Багряновымъ, я спросилъ: «что съ кузиной?» — Да мыши испугалась, отвѣчалъ онъ мнѣ такъ спокойно, какъ-будто ему и дѣла до этого не было, да еще георгинъ принялся разсматривать... Вотъ характерецъ-то!

Ольховцева смутилъ разсказъ Баклаева; досадно ему стало.

— Да можетъ быть многое вамъ показалось?

— Ну нѣтъ! Слова ея я слышалъ какъ васъ теперь слышу, а какъ Багряновъ обнималъ её—видѣлъ своими глазами. Тутъ дѣло не чисто, надо..

— Что надо? перебилъ его Николай Александровичъ, забывая свою досаду и отдаваясь внезапному порыву своей честной натуры; — Что еще придумали? Не сфискалить-ли хотите?

— Какія у васъ всегда выраженія! обиженно замѣтилъ Баклаевъ;—не до скандала-же доводить!

Ольховцевъ вскочилъ со стула.

— Какъ?! Вы хотите донести этому скоту, вашему двоюродному братцу?

— То есть не донести, а предупредить, поправилъ его Баклаевъ.

— Прекрасно-съ! кланяясь и разводя руками, говорилъ Ольховцевъ. — Вы значитъ шпіономъ хотите быть? Уподобиться какой-нибудь Шамшевой? Великолѣпно!

Баклаевъ покраснѣлъ; онъ начиналъ сердиться.

— Да вы-то что? Пятое колесо въ тѣлегѣ? продолжалъ Николай Александровичъ.—Кой чортъ суетъ васъ туда гдѣ васъ и не спрашиваютъ? Ужъ не за нравственностію-ли наблюдать вы приставлены?

— Моя обязанность предупредить братца.

— Братца! Ой вы идеальный родственникъ! Не врите Христа ради... Вѣдь это роль доносчика, это подлость!

— Послушайте, Николай Александровичь, за-чѣмъ вы бранитесь? я всегда вѣжливъ съ вами, а вы...

— Чортъ-же васъ дернулъ повѣрять мнѣ свои тайны! Не могу же я назвать подлость благороднымъ поступкомъ

— Вотъ вы опять за то-же, я уйду.

— Постойте, взялъ его за руку Ольховцевъ, — поговоримъ... Что вы думаете выйдетъ изъ того, что вы скажете мужу?

— Онъ откажетъ Багрянову отъ дома.

— И пожалуй поколотитъ жену?

— Что́-вы!

— Отъ этого скота всего ожидать можно.

— Побранитъ только, да и за дѣло, — она ему всѣмъ обязана.

— Полноте молоть-то... Онъ кругомъ передъ ней виноватъ... ну да объ этомъ послѣ... А какъ она убѣжитъ—что тогда?

— Убѣжитъ! Что вы право и выдумаете!

— Ну да что́-бы ни вышло, а не слѣдъ вамъ, Васинька, пересказывать,—не ваше дѣло, да и не хорошо!

Баклаевъ молчалъ.

— Знаете что я вамъ скажу, Васинька, — вѣдь я тоже влюбленъ въ вашу кузину!

— Знаю, улыбаясь отвѣчалъ Баклаевъ.

— Пронюхали? Эко чутье!

— Даже знаю что вы объяснялись съ ней въ хмѣлевой бесѣдкѣ.

Ольховцевъ вытаращилъ глаза.

— И уѣхали не съ радостію въ сердцѣ.

— И это знаете? Ну исполать вамъ... изъ молодыхъ да ранній! Что дѣлать Васинька, насильно милъ не будешь!.. Вы отчего-же про меня-то ничего не сказали Борису Яковличу?

— Оттого что вы не опасны, а Багрянова она любитъ.

— Вотъ оно что... Ну послушайте, Васинька, бросьте вы ваше намѣреніе—не хорошо!

— Странный вы человѣкъ, Николай Александровичъ, вѣдь это моя обязанность...

— Да не морочьте меня... На кой чортъ ввязываться вамъ въ это дѣло?

— Мой долгъ какъ честнаго человѣка предупредить братца; чѣмъ-же я могу отплатить ему за ласки ко мнѣ?

— Лизните ему лишній разъ рожу—и будетъ съ него.

— У васъ все шутки. Благодарность на дѣлѣ доказывается.

— Ну теперь съ вами не столкуешь... Явились на сцену: братецъ, долгъ, благодарность и прочая дичь. Впрочемъ какъ вамъ угодно; хотите быть доносчикомъ—съ Богомъ! Только врядъ-ли Багряновъ вамъ за это спасибо скажетъ!

— Вы совершенно съ другой точки зрѣнія смотрите.

— Съ какой ни смотри—все гадко.

— По вашему.

— Всякій то-же скажетъ.

— Вы оттого такъ говорите, что кузиночка моя вамъ нравится—жалко!

— Закройте-ка клапанъ, душечка, вскипятился Ольховцевъ.—Дичь несете! Еслибы вы потрудились умомъ раскинуть, такъ сообразили-бы что вашъ доносъ доставилъ-бы мнѣ удовольствіе, будь я другой человѣкъ!

— Да кто-же вамъ сказалъ что я ужъ такъ-таки и скажу?

— Вы все время объ этомъ трезвоните! А по моему такъ лучше бросить это намѣреніе,— не въ добрый часъ влѣзло оно вамъ въ голову!

Баклаевъ промолчалъ.

— Вы скоро уѣдете... вѣдь это въ чужомъ пиру похмѣлье. Бросьте голубчикъ!

— По мнѣ все равно,—пожалуй...

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ура! Люблю за это! Безе́шку!

Они поцѣловались.

Ольховцевъ подпрыгнулъ и во все горло закричалъ:

— Петръ! Есть шампанское?

— Есть-съ.

— Тащи—да живо!

— Я не буду пить, Николай Александрычъ.

— Ce sont des пустячки,—надо выпить. Мы побранились, потомъ помирились—спрыснуть необходимо!

VII.

Прошелъ мѣсяцъ слишкомъ. Во все это время Багряновъ только разъ былъ въ Сосновцахъ, да и то съ короткимъ визитомъ. Ему было и тяжело и неловко. Съ Боярской они встрѣтились какъ хорошіе знакомые: она приняла Багрянова любезно и онъ былъ къ ней внимателенъ, но при первомъ взглядѣ на веселыя лица обоихъ можно было понять, что между ними произошло что-то особенное. Разговоръ ихъ носилъ отпечатокъ какой-то искуственности, какой-то сдержанности.

Въ концѣ мѣсяца у Боярскихъ назначенъ былъ балъ; Багряновъ получилъ приглашеніе. Онъ хотѣлъ было отказаться, но по желанію Бориса Яковлевича Нина Александровна сама предложила ему четвертую кадриль,—Багряновъ согласился. Нѣсколько дней прошло въ приготовленіяхъ; въ Сосновцахъ все пришло въ движеніе. Боярскій хотѣлъ пустить пыль въ глаза, и потому съ утра до вечера суетился, хлопоталъ, бранился со всѣми. Нинѣ Александровнѣ таки досталось отъ него въ это время. Наконецъ вождѣленный день насталъ; съ самаго ранняго утра застучали ножи въ кухнѣ, забѣгали повара по погребамъ и кладовымъ; въ домѣ все устанавливалось, прибиралось.

Съ семи часовъ начали раздаваться колокольчики. Званыхъ было человѣкъ до шестидесяти. Первыми пріѣзжали старушки и солидные люди; власти и аристократія застав-

ляли себя подождать. Наконецъ къ девяти часамъ всѣ съѣхались.

Когда Багряновъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ вошелъ въ залъ, балъ уже начался; танцовали кадриль въ шестнадцать паръ. Городской оркестръ, кое-какъ составленный изъ солдатъ и доморощенныхъ музыкантовъ, хрипѣлъ и визжалъ; въ особенности раздирала уши первая скрипка въ очкахъ и длиннѣйшихъ волосахъ. Багряновъ поздоровался съ Боярскимъ, съ знакомыми и пошелъ отыскивать хозяйку. Она танцовала съ юнымъ гарнизоннымъ прапорщикомъ, съ румянцемъ во всю щеку и шейной часовой цѣпочкой, надѣтой поверхъ мундира. Когда Багряновъ подошелъ, Нина Александровна слегка покраснѣла. Она была прелестна въ этотъ вечеръ: черное бархатное платье, съ длиннымъ шлейфомъ и открытымъ лифомъ, какъ нельзя болѣе шло къ ней; въ волосахъ ея, нѣсколько зачесанныхъ назадъ и спускавшихся густыми, крупными локонами на ея чудную шею, былъ пунцовый розанъ съ какой-то травкой и росинками на этой травкѣ. Молоденькій прапорщикъ и млѣлъ и таялъ возлѣ своей дамы. Поклонившись утонченно вѣжливо но нѣсколько холодно, Багряновъ спросилъ Боярскую: помнитъ-ли она свое обѣщаніе?

— Какое?

— Танцовать со мной четвертую кадриль.

— Конечно.

Багряновъ поклонился и пошелъ въ гостинную. Тамъ давно уже сидѣли за картами. Почетный столъ составляли: вице-губернаторъ — маленькій человѣчикъ съ ястребинымъ носомъ, губернскій предводитель, удивлявшій всѣхъ толщиною и руками, похожими по своей одутловатости на фехтовальныя перчатки, совѣтникъ губернскаго правленія,—старикъ съ однимъ зубомъ во рту, и какой-то желтоватой крупой, сыпавшейся съ его лысой головы на воротникъ фрака, и самъ хозяинъ. Не много поодаль, предсѣдатель гражданской палаты, съ юпитеровскою невозмутимостію обыгрывалъ въ пикетъ выжившаго изъ ума отставнаго генера-

ла, который пыхтѣлъ и отпивался зельтерской водой. Гадепькій подлипало полицмейстеръ юлилъ и вертѣлся около сильныхъ міра сего. Губернскій казначей безстыдно лгалъ на всѣ стороны, и для убѣжденія слушателей неистово вращалъ своими разбѣгающимися глазами. Черезъ нѣсколько столовъ, занятыхъ игроками средней руки, начинались дамскія партіи; тутъ участвовали старухи, которымъ оставалось одно только это занятіе, и женщины хотя и въ полномъ еще соку, но слишкомъ толстыя для танцевъ, и перезрѣлыя дѣвицы, лишенныя благообразныхъ физіономій.

Кадриль кончилась. Дамы разсыпались парами по всѣмъ комнатамъ. Вѣера пришли въ движеніе. Мужчины торопливо шли въ кабинетъ хозяина, гдѣ уже дымъ ходилъ волнами. Преинтересные разговоры можно было подслушать тутъ:

— Я вѣдь вамъ не дамъ отдыхать много, господа, говорилъ длинновязый и сухощавый блондинъ, съ клокомъ рыжеватой шерсти вмѣсто бороды, повидимому распорядитель танцевъ,—танцовать такъ танцовать. Съ меня-же взыщутъ... скажутъ: не умѣетъ анимировать общество. Вотъ у дяди моего, графа Б., въ домѣ котораго я постоянно дирижировалъ, (и солгалъ: графъ Б. ни съ которой стороны не приходился ему родственникомъ, а принималъ его только потому, что мамаша блондина обила всѣ пороги графскаго дома; слѣдовательно не только дирижировать, но и танцовать-то удавалось ему рѣдко,—развѣ составить пару для визави) ранѣе трехъ часовъ никогда не начиналъ мазурки, какъ ни просили. Ну ужъ и мучилъ-же я ихъ!.. Однако маршъ, господа, сейчасъ вальсъ будетъ, прибавилъ онъ, бросая папиросу,—торопитесь.

— А я-бы водки выпилъ вмѣсто вальса,—чортъ знаетъ какъ хочется! говорилъ плотный поручикъ своему сосѣду—чиновнику губернскаго правленія.—Вотъ у Петровыхъ, хоть и скверненькіе вечера, а тѣмъ хорошо: закуска со стола не сходитъ—пей сколько хочешь!

— Когда я былъ въ корпусѣ, разсказывалъ только что выпущенный прапорщикъ,—у насъ подлецомъ считали, коли

хорошій кадетъ, закалъ по нашему, не вытянетъ въ одну затяжку всей папиросы! Ну ужъ за то и позеленѣетъ въ глазахъ,—такъ тебя и раскачиваетъ!

— Ты что, братецъ, польку-то съ этимъ монументомъ танцовалъ—съ Ивашкиной? Охота это тебѣ! спрашивалъ одинъ чиновникъ другаго.

— Не говори... всѣ жилы на рукѣ оттянула! Совѣтникъ самъ подвелъ — нельзя было... понимаешь—политика! А танцуетъ, словно аршинъ проглотила... У нея и спина-то не гнется—право!

Оркестръ заигралъ вальсъ. Большая часть кавалеровъ кинулась въ залъ, толкая и перегоняя другъ друга; въ кабинетѣ остались одни солидные люди.

Багряновъ ходилъ по залу, изрѣдка заговаривая съ дамами и дѣвицами, сидѣвшими весьма чинно по стѣнамъ. Онъ не танцовалъ. На душѣ у него было очень и очень скверно. Онъ видѣлъ, какъ Нина Александровна порхала то съ однимъ то съ другимъ кавалеромъ. Удушливо-жаркій воздухъ, гулъ разговоровъ, визгъ инструментовъ, звяканье шпоръ и притоптыванье каблуковъ, — однимъ словомъ весь этотъ бальный хаосъ раздражалъ его нервы и приводилъ его въ какое-то озлобленное состояніе. Въ особенности надоѣдалъ ему блондинъ распорядитель, носившійся какъ сумашедшій по залу съ растрепанной гривой и поднятыми плечами; онъ казалось считалъ за долгъ перетанцовать совсѣми дамами. Даже Глашу Стрѣльскую, являвшуюся на балы только затѣмъ, чтобы посидѣть, — и ту онъ не обошелъ приглашеніемъ. Надо было видѣть, какъ совершенно невольно приподнималась эта дѣвица, жертва разборчиваго вкуса мужчинъ, по мѣрѣ приближенія блондина, и съ какой дѣтской радостью протянула она ему обѣ руки на обычное: «un tour de valse s'il vous plait!»

Вальсъ былъ въ полномъ разгарѣ; слишкомъ десять паръ кружилось и вертѣлось, наскакивая одна на другую, путаясь въ дамскихъ шлейфахъ. Лица разгорались. Слышались

уже восклицанія: «assez monsieur!», «je n'en peux plus!», j'ai un éblouissement!» и проч., но молодцы – кавалеры, какъ говорится лихіе, мало обращали вниманія на эти возгласы, продолжали носиться по залу и потомъ, посадивъ дамъ на мѣсто, отходили въ сторону, самодовольно обмахиваясь носовыми платками.

Наступилъ антрактъ. Многія изъ дамъ отправились въ уборную исправить туалетъ, подшить оборванное платье, приколоть бантъ, пригладить волосы. Разговоры начинали принимать уже недовольный тонъ: — «какъ неловокъ этотъ офицеръ, весь шлейфъ оборвалъ мнѣ своей шпорой!» — «Ужасно глупъ Васьяновъ—двухъ словъ связать неумѣетъ... стыдно сидѣть съ эдакой пѣшкой!» — «Новенькіе цвѣты только что изъ Петербурга присланы, говорила М-me Солоцкая, мѣстная аристократка и глупѣйшая кривляка (и солгала: цвѣты купила въ О. по случаю) всѣ измяли! Противный Левинъ... танцуетъ со своимъ предметомъ и ничего не видитъ.»

Къ Багрянову подошелъ Ольховцевъ.

— А вы, Александръ Петровичъ, не танцуете?

— Нѣтъ. За то вы за двоихъ.

— Тружусь, тружусь.

— А кто распоряжается танцами... блондинъ съ длинными волосами?

— Верзила-то трехполѣнная? Это Та́ушевъ, — дубина первый сортъ!

Багряновъ улыбнулся.

— Чѣмъ-же онъ занимается?

— Вы видите: кажется нельзя сказать что-бы онъ сложа ручки сидѣлъ. Онъ не то что вы—ужинъ себѣ заработалъ.

— Служитъ гдѣ-нибудь?

— У губернаторши по особымъ порученіямъ, да вотъ еще у этой барыни, что вмѣсто мантиліи чайную скатеретку такъ живописно на себя накинула, — и все пѣшкомъ ходитъ—право!

— А Баклаевъ отчего не танцуетъ?

— Онъ все больше около старушекъ; танцовать онъ не

можетъ: ноги колесомъ да и слуха нѣтъ. Однако до видзе́нья—надо визави отыскать.

— А вы съ кѣмъ танцуете?

— Съ Ниной Александровной.

— Ну такъ визави не ищите.

— А что?

— Я буду вашимъ.

— Отлично.

Багряновъ ангажировалъ очень недурненькую дѣвицу въ завиткахъ, всю съ головы до ногъ осыпанную фуксіями. Они помѣстились. Багряновъ принудилъ себя быть любезнымъ, и скоро между ними завязался разговоръ, хотя и пустой, но довольно оживленный. Кадриль началась. Когда дѣлали chaîne, Ольховцевъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать Багрянову: «что вы, батюшка, цѣлый партеръ ангажировали?» Нина Александровна изрѣдка взглядывала на Багрянова, но онъ, казалось, не замѣчалъ этого и съ улыбающимся лицомъ обращался къ своей дамѣ. Въ третьей фигурѣ онъ даже нарочно забылъ, что ему начинать. Боярская замѣтила ему, что онъ разсѣянъ.

— Потому что мнѣ весело! отвѣчалъ онъ ей.

По окончаніи кадрили, когда Багряновъ отвелъ свою даму, Боярская остановила его:

— Сядьте возлѣ меня.

Онъ сѣлъ.

— Нельзя сказать, чтобы вы были сегодня любезны! Съ хозяйкой дома и двухъ словъ не сказали!

— Это мнѣ запрещено. Еслибы не ваше приказаніе—я бы и неявился на этотъ балъ.

— Вы скучаете?

— Можетъ быть.

— Однако сейчасъ вы были такъ веселы... съ этой маленькой Илюшиной?

— Я хотѣлъ быть счастливъ.

— Это мудрено... Всѣ хотятъ быть счастливыми и неумѣютъ.

— Почемъ я знаю, можетъ-быть мое счастіе въ этомъ букетѣ изъ фуксій! Судьба, какъ заботливая мать, дала каждому изъ насъ свою долю счастія,—надо только умѣть найти его.

— Это-то и трудно.

— Во всякомъ случаѣ лучше чѣмъ гоняться напрасно за иллюзіями, и потомъ сожалѣть, когда они исчезнутъ!

Плотный поручикъ остановился передъ Боярской и, звякнувъ шпорами, поклонился.

— Туръ польки, если позволите, проговорилъ онъ.

Нина Александровна поднялась и пошла съ нимъ. Багряновъ отправился въ кабинетъ.

— Что же вы-то не пляшете? раздался за спиной его грубоватый голосъ Боярскаго; онъ шелъ пропустить маленькую.

— Я не люблю мелкихъ танцевъ, возразилъ Багряновъ.

— А признайтесь-ка: балъ вѣдь хорошъ? Все какъ слѣдуетъ?

— Да.

— А вотъ увидите что за ужинъ будетъ, — пальчики оближете. Ужъ я не люблю какъ многіе: кое-какъ. Дѣлать такъ дѣлать!

Къ нимъ подошелъ пожилой помѣщикъ съ огромной лысиной, по которой, для ея закрытія, вилась концентрическими кругами прядка серебристо-желтыхъ волосъ.

— Что скажете, Капитонъ Григорьичъ? обратился къ нему Боярскій.

— Да вотъ къ господину посреднику.

Борисъ Яковлевичъ исчезъ, а Багряновъ обернулся и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Да я все на счетъ выкупа, Александръ Петровичъ. Вы вернули мнѣ мое объявленіе, а кажется оно вѣрно было написано.

— Написано оно какъ слѣдуетъ, Капитонъ Григорьичъ, но у васъ поступили въ надѣлъ земли неразмежованныя съ другими владѣльцами.

— Такъ что-жъ? Вѣдь прежде это не останавливало ходъ выкупной операціи?

— Точно такъ. Но теперь, по послѣднему циркуляру, посредникъ не можетъ давать движенія выкупному дѣлу безъ соблюденія этого пункта.

— Такъ что-же мнѣ дѣлать?

— Размежеваться.

— Помилуйте! Это опять пойдетъ въ дальній ящикъ, да и совладѣльцы-то мои, можетъ, живутъ за тысячу верстъ!

— Что же мнѣ-то дѣлать, Капитонъ Григорьичъ? Моя обязанность соблюдать законъ.

— Да нельзя-ли какъ нибудь?

— Положительно невозможно.... Допустимъ даже, что я дамъ ходъ вашему дѣлу,—губернское присутствіе вернетъ. Вы отъ этаго ничего не выпграете, а мнѣ дурака скажутъ.

— Такъ нельзя?

— Нельзя.

Старичокъ съ концентрической прядкой, весьма недовольный, отошелъ отъ Багрянова и черезъ нѣсколько минутъ разсказывалъ своему сосѣду: «что Богъ вѣсть почему Багряновъ къ нему придирается, даромъ полторы тысячи получаетъ, что эдакъ полдѣла служить... неправильно толкуетъ законъ, и держитъ всегда сторону мужиковъ.» Послѣднее высказалъ онъ даже съ жолчью.

Между тѣмъ проиграли ритурнель четвертой кадрили, и Багряновъ, отыскавъ Нину Александровну, помѣстился съ нею въ ряды танцующихъ.

— Что вы вдругъ исчезли, не подождали меня? спросила его Боярская.

— Отчего-же вы не приказали? Я-бы остался.

— Неужели и въ этомъ надо приказывать?

— Конечно.

— А по своей волѣ нельзя?

— Я васъ избѣгаю.

— Вотъ какъ!

«Вамъ начинать!» сказалъ ихъ визави; Боярская встала и порхнула ему на встрѣчу.

— Зачѣмъ создавать искусственныя отношенія? сказалъ Багряновъ, когда они усѣлись.—Вы очень хорошо знаете, что знакомымъ вашимъ я быть не могу.

— Почему-же? опустивъ глаза и закрываясь вѣеромъ, проговорила Боярская.

Багряновъ улыбнулся.

— Потому что ни вниманія, ни дружбы вашей мнѣ не надо, Нина Александровна,—поберегите ихъ для другихъ.

— On donne ce que l'on peut, Александръ Петровичъ!

— On prend ce que l'on veut, Madame!

Разговоръ на время прекратился; дѣлали третью фигуру.

— Ахъ да! Я и забылъ сказать вамъ, Нина Александровна, новость.... касающуюся меня... Впрочемъ я не знаю интересуетъ-ли это васъ?

— Говорите, говорите...

— Я перехожу посредникомъ въ западныя губерніи, равнодушно сказалъ Багряновъ.

Боярская слегка поблѣднѣла.

— Что-жъ... желаю успѣха, промолвила она, силясь улыбнуться, но нѣсколько измѣнившимся голосомъ.—И скоро?

— У меня и просьба въ карманѣ; завтра свезу къ губернатору.

— Что же это вамъ вздумалось?

— Слабость человѣческая!... Вы вѣроятно испытывали какъ непріятно оставаться въ томъ домѣ гдѣ умеръ кто-нибудь изъ близкихъ?

— Да развѣ кто-нибудь умеръ у васъ въ это время?

— Даже похоронилъ! Могила зарыта—и слѣда не осталось!

— Кого-же?

Начался grand-rond. Блондинъ старался превзойти себя; кричалъ: rond des dames! chaîne! и проч., бѣсновался, выду-

мывалъ небывалыя фигуры и наконецъ на одной, самой фантастической, сбился и кончилъ галопомъ.

— Счастіе! отвѣтилъ Багряновъ Нинѣ Александровнѣ, отводя её на мѣсто и раскланиваясь.

Балъ продолжался. Скоро неистовое топанье каблуковъ и звяканье шпоръ возвѣстили начало мазурки. Багряновъ вошелъ въ залъ. Въ первой парѣ сидѣла хозяйка съ блондиномъ — распорядителемъ, во второй дѣвица въ фукціяхъ съ юнымъ прапорщикомъ и т. д. Плотный поручикъ съ любовію выдѣлывалъ па, откидываясь всѣмъ корпусомъ назадъ и звякая шпорами. Жиденькій чиновникъ, въ неизмѣримой длины воротничкахъ, напоминавшій собой бубноваго валета, бокомъ скакалъ черезъ весь залъ, откидывая лѣвую ногу и стукая ею о правую. Князь Б., маленькій, толстый юноша, съ огромной головой, до того растягивалъ свои короткія ноги, что казалось плылъ по паркету и, не попадая въ тактъ, представлялъ съ своей дамой дѣвочекъ скачущихъ на дощечкѣ. Акцизный чиновникъ, съ физіономіей цирюльной вывѣски и козлинымъ голосомъ, кокетничалъ своимъ незнаніемъ мазурки и, воображая что это очень мило, улыбался на всѣ стороны. Потомъ шли танцоры ползающіе, припрыгивающіе и просто ходящіе. Багрянову очень хотѣлось уѣхать домой и онъ уже былъ въ передней, какъ вдругъ словно изъ подъ земли выросъ передъ нимъ Борисъ Яковлевичъ и уговорилъ остаться отужинать. Проходя черезъ залъ, Багряновъ встрѣтился съ хозяйкой, отдававшей приказанія лакею.

— Дайте мнѣ вашу бумагу, серіозно сказала она Багрянову.

— Какую бумагу?

— Ту, что у васъ въ карманѣ... Mais dépêchez-vous donc!

— Зачѣмъ она вамъ? спросилъ онъ, передавая ей пакетъ.

Боярская ничего не отвѣтила и пошла къ своему кавалеру.

Послѣ ужина лакей принесъ Багрянову пакетъ обратно. Онъ развернулъ его: прошеніе было разорвано.

Самодовольная улыбка скользнула по губамъ Багрянова.

Скоро всѣ разъѣхались. Багрянова, вмѣстѣ съ другими избранными, оставили ночевать. Во флигелькѣ Баклаева приготовлялась попойка, и Борисъ Яковлевичъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы Багряновъ, не смотря на его воздержность, присутствовалъ при ней.—Когда онъ вошелъ, попойка уже началась. Посреди комнаты на столѣ, въ серебряной мискѣ, горѣла синеватымъ пламенемъ жжёнка; около нея, между множествомъ бутылокъ, виднѣлась голова Ольховцева — главнаго распорядителя оргіи; кругомъ, въ различныхъ позахъ, безъ мундировъ и фраковъ, сидѣло и лежало человѣкъ до десяти. Довольно пошлые анекдотцы, грязныя сплетни и циническіе разсказы веселили эту честну́ю компанію. Непріятно подѣйствовала на Багрянова эта обстановка; онъ сѣлъ поодаль и задумался.

Что-же вы, батюшка, красной дѣвушкой сидите? спросилъ его Боярскій, порядочно уже охмѣлѣвшій. — Аль компанія наша вамъ не по нутру? Кто говоритъ... хуже дамской!

— Вы знаете, Борисъ Яковличъ, что я не пью, недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ Багряновъ, — незнаю откуда вы взяли, что общество ваше мнѣ не нравится,—доказательство тому что я здѣсь.

— Ну, ну.... я пошутилъ! Вѣдь мы друзья? (и Боярскій качнулся впередъ).

— Одно поле обработываютъ! вполголоса сказалъ плотный поручикъ своему сосѣду. (Онъ ненавидѣлъ посредника за то, что тотъ недопустилъ его надуть крестьянъ при составленіи уставной грамоты). Багряновъ слышалъ это и поблѣднѣлъ.

— Дай-ка мнѣ еще стаканчикъ, Вася, обратился Боярскій къ Баклаеву.—А вы-бы, Николай Александрычъ, спѣли что-нибудь... знаете... тово... забирающее.

Ольховцевъ хватилъ залпомъ стаканъ шампанскаго, сѣлъ къ роялю и запѣлъ французскую пѣсню.

Головы разгорячались, характеры выяснялись. Плотный поручикъ, человѣкъ буйный во хмѣлю, кричалъ больше всѣхъ и безпрестанно придирался. Онъ до того сцѣпился съ Боярскимъ, что Баклаевъ подошелъ къ послѣднему и сказалъ ему:

— Пора вамъ спать, братецъ, пойдемте-ка.

— Ты что думаешъ... я пьянъ... пьянъ?.. Анъ врешь... не пьянъ... сказано... пить буду... ну и... да, да.. еще пить буду...

— Будетъ съ васъ.

— П-шолъ-ка... знаешь?.. Буду пить... потому... хочу...

— Пойдемте, пойдемте.

— Не пойду, заоралъ Боярскій,—что присталъ? Я — хозяинъ!.. хозяинъ я или нѣтъ — сказывай! Ну значитъ... и не пойду!

— Молодцомъ, Борисъ Яковличъ,—по военному! Что вы его тащите? вмѣшался поручикъ совсѣмъ уже пьяный, — Ну хочетъ пить — его воля, не маленькой! Лучше что-ли дѣвкой сидѣть, какъ... (Сосѣдъ толкнулъ его локтемъ и показалъ на Багрянова, который уже хмурился).—А мнѣ чортъ его дери! пробормоталъ поручикъ,—не слушайте ихъ, Борисъ Яковличъ; пейте пока пьется!

Однако не смотря на крики, ругательства и упорство, Баклаевъ съ Ольховцевымъ увели Боярскаго.

— Старая тряпка! злился поручикъ; — и характера-то выдержать неумѣетъ! Пѣтухомъ тоже ходитъ, харахорится... а и умишка-то у дурака нѣтъ! Подъ носомъ жена шашни завела... невидитъ! Какъ есть колпакъ!

Багрянова такъ и подмывало зажать ротъ этому сквернному болтуну.

Ольховцевъ съ Баклаевымъ вернулись. Блондинъ-распорядитель замѣтилъ имъ:

— Зачѣмъ вы увели его,—онъ бы насъ потѣшилъ!

— Тѣшьте вы коли хотите, или ужъ натѣшились? Вонъ всѣ подошвы истерли! оборвалъ его Николай Александровичъ.

Блондинъ смолчалъ и выпилъ стаканъ лафиту.

Багряновъ всталъ чтобы идти, — ему гадко было оставаться долѣе.

— Что, Александръ Петровичъ, сказалъ ему Ольховцевъ,— скучно вамъ? Выпейте-ка стаканчикъ бургонскаго.

— Господинъ Багряновъ вѣрно влюбленъ! вмѣшался поручикъ.

— Я съ вами незнакомъ, милостивый государь, и потому нахожу замѣчаніе ваше неумѣстнымъ! рѣзко замѣтилъ ему Багряновъ.

— Потише, потише господинъ посредникъ,— насъ незапугаете!

— Что съ вами... полноте господа,—какъ вамъ не стыдно!—Вамъ спать пора, строго сказалъ Ольховцевъ поручику, накатились да и давай лѣзть ко всякому!

— Убирайтесь-ка... вамъ что за дѣло? Я проучу этого дамскаго угодника! Велика штука что съ Боярской живетъ... ужъ и нетронь!

Багряновъ медленно обернулся и спокойный, блѣдный, подошелъ къ поручику. Всѣ притихли, повскакали съ мѣстъ, и ждали что будетъ.

— Милостивый государь, сказалъ Багряновъ совершенно ровнымъ голосомъ, — вы поступили вдвойнѣ какъ негодяй! Вы осмѣлились клеветать на женщину, у которой вы приняты, и въ томъ домѣ гдѣ вы ѣли и пили сегодня, кажется достаточно, и на меня — человѣка, съ которымъ вы даже незнакомы. Предоставляю судить всему обществу, до какой степени неблагородно ваше поведеніе. Я потому только ненаказываю васъ какъ-бы слѣдовало, что не хочу унизиться до вашихъ манеръ, до вашего воспитанія...

— Куда намъ за такими краснобаями гоняться! горячился поручикъ.—Однако какъ вы ни эффектны, ни краснорѣчивы, а ругаться я вамъ все таки не позволю! Я всажу вамъ завтра пулю въ вашъ благородный лобъ!

— Вы хотите драться? спокойно спросилъ его Багряновъ.

— Всенепремѣнно. А вы что, не такъ-ли отвертѣться хотѣли? хохоталъ поручикъ.

— Я бы совѣтовалъ вамъ теперь-же драться, а то чего добраго до завтра у васъ и храбрость пройдетъ, иронически возразилъ ему Багряновъ и подошелъ къ Ольховцеву:—Николай Александрычъ, вы не откажетесь быть моимъ секундантомъ?

— Извольте... Чортъ знаетъ что за глупость! Треклятая придира! Точно съ цѣпи сорвался! пробормоталъ Ольховцевъ.

— Я надѣюсь, господа, громко сказалъ Багряновъ,— что о произшедшемъ здѣсь никто знать не будетъ?

— Разумѣется! отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— И такъ завтра въ восемь часовъ, въ дубовой рощѣ, если позволите, обратился Багряновъ къ поручику.— Условія мои: оружіе—пистолеты, барьеръ на пятнадцати шагахъ, и стрѣлять по сигналу когда кому угодно. Вы ничего противъ этого не имѣете?

— Я согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ покойной ночи, господа!

По уходѣ Багрянова почти всѣ бывшіе въ комнатѣ напали на поручика; въ особенности доѣзжалъ его Клѣшманъ, домовый докторъ Боярскихъ, пожилой человѣкъ съ большимъ брюшкомъ и весьма добрымъ сердцемъ. Онъ былъ изъ русскихъ нѣмцевъ, и не смотря на свое постоянное пребываніе въ Россіи, не могъ выучиться говорить хорошо по русски, коверкалъ слова, мѣнялъ ударенія и къ каждой фразѣ прибавлялъ: «это вотъ» или «вотъ видите-ли вотъ»

— Послушайте, это вотъ... Это видите-ли вотъ неблагородно! приставалъ онъ къ поручику. — Это никокой, это вотъ, названіе неймѣетъ такъ это вотъ даму обидѣть! Ein Frauenzimmer... послушайте мине... Вы вотъ видите-ли вотъ шкандалъ совершили... За кой чортъ, это вотъ, вы къ каспадинъ Богреновъ приставали?

А Багряновъ между тѣмъ послалъ къ себѣ за пистолетами и сѣлъ писать къ Нинѣ Александровнѣ. Тяжело бы-

ло у него на душѣ. Передъ утромъ онъ легъ въ постель, но только слегка забылся, и когда въ семь часовъ Ольховцевъ вошелъ къ нему, онъ уже засталъ его совершенно одѣтымъ.

VIII.

Дубовая роща, которую Багряновъ выбралъ мѣстомъ для поединка, отстояла не далѣе версты отъ усадьбы Боярскаго. Позади ея тянулся лугъ, мѣстами заросшій кустарникомъ. Когда Багряновъ съ Ольховцевымъ и Клешманомъ пришли на мѣсто, солнце стояло довольно высоко на чистомъ небѣ. Иней уже пропалъ, но трава блестѣла еще не высохшими росинками и въ воздухѣ чувствовалась рѣзкая свѣжесть недавняго утренника.

— Чудное утро, это видите-ли вотъ, сказалъ Клешманъ, садясь на толстый пень,—сувсѣмъ не время, это вотъ, другъ друга посылать ad patres!

— Ну къ чорту вашу латынь, можетъ и безъ этого обойдется, возразилъ Ольховцевъ, — много что вамъ практику доставятъ.

— Никакой, это вотъ practick миné не нужно это вотъ! воскликнулъ добрый нѣмецъ, — и Богъ это вотъ съ ней! Скверный человѣкъ это, видите-ли вотъ, этотъ поручикъ...

— Николай Александрычъ, подите-ка сюда, сказалъ Багряновъ.

Ольховцевъ подошелъ.

— Все вѣдь можетъ случиться... Пожалуста, если этотъ негодяй убьетъ меня, передайте письмо по адресу.

— Больше ничего?

— Ничего. Близкихъ родныхъ у меня нѣтъ, а къ имѣнію моему наслѣдники отъищутся сами.

Вдали показался плотный поручикъ со своимъ секундантомъ, долговязымъ блондиномъ.

— Извините... проспали, сказали они подходя.

Багряновъ промолчалъ. Онъ былъ спокоенъ. Лицо его невы-

ражало никакой тревоги, только темные круги около глазъ свидѣтельствовали о проведенной имъ безсонной ночи.

Ольховцевъ съ блондиномъ зарядили пистолеты, обозначили воткнутой вѣткой барьеръ, и развели противниковъ.

Дрогнуло сердце у бѣднаго Клешмана. «Чортъ эдакой-хоть-бы промахнулся!» бормоталъ Ольховцевъ, непріязненно глядя на поручика, и нетвердымъ голосомъ сказалъ:

— Сходитесь.

Поручикъ торопливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; Багряновъ остался на мѣстѣ съ опущеннымъ пистолетомъ.

Блондинъ ударилъ въ ладоши,—поручикъ выстрѣлилъ. Пуля задѣла ногу Багрянова и, пролетѣвъ съ заунывнымъ свистомъ, ударилась въ дерево. Ольховцевъ подскочилъ къ Багрянову.

— Вы ранены? взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ его.

— Царапина! улыбаясь отвѣчалъ Багряновъ. Ему вдругъ стало легко. То-же чувствуетъ человѣкъ послѣ минутнаго, сильнаго страха.

— Ну слава Богу! (Николай Александровичъ на́-скоро перевязалъ ему платкомъ ногу). Къ барьеру, милостивый государь! грозно крикнулъ онъ поручику.

Измѣнилось лицо послѣдняго: онъ поблѣднѣлъ и нетвердыми шагами пошелъ къ воткнутой вѣткѣ.

— Вы не отказываетесь отъ своей лжи? холодно спросилъ его Багряновъ.

— Я не лгалъ—это правда, глухо отвѣчалъ поручикъ.

Багряновъ поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлить ему въ лобъ. Между ними было не болѣе шести шаговъ. Невольная жалость пробѣжала по лицамъ присутствующихъ. Поручикъ инстинктивно закрылъ глаза и легкая дрожь начала подергивать его члены. «Хоть-бы скорѣе!» мелькнуло у него въ головѣ.

Багряновъ опустилъ пистолетъ.

— Откажитесь! Вы были вчера пьяны и передали пошлую сплетню—вотъ и все.

— Не откажусь! съ энергіей отчаянія вскричалъ поручикъ. — Отвяжитесь отъ меня... Бейте меня какъ тетерева, если хотите... самъ виноватъ—промахнулся, злобно добавилъ онъ. (У него съ утра ужъ было закачено для опохмѣленія и храбрости).

Багряновъ сталъ цѣлить медленно, сначала въ грудь, потомъ въ лобъ. Страшно поблѣднѣлъ поручикъ; свѣтлое кольцо пистолетнаго дула было прямо передъ его глазами.

Чрезъ нѣсколько секундъ Багряновъ снова опустилъ пистолетъ.

— Одумайтесь, сказалъ онъ, — мы съ вами незнакомы. За что пристали вы ко мнѣ вчера и оклеветали женщину? Сознайтесь въ своей винѣ!

— Нѣтъ и нѣтъ,—стрѣляйте!

— Господинъ Багряновъ! Здѣсь кажется не мѣсто проповѣдывать... Стрѣлять такъ стрѣлять! Вы и то нарушили правила дуэли, цѣлясь такъ долго, горячо замѣтилъ блондинъ.

Багряновъ искоса, съ ироніей взглянулъ на него.

— Вы не хотите-ли поучить меня этимъ правиламъ на пяти шагахъ?

Таушевъ замялся.

— Моя обязанность какъ секунданта, пробормоталъ онъ.

— Ну извольте! и Багряновъ быстро поднялъ пистолетъ.— Вина не моя! Поручикъ вздрогнулъ и началъ бормотать какія-то слова. Свѣтлое кольцо опять сверкнуло передъ его глазами. Прошла секунда томительнаго ожиданія. Багряновъ отвелъ вдругъ пистолетъ въ сторону, и выстрѣлилъ на воздухъ.

— Жизни вашей мнѣ не надо, милостивый государь,—я отплатилъ вамъ за обиду нѣсколькими тяжелыми минутами, которыхъ я надѣюсь вы долго не забудете,—съ меня этого довольно. Вѣроятно мы больше съ вами не встрѣтимся! Багряновъ поклонился и отошелъ къ Ольховцеву и Клешмаву, которые крѣпко пожали ему руку.

— Подарковъ вашихъ мнѣ не нужно! Это все эффекты! Я могу требовать новаго поединка, вскричалъ поручикъ.

— Нѣтъ ужъ это до другаго раза! холодно возразилъ ему Багряновъ.

— Оставьте-ка насъ, сказалъ поручику Ольховцевъ, — и безъ васъ дѣло есть—надо вотъ ногу перевязать. — Экъ ему пули-то захотѣлось! пробормоталъ онъ.

Поручикъ процѣдилъ что-то сквозь зубы и пошелъ къ дому вмѣстѣ съ блондиномъ.

— Надо смотрѣть это васъ... Всѣ смотрѣть это вотъ... Минѣ необходимо сондировáть видите-ли вотъ, сказалъ докторъ, усаживая Багрянова на пенёкъ и роясь въ своемъ хирургическомъ несессерѣ.—О небольшой отверстіе, это вотъ... Скоро совсѣмъ здоровéлъ, это вотъ... Но нужно беречь постель дня два это вотъ,—лихорадочное состояніе можетъ, это видите-ли вотъ, быть.

— Я сегодня домой уѣду, сказалъ Багряновъ.

— Ну и гдѣ-же это возможно! Я вамъ ногу забинтовать буду и вамъ лечь надо, это вотъ.

— Какъ хотите, а я уѣду; не ловко-же мнѣ оставаться въ чужомъ домѣ...

— Экой вздоръ! вскричалъ Ольховцевъ.

— О да! Это вотъ пустяки, совершенные пустяки!

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ Николай Александровичъ,— что и докторъ здѣсь есть... Впрочемъ васъ вѣрно и не отпустятъ.

На тропинкѣ показался Боярскій. Онъ шелъ торопливо, размахивая руками. Издалека еще онъ кричалъ:

— Скотъ! Мерзавецъ! И въ моемъ домѣ!—Благодарю васъ, рѣзко сказалъ онъ Багрянову,—вы поступили какъ благородный человѣкъ, защитивъ женщину... жаль только что честь моей жены затронута въ этомъ дѣлѣ.

Въ голосѣ его слышалось раздраженіе.

— Я защищалъ себя, Борисъ Яковличъ, отвѣчалъ Багряновъ;—супруга ваша такъ высоко поставлена, что честь

ея не нуждается въ защитѣ отъ нападеній какого-нибудь пьянаго негодяя!

— Все-таки говорить будутъ... первая эта дрянь Шамшева...

— А вамъ-то что, вмѣшался Ольховцевъ, — плюньте, и баста! На всякое чиханье не наздравствуешься! Вы думаете про васъ не скажетъ она, что вчера вы въ лоскъ лежали?

Аргументъ подѣйствовалъ: Боярскій замолчалъ.

— Лучше вотъ уговорите Александра Петровича остаться у васъ,—докторъ не позволяетъ ему ѣхать.

— О да, всеконечно это вотъ!

Борисъ Яковлевичъ слегка нахмурился.

— А что ваша рана, Александръ Петровичъ?—Не опасна? обратился онъ къ Клешману.

— О нѣтъ... Дня два беречь постель и хоть пляши это вотъ!

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите господа, а я уѣду—дѣла много, возразилъ Багряновъ.

— Оставайтесь, милости просимъ, сказалъ наконецъ Боярскій.

— Надо остаться, все непремѣнно, это вотъ.

— Если такъ, благодарю васъ, Борисъ Яковличъ, я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ.

Когда рана была перевязана, Багрянова довели до дому и уложили въ постель.

Оставшись съ Ольховцевымъ, Багряновъ спросилъ:

— Кто могъ разсказать Боярскому о вчерашнемъ происшествіи?

— Кому больше какъ не Баклаеву,—извѣстно старая баба—подлиза!

— А вѣдь Боярскій не доволенъ?

— И очень... Я по лицу его замѣтилъ,—рожа еще скверне стала! Возьмите-же письмо; теперь оно, слава Богу, не нужно.

— Сожгите его, Николай Александровичъ.

Ольховцевъ засвѣтилъ свѣчу и сжегъ письмо.

Къ вечеру у Багрянова открылась небольшая лихорадка: сдѣлался жаръ и головная боль. Тревожимый безпокойствомъ о Нинѣ Александровнѣ, волнуемый разными безпорядочными мыслями, онъ долго немогъ заснуть,—кровь такъ и стучала ему въ голову. То чудилось ему что ранилъ онъ поручика въ желудокъ и изъ желудка вылѣзаетъ Борисъ Яковлевичъ недовольный, злой, и кричитъ ему: «зачѣмъ вы, милостивый государь, меня освободили? Кто далъ вамъ право распоряжаться чужими желудками?» То казалось ему, что онъ присутствуетъ на сватьбѣ Нины Александровны съ долговязымъ блондиномъ. «Опять проклятый распорядитель!» думается ему. «Постой-же голубчикъ!» но Нина Александровна простираетъ къ нему руки и говоритъ: «я люблю его, оставьте!» и всѣ гости, все окружающее кричитъ и пищитъ: «она любитъ его,—вы были прежде только ширмами!» Холодный потъ прошибаетъ Багрянова, волосы становятся у него дыбомъ; онъ замахивается на блондина, но тотъ увертывается и, обнявъ невѣсту, сквозь разверстый потолокъ начинаетъ подниматься къ небу, окруженный сіяніемъ. Гости смѣются, Багряновъ хочетъ подняться за невѣстой, но помѣщикъ, съ концентрической прядкой волосъ на лысинѣ, держитъ его за фалды. «Пустите!» неистово кричитъ Багряновъ, силясь освободиться, «она моя!»—«А выкупная операція... дадите ей ходъ?» пристаетъ помѣщикъ.—Не могу! отвѣчаетъ Багряновъ и, обращаясь къ прочимъ гостямъ, начинаетъ ихъ увѣрять что все это вздоръ, что Нина любитъ его одного. Хохотъ становится громче, Багряновъ сердится, и въ изступленіи нападаетъ на гостей; но они исчезаютъ и онъ вдругъ видитъ себя окруженнымъ множествомъ мышей... Онъ выбѣгаетъ на улицу... Прямо надъ нимъ бѣлое облачко тихо спускается на землю. «Мой милый!» тоскливо говоритъ оно, «Спаси... я твоя Нина!» Багряновъ бѣжитъ, жадно простираетъ къ ней руки, падаетъ и не можетъ подняться. Облачко спускается и подъ его легкой дымкой онъ видитъ Нину всю въ бѣломъ, улыбающуюся,

счастливую. Багряновъ замираетъ отъ восторга. «Милый мой!» страстно шепчетъ она ему въ уши... Онъ чувствуетъ ея дыханіе, все ближе, ближе... наконецъ, о Боже, губы ея коснулись его лба... онъ ощущаетъ горячій поцѣлуй... сладкій трепетъ охватываетъ все его существо... «Нина!» восклицаетъ онъ, силясь приподняться... и просыпается... Протираетъ глаза... и не можетъ придти въ себя: сонъ на яву! Передъ нимъ Нина, въ бѣломъ пеньюарѣ, улыбающаяся, любящая...

— Вы... здѣсь! воскликнулъ онъ, быстро приподнимаясь.

— Вы ранены! возразила Боярская.

— Но... какъ вы рѣшились?

— Когда я объ этомъ узнала,—сердце сказало мнѣ что я ваша!

— Боже мой! въ упоеніи счастія вскричалъ Багряновъ, цѣлуя ея руки,—такъ вы любите меня?

— Еще-бы! Я слишкомъ по-надѣялась на себя... Думала, безумная, что есть возможность разлюбить тебя!

Она впервые говорила ему «ты». Незнакомое чувство овладѣло имъ. Ему казалось будто что-то живительное разлилось вдругъ по его тѣлу.

— А я думалъ что ты не полюбишь меня! сказалъ Багряновъ, въ страстномъ увлеченіи крѣпко сжимая ея руки и усаживая возлѣ себя.

— Не вслѣдствіе-ли разговора съ дядей?

— Да. Слова его убили во мнѣ всякую надежду... Я увѣрился, что ты считаешь меня за безумца!

— Я?! съ улыбкой воскликнула она, положивъ ему руки на плеча, и глядя прямо ему въ глаза. — Послѣ всего что случилось сегодня?.. О, ты не знаешь какъ я люблю тебя!

Беззавѣтная страсть звучала въ этихъ словахъ.—Мужъ, мнѣніе свѣта, свои собственныя убѣжденія, предостереженія Лишина, — все было забыто! Безъ воли, безъ мысли, помимо самой себя, отдавалась Боярская той неотразимой волнѣ, которая увлекала её... Все, что пережила она до сихъ поръ, что вынесла въ теченіи пяти лѣтъ, тяжкая семейная

жизнь, неудовлетворенная молодость, тоска ея, ея тайныя слезы—все это слилось теперь въ одно безпредѣльное желаніе, въ одно всепоглощающее чувство: любить, любить безъ конца!

— Да, ты незнаешь, продолжала она шопотомъ, но съ увлеченіемъ неудержимымъ, — ты не можешь понять, что́ вдругъ совершилось во мнѣ съ сегодняшняго утра... я какъ бузумная... Я даже мысленно не могу оторваться отъ тебя... я вся проникнута тобой, мой милый!

Она обвила его шею руками и положила голову на его плечо. Сердце ея билось у его груди; ея мягкіе, душистые волосы скользили по его лицу; ея воспаленное дыханіе жгло ему щеку. Кровь разгаралась въ немъ отъ прикосновенія этаго молодаго, гибкаго тѣла...

— Нина! задыхающимся голосомъ промолвилъ онъ, тихонько приподнимая ей голову и устремляя въ самую глубь ея глазъ свои сверкавшіе глаза. — Блаженство мое, жизнь моя!.. Повтори... о повтори еще разъ, что ты любишь меня!

Онъ привлекъ её къ себѣ, и губы ея дрогнули отъ прокосновенія его горячихъ, трепещущихъ губъ.

— Я не могу жить безъ тебя, Нина, говорилъ Багряновъ въ какомъ-то опьяненіи счастія,—я твой на вѣкъ... Любовь твоя, подобно яркому, золотому лучу мѣсяца, случайно скользнувшему въ подземную тюрьму, озаритъ тотъ тяжелый мракъ, въ которомъ я до сихъ-поръ находился; она вынесетъ меня на своихъ лазурныхъ крыльяхъ туда, гдѣ все молодо, свѣтло, гдѣ сіяютъ радость и счастье, гдѣ блаженство и вѣра!.. О говори... говори, мое божество... дай мнѣ наслушаться твоего голоса, дай мнѣ еще насладиться твоимъ признаніемъ!

— Такъ знай-же, сказала Боярскал,—что и я принадлежу тебѣ... Ты всегда будешь единственнымъ владыкой моего сердца... Съ этимъ чувствомъ я никогда неразстанусь... даже... еслибы ты разлюбилъ меня; умру—въ гробъ унесу съ собой! Я твоя, твоя....

Она обхватила голову Багрянова обѣими руками, прижала

къ своей груди, и онъ почувствовалъ на волосахъ своихъ ея дыханіе, прикосновеніе ея губъ. Онъ выпрямился и взглянулъ на неё. Прекрасно было выраженіе ея лица, дышавшаго страстію, нѣгой самозабвенія и усталостью блаженства!

— Ты моя, говоришь ты Нина, промолвилъ Багряновъ,— моя на всегда? но чувствуешь-ли ты въ себѣ столько силы, чтобы рѣшиться?... Мы на распутьи: передъ нами двѣ дороги: старая и новая; надо которую нибудь выбрать!

Боярская слегка отшатнулась отъ него и задумалась.

— То есть ты хочешь чтобы я бросила мужа?

— Да, обманывать не въ моихъ правилахъ... А владѣть тобой я хочу одинъ, нераздѣльно... Я не могу дѣлиться съ другими, не могу согласиться на жалкую роль тайнаго любовника!

— Это страшно, Александръ, это опасно... прóпасть на концѣ этой дороги!

— Мы не дойдемъ до нея, мой ангелъ!

Она вздохнула, но ничего не отвѣтила.

— Ты не любишь меня! грустно сказалъ Багряновъ.

— Я-то?.. Да развѣ-бы я рѣшилась прійти сюда... ночью? Развѣ можно не любить человѣка, который первый оживилъ мое сердце, украсилъ мою невеселую жизнь... который показалъ дорогу къ счастію? Нѣтъ... я до самозабвенія люблю тебя, и счастлива этою любовью!

— А я не вполнѣ! Ты думаешь весело мнѣ слушать тѣ оскорбленія, которыя ты переносишь отъ мужа, тѣ намеки, которые начинаютъ сыпаться на наши головы? Ты думаешь не разрывается у меня сердце отъ ревности ?... Малѣйшая ласка, ничтожное вниманіе, которыя ты оказываешь другимъ, иногда даже по обязанности хозяйки, какъ острый ножъ врѣзываются мнѣ въ грудь... Отъ одной мысли, что ты принадлежишь другому, что я могу не владѣть тобой,— сжимается у меня мозгъ, изнываетъ душа! Неудержимая злоба, оскорбленная страсть, сомнѣніе, тоска, неизъяснимый страхъ—однимъ словомъ тысячи мученій грызутъ меня и

день, и ночь.... Это не можетъ такъ продолжаться... Ты должна быть моею вся, между нами недолжно быть никого!

Боярская вздохнула. Какое-то тяжелое чувство закралось вдругъ въ ея сердце, что-то томящее, непонятное заныло у нея въ груди.

— Страшно, мой милый! робко промолвила она.—Я должна вмигъ отрѣшиться отъ всего того, во что привыкла вѣрить, нарушить всѣ законы нравственности, глянуть стыду въ глаза! Мнѣ и теперь-то стыдно... Боже мой, что я дѣлаю!

— Слѣдовательно я ошибся.! съ легкой иронiей возразилъ Багряновъ, оставляя ея руки и отклоняясь отъ нея.—Вы боитесь препятствiй; любовь для васъ забава, игрушка! Нѣтъ! Я поглубже вашего зачерпнулъ её... она для меня жизнь и ее не вырвутъ изъ меня! Я не вернусь назадъ!

— Ну, а какъ ты меня разлюбишь, что тогда? спросила Нина, придвигаясь къ нему и заглядывая ему въ глаза.

Багряновъ усмѣхнулся.

— Ты не будешь уважать меня, ты сочтешь меня за... Нѣтъ—нѣтъ, ни за что! быстро сказала Боярская, закрывая лицо руками.

Багряновъ отвелъ ея руки: она плакала. На его лицѣ выразилось нетерпѣнiе; онъ отвернулся и сталъ смотрѣть куда-то въ сторону.

Боярская поспѣшно отерла слезы и съ судорожнымъ порывомъ бросилась ему на грудь.

— Прости... не сердись, заговорила она дрожащимъ голосомъ, — прости, милый! Я гадкая, глупая... Ну не буду— прости! и она сильнѣе и сильнѣе прижималась къ нему.

Все перевернулось внутри Багрянова. Тишина ночи, мягкiй полумракъ еле разсѣваемый туманнымъ свѣтомъ молодаго мѣсяца, женскiй запахъ тонкiй и теплый, ласково льнувшiй къ его разгорѣвшимся щекамъ, и эта молодая, прекрасная женщина вся въ бѣломъ, какъ призракъ, какъ волшебное видѣнiе, припавшая къ его груди, и эти влажные, нѣсколько отуманенные глаза, полуоткрытыя губы, волну-

ющаяся грудь — нѣтъ, это было уже слишкомъ! Замирая отъ страсти, весь проникнутый какой-то сладостной истомой, Багряновъ трепетными руками обвилъ стройный, гибкій станъ Нины и лицо ея запылало подъ его горячимъ дыханіемъ.

— Нина, Нина, шепталъ онъ въ какомъ-то бреду,—мой ангелъ...

Прошла минута.

— Нѣтъ, нѣтъ! вдругъ вскричала Боярская и, съ не женскою силою вырвавшись изъ объятій Багрянова, отскочила въ сторону; испугъ виднѣлся въ ея расширенныхъ глазахъ, все тѣло трепетало. Она прижала обѣ ладони къ своему пылавшему лбу и на нѣсколько секундъ какъ-будто замерла. Потомъ подошла къ Багрянову, поцѣловала его въ лобъ и, едва слышно проговоривъ: «прощай... милый! Я буду... твоею», тихо вышла изъ комнаты.

IX.

Багряновъ не спалъ всю ночь и не раздѣвался. Ему было и сладко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжело. Не скоро справился онъ съ нахлынувшими на него такъ внезапно, и такъ неосторожно высказанными имъ мыслями. «Зарвался, зарвался!» твердилъ онъ съ какимъ-то мучительнымъ ожесточеніемъ. Какъ человѣкъ умный и съ сердцемъ, онъ понималъ свой проступокъ, всю важность вырвавшихся у него въ минуты увлеченія словъ. Сначала на него нашло оцѣпенѣніе: долго не могъ онъ выбиться изъ-подъ одуряющаго гнета страсти; образъ Нины, обаятельный образъ, такъ и носился передъ его глазами. Онъ все еще чувствовалъ ея присутствіе; ему казалось, что возлѣ него звенитъ еще молодой, замирающій голосъ, что волосы ея обдаютъ его своей пахучей и мягкой волной, что губы его еще трепещутъ

отъ поцѣлуевъ... Голова его кружилась, разгоряченная кровь такъ и ходила въ немъ. Потомъ сознаніе, какъ молнія въ ночи, мгновенно озарило это тяжелое помраченіе. «Чего я требовалъ?» думалось ему. «Чего я жаждалъ?... Кинуться, очертя голову, въ омутъ, куда и заглядывать не слѣдовало?.. Къ чему, подобно камню брошенному въ тихій ручей, встревожилъ я .ея спокойствіе?.. Къ чему вырвалось у меня это страшное, безповоротное слово?»

Такъ разсуждалъ теперь Багряновъ, а вчера, не далѣе какъ вчера, когда любовь Нины являлась ему какъ отдаленный, мерцающій во мракѣ огонекъ, когда онъ страшился, чтобы огонекъ этотъ не потухъ,—онъ жаждалъ одного: чтобы поскорѣй эта сдерживаемая страсть пробилась и вырвалась наружу, чтобы эта молодая жизнь довѣрчиво отдалась ему. Тогда онъ твердо вѣрилъ въ необходимость избавить Нину отъ гнета мужа, мечталъ и думалъ о томъ, какъ умчатся въ невѣдомую даль ихъ двѣ, на вѣкъ соединенныя, жизни... И вотъ: неожиданно нахлынуло на него это счастіе... «Я буду твоею» прошепталъ ему сладостный голосъ, и рѣшимость Багрянова вдругъ ослабѣла... Отчего?... Оттого что высказалась наконецъ эта страсть, нить перерублена, и какъ что-то неизбѣжное, неотразимое, предстала ему созданная имъ будущность.. И Багряновъ, можетъ-быть впервые, почувствовалъ (и какъ почувствовалъ!) какъ тяжело перейти отъ теоріи къ практикѣ, какъ фраза можетъ иногда сгубить человѣка!

«Однако-жъ я не лгалъ» думалось ему «когда высказывалъ свои убѣжденія, когда желалъ имѣть Нину нераздѣльно?... Я искренно вѣрилъ тому что полное счастіе возможно только при этомъ условіи... Отчего-же теперь это колебаніе?»

А оттого что тогда были фразы, а теперь дѣло; Багряновъ самъ обманывался, увлекаясь въ пылу страсти своими теоріями, и позабылъ что у жизни есть свои неизбѣжныя, неотразимыя...

«Вернуться назадъ?..» Послѣ всего того что онъ высказывалъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ краснорѣчиво, такъ упорно, послѣ того что онъ дошелъ уже до той точки, гдѣ жизнь должна угаснуть или переломиться на двое, — сознаться въ своемъ безсиліи, въ томъ что это былъ только одинъ дымъ, разсѣваемый легкимъ дуновеніемъ вѣтра—это было-бы ужасно!

«Что-же дѣлать?.. Что дѣлать?» мучительно спрашивалъ онъ себя.—«Бѣжать съ ней?.. А скандалъ?.. А глупая роль въ случаѣ неудачи... насмѣшки свѣта?.. Да и увѣренъ-ли я что разорвавъ всѣ связи Нины съ прошедшимъ, потребовавъ отъ нея столькихъ жертвъ, я сдѣлаю ее счастливою не заставлю ее раскаяться?»

Но не самъ-ли онъ предложилъ Нинѣ этотъ роковой выборъ? Не самъ-ли подвелъ ее къ этому распутью? И теперь, когда онъ выпалъ почти такъ какъ ему хотѣлось, онъ задаетъ себѣ вопросъ: «что дѣлать?»

«Разстаться» шепчетъ Багрянову другой голосъ «не видавшись съ нею». Но тутъ у него защемило въ сердцѣ и лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ оттолкнулъ отъ себя эту ужасную мысль и недоумѣвающій, изнеможенный кинулся лицомъ въ подушку. Глухо и темно было вокругъ него. Онъ не могъ даже дать себѣ отчета въ томъ, что за возня происходитъ у него внутри. Онъ терялся въ этомъ хаосѣ сложныхъ, запутанныхъ чувствъ, въ этой гнетущей полутьмѣ. Онъ зналъ только одно, что жизнь его сорвалась съ якоря и что трудно снова забросить его.

Багряновъ попытался было спросить самого себя: «да точно-ли я такъ люблю её? Не старался-ли я только убѣдить себя въ этомъ?» и еще неуспѣлъ отвѣтить какъ уже изъ какой-то невѣдомой дали, изъ какой-то мглистой глубины возникъ вдругъ передъ нимъ плѣнительный образъ Нины съ безмолвною страстью въ неотступно глядѣвшихъ глазахъ, съ жаромъ нѣги на трепещущихъ устахъ... И вспомнились Багрянову недавнія мгновенія... и страстный шепотъ, и горячее дыханіе и душистые волосы... Сверкну-

ли передъ нимъ, какъ-бы въ туманѣ, блестящія плечи... и снова горячей струей влилась въ него неутолимая жажда любви, жажда блаженства и счастія...

Долго такъ еще мучился Багряновъ; долго, какъ птичка въ клѣткѣ, билась его истерзанная мысль... Передъ утромъ онъ успокоился наконецъ; но рѣшеніе еще не созрѣло, якорь небылъ еще заброшенъ....

Около полудня зашелъ къ Багрянову Клешманъ.

— Ну что это вотъ... какъ? началъ онъ, усаживаясь на кровать. — Какой вы блѣдный, это вотъ... послушайте минѣ... а? И глаза это не хорошіе... Вы дурно ночь проводили, это вотъ?

— Не хорошо, отвѣчалъ Багряновъ.

— Дайте мнѣ, пульсъ, это вотъ... Лихорадочный... Я вамъ буду прописать микстурку, это вотъ.

— Нельзя-ли безъ нее?

— Фуи-й это вотъ, фуи-й это вотъ! Послушайте минѣ... Точно ребѣнки, это вотъ! Она нисколько не притóрна, это вотъ, и добрый нѣмецъ грузно захохоталъ. —Ну-съ, хорошо-съ... А нога, это вотъ?.. Гм, гм... Надо чаще компрессъ мѣнялъ, это вотъ... и чтобы спокойный духъ это, видите-ли вотъ, Александръ Петровичъ...

— Можно? послышался изъ-за дверей голосъ Ольховцева.

— Войдите, войдите, отвѣтилъ Багряновъ.

— А! и эскулапъ здѣсь... ужъ пачкаетъ! вскричалъ Николай Александровичъ, обнимая сзади Клешмана и здороваясь.

— Зачѣмъ обниманіе, это вотъ, проговорилъ онъ отстраняя Ольховцева рукой, — Бáбье прывичка, это вотъ! Sie stören, это вотъ...

— Экъ васъ перевернуло! обратился Николай Александровичъ къ Багрянову.—Лихорадка?

— Есть немножко.

— Ну теперь это отлично̀ это вотъ... S'gut, проговорилъ докторъ, завязывая ногу Багрянова и закрывая её одѣяломъ.—А зачѣмъ ви нераздѣвался это вотъ?

— Да вѣдь я въ халатѣ.

— Это всѣ это надо снимать и лежать, это вотъ... Durchaus лежать, это вотъ. Ну теперь я пойду къ Нина Александровна...

— А что, она нездорова? спросилъ Багряновъ.

— Да... нервозное... разстройство это вотъ... Утомился вчера... на балъ, это вотъ.. Гм... Ну и исторія это видители вотъ... diese gemeine Geschichte...

Клешманъ вышелъ.

— Видѣли Боярскаго? спросилъ Багряновъ.

Ольховцевъ только рукой махнулъ.

— Что?

— Ну чего вы хотите отъ скота! Ходитъ у себя въ кабинетѣ, какъ волкъ въ ямѣ. Пробовалъ было я съ нимъ заговаривать,— мычитъ только да ногти грызетъ. Кирюшка сказывалъ мнѣ, что ужъ пятую хлопаетъ...

— Злится, видно.

— Да вѣдь причина-то подъ бокомъ. Агашка здѣсь.

— Неужели?

— Какъ во́ронъ налетѣла! Почуяла исторійку,—ну какъ-же не поразспросить да не посплетничать? Боюсь я только, что визитъ этотъ не пройдетъ Нинѣ Александровнѣ даромъ... Заваритъ эта вѣдьма кашу...

Сердце сжалось у Багрянова.

— Да неужто она на цѣлый день?

— А то какъ-же? Вѣдь и ей и лошадямъ лучше пузо-то даромъ набить... Пойдетъ еще больную утѣшать;—тьфу ты подлая какая!

Ольховцевъ плюнулъ.

— И Васька, бестія, продолжалъ онъ,—все около Боярскаго вертится, еще и этотъ подсахаритъ.

— Ну ему-то что...

— Да ему до всего дѣло есть.

— Знаете что Николай Александрычъ, напрасно я васъ послушалъ—остался здѣсь.

— А что?

— Меньше-бы сердился Боярскій... А теперь и Шамшева на эту тему что-нибудь изобрѣтетъ.

Ольховцевъ молча прошелся по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная Нина Александровна! грустно воскликнулъ онъ наконецъ. Послушайте, Александръ Петровичъ, остановился онъ передъ Багряновымъ;—Вы, можетъ-быть, замѣтили, что до сей минуты я не позволялъ себѣ даже намека на отношенія ваши къ Нинѣ Александровнѣ?

Багряновъ кивнулъ головой.

— Незамѣтить ихъ было нельзя, но я не имѣю привычки лѣзть туда куда меня не спрашиваютъ... хотя...

— Хотя? переспросилъ Багряновъ.

Ольховцевъ провелъ рукою по лбу.

— Хотя... мнѣ крайне больно было видѣть это—каюсь.

— Почему?

— Потому, Александръ Петровичъ, что я самъ люблю Нину Александровну!

— Вы? изумился Багряновъ.

— Да, я. Чему вы удивляетесь? Или вы думаете что я такъ таки и не способенъ влюбиться?

— Нѣтъ... но...

— Что я не рисовался своимъ чувствомъ? Не надѣвалъ на себя маски страдальца? Не выставлялъ свою влюбленную рожу на показъ другимъ?.. Это не въ моемъ характерѣ Александръ Петровичъ! Да и съ какого права сталъ-бы я преслѣдовать Нину Александровну?.. Сердце ея свободно; оно выбрало васъ,—я отретировался;—насильно милъ небудешь!—Смѣшно было-бы—послѣ небольшой паузы, все болѣе и болѣе впадая въ грустный тонъ, продолжалъ Ольховцевъ,—если-бы я вздумалъ дасадовать на васъ, мѣнять наши отношенія, потому только, что судьба сдѣлалась бла-

госклоннѣе къ вамъ нежели ко мнѣ! Это была-бы мелочность, не совсѣмъ даже честная по моему...

Багряновъ молча протянулъ ему руку.

— Я-бы никогда не затронулъ этого предмета, если-бы вы сами, передавая мнѣ письмо къ Нинѣ Александровнѣ, не удостоили меня вашего довѣрія, не посвятили меня нѣкоторымъ образомъ въ вашу тайну... Вотъ почему я позволяю себѣ высказаться...

— Пожалуста говорите.

— Прежняя жизнь Нины Александровны вамъ извѣстна; она не жила, а прозябала: сначала подъ гнетомъ матушки, потомъ подъ свинцовой лапой мужа... Она жаждетъ счастія! Теперь вы—ея надежда, опора, утѣшеніе... Дайте-же ей это счастіе, Александръ Петровичъ,—она заслужила, выстрадала его!

Багряновъ невольно взглянулъ на Ольховцева; въ немъ и тѣни не было прежняго, веселаго шутника: въ словахъ его звучала душевная сила, честное, глубокое чувство.

— Вы отвѣтите мнѣ, все болѣе и болѣе воодушевлялся Николай Александровичъ,—что вы любите Нину Александровну... — не сомнѣваюсь. Но вѣдь канитель долго тянуть нельзя, всему долженъ быть конецъ. Вы подумали-ли о немъ?

— Конечно! не совсѣмъ твердо отвѣтилъ Багряновъ. (Прежнее тяжелое чувство снова закралось въ его взволнованную душу).

— Что-же вы намѣрены сдѣлать?

— Освободить Нину Александровну изъ подъ власти мужа, уклонился Багряновъ.

— То есть увезти? настаивалъ Ольховцевъ.

— Да.

Николай Александровичъ прошелся по комнатѣ.

— Конечно, разсуждалъ онъ,—если только она этого желаетъ, вамъ больше дѣлать нечего... Тутъ два исхода: или соединиться, или разойтись.. Послѣдняго вы конечно не захотите?

— Понятное дѣло!

— Ну примите мой совѣтъ, Александръ Петровичъ: такъ или иначе, но распутывайте этотъ узелъ, не оставляйте долѣе Нину Александровну въ этомъ невыносимомъ, фальшивомъ положеніи.

— Да я только этого и жажду! воскликнулъ Багряновъ, у котораго, при одной только мысли о возможности разрыва, захолонуло сердце.

— Отвѣтственность, конечно, вы берете на себя большую: больше даже отвѣтственности мужа. Отрывая женщину отъ семейства, свѣта, положимъ хоть и дурацкаго, (извините, проврался!) но все таки свѣта, давая ей титулъ лю-бов-ни-цы, вы за всѣ эти жертвы обязаны осчастливить, успокоить её... такъ чтобы никогда малѣйшее раскаяніе не пришло ей въ голову... а это трудно, очень трудно!—Впрочемъ я-то съ чего разсказываю все это... вы конечно давно уже имѣли это въ виду, не разъ обдумали — иначе и сами-бы не увлеклись, да и Нину Александровну не перевоспитали-бы... Вѣдь ради того только, чтобы поразвлечься, такихъ вещей не предпринимаютъ!.. Ну однако я схожу, сдѣлаю маленькую рекогносцировку, до свиданія!

Въ дверяхъ Ольховцевъ столкнулся съ Лишинымъ.

— Безпутная голова! проворчалъ старикъ, — что у тебя глазъ нѣтъ? Куда полетѣлъ?

— Туда, гдѣ меня еще нѣтъ! Гуттъ-моргенъ, патріархъ!

Николай Александровичъ исчезъ.

— Здравствуйте, сказалъ Григорій Семеновичъ, подходя къ кровати,—каково вамъ?

— Ничего.

— Напугали-же вы насъ... Дрянь исторія... Теперь поди по всему городу звонятъ.... Жаль племянницу... Конечно дѣлать вамъ больше было нечего; не позволять-же, въ самомъ дѣлѣ, мерзавцу позорить честную женщину.. А. дѣло все таки скверно!—Послушайте, Александръ Петровичъ, нерѣшительно началъ старикъ, взявъ руку Багрянова;—можно поговорить съ вами откровенно?

— Еще-бы!

— Дѣло-то вѣдь не хорошо... опасное дѣло... Пожилъ я на свѣтѣ, довольно потерся между людьми, понимаю женщинъ... Скажите мнѣ по совѣсти: была у васъ Нина? спросилъ вдругъ Лишинъ.

Багрянова словно кто въ грудь толкнулъ.

— Нѣтъ! рѣзко отвѣтилъ онъ, а у самого сердце такъ и ёкнуло отъ этой лжи.

— Не бы-ла? протянулъ старикъ, пристально глядя на Багрянова.—Ну, такъ будетъ, повѣрьте мнѣ!

— Почему вы это думаете?

— Увѣренъ. Немного надо проницательности, чтобы понять послѣдствія вашей дуэли; узнавъ о ней, Нина чуть въ обморокъ не упала и, кажется, мужъ это замѣтилъ.

— Замѣтилъ, говорите вы? перебилъ его Багряновъ.

— Мудренаго ничего нѣтъ. Нина теперь просто обезумѣла, страсть охватила её всю... а вы легко поймете что въ подобномъ положеніи женщина на все способна. Прежде она была откровенна со мной, а теперь ни слова о васъ, точно и въ духáхъ не бывало, — первый признакъ, что дѣло серіозное. Разъ уже это тайна—шутить такимъ чувствомъ нельзя, да и не должно. Почему прежде Нина повѣряла мнѣ свои горести, опасенія, просила совѣтовъ? Потому что тогда она боялась своей любви, ея развитія; боялась измѣнить своему долгу, своимъ убѣжденіямъ, страшилась упасть въ ту бездну, къ которой шла такими быстрыми шагами. Сознавая свою слабость, Нина искала поддержки, дружеской руки, на которую она могла-бы опереться. Вотъ почему она обращалась ко мнѣ. Въ настоящее-же время она избѣгаетъ меня по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что словамъ моимъ она не можетъ сочувствовать — они противорѣчатъ ея теперешнимъ новымъ воззрѣніямъ, во вторыхъ: сознавая, что она не выдержала борьбы и махнула на все рукой,—такой свидѣтель какъ я, представляя собой какъ-бы живой упрекъ, не можетъ быть ей пріятенъ. Слѣдовательно вліяніе мое, если оно когда нибудь существовало,

стушевалось передъ вашимъ. Не знаю на чемъ вертѣлись ваши разговоры, какъ вы дѣйствовали, но убѣжденъ что нравственно Нина вся принадлежитъ вамъ, и не задумается при первомъ знакѣ вашемъ броситься въ ту бездну, которая открылась уже передъ ней. Вотъ, добрѣйшій мой Александръ Петровичъ, объ этомъ-то знакѣ я и хотѣлъ поговорить съ вами, сказалъ старикъ, сжимая руку Багрянова и дружелюбно заглядывая ему въ глаза.

— То есть, чтобы я не подавалъ его.

Лишинъ утвердительно кивнулъ головой.

— Но почему вы это думаете, почтеннѣйшій Григорій Семенычъ? Не напрасно-ли вы безпокоитесь?

— Ой нѣтъ, нѣтъ! замахалъ руками старикъ;—увѣренъ, увѣренъ! Я знаю характеръ племянницы; она какъ порохъ: нѣтъ искры и ничего, а поднеси только—ну и вспыхнетъ! Вѣдь она очертя голову поступаетъ: что выйдетъ изъ этого?.. Племянничка своего вѣдь я, слава Богу знаю: на всякую гадость пойдетъ! Ему что́, что она жена ему... не задумается на весь городъ обезславить, лишь-бы только месть свою насытить... а сценъ-то, сценъ до того, упаси Господи! Судите же сами: на что́ она идетъ?... Увезете вы её... Борисъ Яковличъ жалобу на васъ подастъ, что вы жену у него украли... васъ остановятъ и разлучатъ... Пойдутъ дознанія да слѣдствія,—скандалъ то какой! Для васъ это будетъ очень неблаговидно, а Нина, потерявъ свою репутацію, зачахнетъ съ горя!

Багряновъ невольно вздохнулъ.

— Да неужели онъ рѣшится на это? спросилъ онъ.

— Непремѣнно.

— Что-же онъ этимъ выиграетъ? Себя только опозоритъ!

— Онъ не считаетъ позоромъ обращаться къ закону; а выиграетъ онъ-то, что и вамъ и женѣ отмститъ.

— Обезславивъ ее, сдѣлавъ сказкою цѣлаго города?

— Это ему ни почемъ; и повѣрьте, Александръ Петровичъ, много найдется и такихъ подлецовъ, которые оправдаютъ его поступокъ!

— Эдакъ пожалуй ему плюху дадутъ, онъ и тутъ жаловаться станетъ?

— А вы думаете на дуэль вызоветъ?

Багряновъ задумался.

— Вы скажете, продолжалъ Лишинъ,—хорошо ему проповѣдывать, какъ не его касается... Нѣтъ батюшка, знаю я каково вамъ обоимъ, даже не ошибусь, если скажу, что мысли эти приходили уже вамъ въ голову и не весело вамъ было углубляться въ нихъ... Охъ ужъ этотъ балъ! всему онъ причиной... а тутъ еще дуэль—точно нарочно!

— Судьба видно! замѣтилъ Багряновъ.

— Да судьба-то скверная!—Послушайте мой милѣйшій, осмѣлюсь я вамъ сказать... вы только не разсердитесь...

— На васъ-то? что вы, Богъ съ вами, Григорій Семенычъ!

— Ну-съ такъ вотъ что, мой батюшка: въ дѣлахъ этихъ все отъ мужчины зависитъ; женщина не бросится ему на шею, коли онъ самъ того не захочетъ, ну и такъ далѣе... Поняли?

— Какъ не понять!

— Такъ до свиданія,—поправляйтесь скорѣе.

По уходѣ Лишина, Багряновымъ снова овладѣло мучительное безпокойство. Прежняя возня опять поднялась внутри его. Снова зашевелился въ головѣ его неотступный вопросъ: «что дѣлать?» и по прежнему не находилъ отвѣта. Все слышанное Багряновымъ отъ Ольховцева и Лишина не только не наводило его на какую нибудь опредѣленную мысль, но еще болѣе запутывало его. Къ тому-же положеніе Нины сильно озабочивало Багрянова: «онъ измучитъ ее своими сценами!» думалось ему, и воображенію его представлялось въ самыхъ яркихъ краскахъ все, что должна была вытерпѣть Боярская, что можетъ—быть она испытывала уже и теперь...

— Нина Александровна, вдругъ раздалось надъ самымъ ухомъ Багрянова. Онъ повернулся и увидѣлъ возлѣ себя лакея съ книгою въ рукахъ.

— Нина Александровна, продолжалъ посланный, прислали вамъ вотъ книжку, такъ какъ вамъ вѣрно скучно-съ, изволили они сказать.

Багрянову показалось это подозрительнымъ.

— Благодари, принимая книгу, сказалъ онъ лакею, и когда тотъ вышелъ, встряхнулъ её. Онъ не ошибся: изъ книги выпала записка.

„До сихъ поръ все благополучно, писала Нина,—мужъ былъ у „меня только на минутку; вечеромъ, когда онъ уляжется спать, — „жди меня, милый! Не видѣть тебя цѣлый день свыше силъ моихъ."

«Твоя Н.»

«Господи! Она съ ума сошла!» воскликнулъ Багряновъ, прочитавъ записку. «Придти ко мнѣ когда *онъ* дома! Долголи попасться... А тутъ еще Баклаевъ, Шамшева... И ничего не боится! Вѣдь это добровольно въ петлю лѣзть!.. Ну, ка́къ я ее теперь остановлю? Написать... подашь подозрѣніе, а не то и совсѣмъ попадешься... Просто ума неприложишь!»

Багряновъ перечиталъ записку и поторопился сжечь её; но какъ онъ ни безпокоился, какъ ни страшился близкаго свиданія, а все таки пріятное чувство тѣснилось къ нему въ грудь; чувство это было: польщенное самолюбіе.

День прошелъ кое-какъ. Заходилъ на нѣсколько минутъ Боярскій, сумрачный, злой, спросилъ Багрянова о здоровьи, поплевалъ на всѣ стороны и удалился. Стемнѣло. Подали свѣчи. Багряновымъ овладѣло волненіе ожиданія. Онъ тревожно прислушивался къ каждому шороху, къ каждому звуку. Но безпокойство его оказалось напраснымъ: пришелъ лакей съ другою книгою, какъ будто для перемѣны, и во вложенной запискѣ Нина увѣдомляла Багрянова, что такъ какъ мужъ сѣлъ съ какимъ-то пріѣзжимъ въ карты, то ни подъ какимъ видомъ она изъ гостинной отлучиться не можетъ и что-бы онъ не ждалъ её.

У Багрянова отлегло отъ сердца и, прочитавъ нѣсколько страницъ, онъ скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

X.

Дня черезъ три послѣ того, какъ Багряновъ поправился и уѣхалъ къ себѣ, Боярскій вошелъ въ комнату жены.

— Нина Александровна, сказалъ онъ, — я давно хотѣлъ поговорить съ вами. Скажите мнѣ: вы за дурака считаете меня?

Боярская поблѣднѣла, но промолчала.

— Вѣрно за дурака, коли думаете что я не вижу всѣхъ вашихъ шашней!

— Я не знаю о чемъ вы говорите, Борисъ Яковличъ, возразила она.

— Ты не знаешь? заревѣлъ Боярскій.—А за кого стрѣлялся Багряновъ?

— Вѣроятно за себя.

— Нѣтъ врешь... онъ стрѣлялся за тебя, за свою любовницу! Мнѣ этимъ ужъ всѣ уши прожужжали!

Боярская встала и, не сказавъ ни слова, хотѣла выйти изъ комнаты.

— Куда? вскричалъ Борисъ Яковлевичъ, схвативъ её за руку;—Ненравится? Отвѣчай: какъ смѣла ты нанести безчестіе мнѣ, твоему мужу, который изъ нищеты вытащилъ тебя, который тебя облагодѣтельствовалъ?

— Благодѣяніе теряетъ свою силу, когда имъ упрекаютъ! возразила ему Нина.

Боярскій промолчалъ, но лицо его побагровѣло.

— Оно и видно что съ краснобаемъ-то все сидишь—говорить выучилась! злобно сказалъ онъ, послѣ небольшой паузы.—Да вѣдь эти росказни не удовлетворятъ меня,—ты дѣло говори!

— Я противъ васъ невиновата.

— Стыда въ тебѣ нѣтъ! Любовника завела, рога мнѣ приставила, да еще невиновата!

Нина вспыхнула.

— Борисъ Яковличъ! дрожащимъ голосомъ начала она.— Вспомните прошлое... Вы насильно взяли меня изъ родительскаго дома... Только благодаря деспотизму матери, ея бѣдности, я сдѣлалась вашею женою... Мнѣ было восемнадцать лѣтъ; я жаждала свободы, любви... я жить хотѣла, Борисъ Яковличъ! Что-же дали вы мнѣ взамѣнъ этого? Тяжелое рабство? (До знакомства съ Багряновымъ она-бы не высказалась такимъ образомъ). Вмѣсто нѣжныхъ словъ я слышала брань, вмѣсто ласокъ—насмѣшки! Вмѣсто того чтобы научить меня любить и уважать васъ, вы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меня отталкивали, все болѣе и болѣе вооружали противъ себя! Вы думали, что когда у женщины есть наряды, экипажъ, роскошный домъ, — то этого съ нея и довольно? Что человѣкъ, доставившій ей все это, вправѣ уже лишать ее свободы, воли, счастія?.. Я долго молчала, Борисъ Яковличъ; пять лѣтъ несу я на себѣ гнетъ вашего деспотизма и развѣ слышали вы когда нибудь малѣйшій упрекъ, малѣйшую жалобу? Нѣтъ!.. Въ то время, когда вы, съ вашими друзьями, проводили веселые вечера, знаете-ли что дѣлала ваша жена? Она страдала, плакала и молилась... И какая-же награда ждала её по вашемъ возвращеніи? Брань, крикъ, и упреки въ моей бѣдности! Неужели-же послѣ этого я такъ виновна, что люблю Багрянова? Что сердце мое, такъ долго ждавшее пробужденія, наконецъ сказалось?

Жизнь дышала въ чертахъ Боярской. Она защищала свою любовь, какъ мать защищаетъ своего ребенка.

— Неблагодарная, бездушная женщина! кричалъ Борисъ Яковличъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Да какъ ты смѣешь такъ говорить со мной! Упрекать меня вздумала!.. Да я изъ тебя щепокъ наколю, въ бараній рогъ согну!.. Каково нахальство! Хоть-бы скрывала, а то такъ вотъ свое распутство и выставляетъ!

Нина поблѣднѣла.

— Грѣшно вамъ, Борисъ Яковличъ, такъ обижать меня! Я вамъ не измѣняла...

— Ну измѣнишь! возразилъ Боярскій, но уже нѣсколько тише.

— Пока я живу съ вами, этого не будетъ.

— Это еще что?

Нина промолчала.

— Не бѣжать-ли собираешься? Смотри! Я тебѣ такую масляницу задамъ что и не ожидаешь! Любовника твоего по судамъ затаскаю; на весь городъ сраму надѣлаю! Я— твой господинъ и глава, по закону,—помни!

Такъ начиналъ разыгрываться между супругами этотъ мотивъ въ разнообразныхъ варіяціяхъ. Боярскій ежеминутно бранилъ жену, придирался ко всѣмъ ея поступкамъ, дѣлалъ самые пошлые намеки на отношенія ея къ Багрянову. Съ послѣднимъ онъ обращался холодно, но довольно вѣжливо; въ этомъ случаѣ Борисъ Яковлевичъ дѣйствовалъ совершенно сообразно своему характеру.

Багряновъ держался осторожно; не смотря на просьбы и требованія Нины, онъ ѣздилъ изрѣдка въ Сосновцы, да и то съ короткимъ визитомъ. «Пусть вся эта исторія поуляжется» говаривалъ онъ Боярской «а тамъ увидимъ». Но подобные отвѣты не удовлетворяли её, домашняя жизнь со дня на день становилась для нея невыносимѣй; рѣдкія свиданія съ Багряновымъ еще болѣе усиливали ея женское нетерпѣніе.

Настала осень съ своими проливными дождями, съ завываніями вѣтра, съ короткими, пасмурными днями, и безконечными ночами. Жить въ деревнѣ становилось скучно, Боярскіе переѣхали въ городъ. Еще за нѣсколько дней до переѣзда, Нина упросила Багрянова пріискать себѣ квартиру по близости, и не зарываться въ деревнѣ; онъ конечно согласился, нанялъ квартиру и переѣхалъ. Но городская жизнь не походила на деревенскую. Здѣсь Багряновъ не могъ уже такъ часто видѣться съ Ниной наединѣ, не могъ

говорить съ ней по нѣсколько часовъ. Обстановка перемѣнилась: начались визиты, вечера... надо было опасаться нескромныхъ глазъ, количество Шамшевыхъ увеличилось.— Заѣдетъ Багряновъ утромъ: «въ магазинъ уѣхали», вечеромъ: «у такой-то на чашкѣ чаю.» На другой день навѣдываться казалось ему уже неловкимъ; попадались знакомые,—могли сплести, Богъ знаетъ что, на счетъ его частыхъ посѣщеній. Приходилось довольствоваться встрѣчами въ чужихъ домахъ, въ театрѣ... «Боже, какая мука!» твердилъ Багряновъ. Онъ сознавалъ что свѣтлые, безоблачныя дни любви отошли, что отношенія его къ Боярскому нарушены безвозвратно, что утраченное счастіе возможно только при другой обстановкѣ. Онъ жаждалъ прошедшихъ мгновеній, минувшаго блаженства; борьба и препятствія еще болѣе усиливали это желаніе. Но его пугала единственная, предстоявшая ему крайняя мѣра, и онъ невольно старался отдалять рѣшительную минуту.

Между тѣмъ въ городѣ О. начинали сильно поговаривать объ отношеніяхъ Нины къ Багрянову. Извѣстно что въ прозрачной провинціальной жизни тайнъ не бываетъ; престарѣлыя кумушки, эти столбы губернской сплетни, не только все видятъ насквозь, но даже догадываются, а тутъ еще дуэль, нахмуренное лицо Боярскаго, увѣренія Шамшевой... Всѣ положительно были убѣждены, что Багряновъ— любовникъ Нины, и говорили объ этомъ вездѣ, не стѣсняясь. Довольно было упомянуть которое-нибудь изъ этихъ двухъ именъ, чтобы вызвать болѣе или менѣе сильный намекъ: мужчины подтрунивали, дамы презрительно усмѣхались, а дѣвицы отворачивались самымъ невиннѣйшимъ образомъ и нарочно заговаривали о постороннихъ предметахъ. Борисъ Яковлевичъ все это видѣлъ, слышалъ, и злился втихомолку; все что накипало у него на душѣ, все что онъ не могъ высказывать — вымещалось дома на женѣ, да заочно на Багряновѣ. Между супругами поселилась не только полная холодность, но даже какое-то взаимное отвращеніе; давно забытые семейные дрязги, мелкія неудовольствія выплывали

теперь на сцену. Багряновъ изрѣдка, урывками узнавалъ отъ Нины о ея тяжкой семейной жизни; о перепискѣ и думать было нечего; онъ очень хорошо понималъ Боярскаго, зналъ что всякая записка—документъ, и что могъ значитъ подобный документъ въ рукахъ Бориса Яковлевича. Но онъ сознавалъ также и то, что роковой моментъ приближается, что надо наконецъ что-нибудь предпринять, на что нибудь рѣшиться....

Однажды, часовъ около девяти вечера, когда Багряновъ, чтобы разогнать нахлынувшія на него тяжелыя мысли, въ десятый разъ принимался за бумаги, у дверей его раздался звонокъ и потомъ разговоръ вполголоса. Онъ всталъ и заглянулъ въ гостинную: у двери, закутанная въ черный башлыкъ, подъ густой вуалью стояла женщина...

Багряновъ дрогнулъ.

Женщина сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу и подняла вуаль...

— Нина! вскричалъ Багряновъ и бросился къ ней.

Она упала къ нему на грудь и зарыдала.

— Нина, ангелъ мой... что съ тобой? говорилъ Багряновъ, усаживая её на диванъ и цѣлуя ея похолодѣвшія руки.

— Fermez la porte, всхлипывая сказала она,—j'ai beaucoup à vous dire.

Багряновъ заперъ дверь и взглянулъ на Боярскую. Глаза ея блестѣли страннымъ блескомъ, щеки и губы поблѣднѣли, а въ выраженіи ея лица было такъ много скорбнаго, горькаго, молящаго, что Багряновъ невольно задумался и сердце его защемила неизъяснимая жалость.

— Что случилось? встревоженно спросилъ онъ. — Какъ ты рѣшилась прійти сюда?

— Я на все рѣшилась... одна надежда у меня на тебя... Бери меня... дѣлай со мной что хочешь... вези куда хочешь— я твоя! съ спокойствіемъ отчаянія проговорила Боярская.

Холоднымъ лезвіемъ врѣзались эти слова въ сердце Багрянова. «Вотъ онъ, роковой моментъ!» мелькнуло у него въ головѣ, и онъ вдругъ почувствовалъ какое-то тяжелое, томительное замираніе, колебаніе и совершенное безсиліе.

— Въ домѣ у насъ адъ, продолжала она; — меня шпіонятъ... даже по ящикамъ ходятъ... люди передаютъ *ему* мои малѣйшія движенія... Ежеминутные упреки, сцены, оскорбленія... Нѣтъ! Я не могу долѣе выносить подобное униженіе!. Вырви, вырви меня оттуда! и бѣдная женщина, вся въ слезахъ, опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Полно, Нина... ангелъ мой, приподнимая и цѣлуя её говорилъ Багряновъ; но холодно звучали эти слова и не горячъ былъ поцѣлуй: неотвязчивая мысль и терзала и грызла Багрянова.

— Ты знаешь прошедшую сцену... Сегодня *онъ* перехватилъ мою записку, въ которой я просила тебя освободить меня изъ-подъ этого гнёта. Прищелъ ко мнѣ... ну ужъ чего тутъ и не было! Всѣ обидныя слова, самыя низкія названія, которыми только можно заклеймить женщину—градомъ посыпались на меня... «Я губернатору, жандармскому полковнику буду жаловаться!» кричалъ онъ,—«Начальство не допуститъ чтобы развратная женщина позорила честное имя дворянина,—меня не дадутъ въ обиду какому нибудь негодяю!» Я все молчала, но тутъ уже не выдержала; не помню, что сорвалось у меня съ языка, только онъ поднялъ на меня руку и еслибъ не дядя—Богъ вѣсть чѣмъ-бы это кончилось...

— Какъ! Онъ осмѣлился поднять на тебя руку... на тебя, мое божество! вскричалъ Багряновъ, и снова со всею силою нахлынула на него страсть и кровь прилила мгновенно къ его сердцу.

— Да, мой милый... но это ничего... я все перенесу, только люби... люби меня! съ неудержимымъ увлеченіемъ промолвила Боярская.

— Ангелъ мой... жизнь моя! шепталъ Багряновъ, страстно сжимая её въ своихъ объятіяхъ.

— Когда ты былъ боленъ, продолжала она, помолчавъ, —я думала: нѣтъ больше любить невозможно... а теперь я чувствую, осязаю, что съ каждымъ днемъ привязываюсь къ тебѣ все болѣе и болѣе... Съ каждой минутой становишься ты мнѣ дороже... Ты безгранично овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ... Только возлѣ тебя могу я дышать... Для тебя я готова на все: бросить мужа, пренебречь мнѣніемъ общества, своими убѣжденіями... За тобой я пойду на край свѣта, на стыдъ, на нищету, на все, на все! Пусть меня бранятъ, презираютъ—мнѣ все равно... лишь-бы ты только любилъ меня!.. Приказывай, требуй — я вся передъ тобой... я твоя!

— Договори-же, моя ненаглядная, изнывающимъ отъ блаженства голосомъ шепталъ Багряновъ, цѣлуя ея руки, лицо, шею,—скажи.... что ты отдаешься мнѣ...

— Теперь,.. нѣтъ! твердо сказала Нина, тихонько высвобождаясь и отдаляясь отъ него; — пока я не съ тобой, пока есть еще надо мной другая власть, я не могу быть твоею... Какъ ты́ не хочешь роли тайнаго любовника, такъ и я нежелаю принадлежать двоимъ въ одно и тоже время.

— Такъ ты не любишь меня!. вздохнулъ Багряновъ.

— Не люблю? (Она грустно усмѣхнулась) А чье вліяніе привело меня сюда? Чья власть руководитъ теперь моими дѣйствіями? Ты совершенно перевоспиталъ меня: я вся прониклась твоими идеями, взглядами, убѣжденіями... Я не колеблюсь... скажи чтобъ я осталась здѣсь на всегда—и я останусь!

Мучительно сжалось сердце Багрянова; тяжелымъ свинцомъ застыла кровь, прихлынувшая вдругъ къ его головѣ. Онъ не находилъ словъ въ отвѣтъ Боярской. Она постепенно все выростала и выростала въ его глазахъ, уничтожала его своимъ превосходствомъ.

«Вотъ до чего довелъ я эту женщину!» мелькало у него въ умѣ, «но могъ-ли я этого ожидать!» и какъ ребенокъ, котораго только что напугали, боится взглянуть на то, что привело его въ ужасъ, Багряновъ не рѣшался взглянуть

на Боярскую. А она сидѣла молча и пристально глядѣла на него. Едва замѣтная усмѣшка скользила по ея губамъ, но сердце ея было далеко отъ всякаго ироническаго настроенія: въ него проникла горечь. Казалось, что инстинктомъ страсти Нина отгадывала колебанія Багрянова, все то что происходило въ душѣ его.

Наконецъ онъ поднялъ голову и, встрѣтившись съ напряженнымъ взглядомъ Нины, невольно смутился. Но это было одно только мгновеніе: Багряновъ тотчасъ овладѣлъ собой.

— Да, это было-бы блаженство! воскликнулъ онъ, — не знать всѣхъ этихъ принужденій, тайныхъ, опасныхъ свиданій, злыхъ рѣчей, двусмысленныхъ улыбокъ! Боже мой, когда это кончится?.. Когда, замирая отъ восторга, я осмѣлюсь сказать: ты моя Нина?

Она молчала, потупя глаза.

—Но надо терпѣть, продолжалъ Багряновъ,—надо до времени переносить всѣ эти непріятности, быть осторожными...

Она взглянула на него нѣсколько удивленно и ждала.

— Надо все это хорошенько обдумать, приготовить деньги, добыть паспортъ... бѣжать не такъ легко какъ ты думаешь. Твой мужъ подастъ просьбу, насъ могутъ захватить на первой станціи, произойдетъ скандалъ... Подождемъ немного; какъ знать, обстоятельства перемѣнятся и мы обойдемся...

Онъ посмотрѣлъ на нее и вдругъ остановился. Нина была блѣдна, взглядъ неподвиженъ; во всѣхъ чертахъ ея лица какъ будто таилась какая-то глубокая, напряженная мысль, какое-то безнадежное, насильственное спокойствіе.

— Нина, другъ мой... что съ тобой? испуганно спрашивалъ Багряновъ, ласкаясь къ ней.—О чемъ ты задумалась?

— Такъ.... голова немного болитъ, промолвила она, голосомъ въ которомъ дрожали слёзы.

— Но отчего-же ты не отвѣчаешь мнѣ? Или ты безпокоишься о томъ, что у тебя тамъ дома?

Нина не выдержала и заплакала.

— Полно, полно, мой ангелъ... уговаривалъ её Багряновъ, — можетъ быть и не долго уже ждать намъ... О чемъ-же ты плачешь?

Онъ не зналъ, какія это слезы: онъ не зналъ, что это кровавыя слезы объ ускользавшемъ счастіи, грызущая скорбь о цѣлой обманутой жизни!

Боярская стала собираться.

— Куда-же ты? спросилъ Багряновъ;—посиди Нина.

— Нельзя, мой другъ; ты знаешь, какой за мной присмотръ. Я вѣдь тайкомъ ушла... Прощай! сказала она, откидывая вуаль;—прощай, милый!

Она повисла у него на шеѣ и зарыдала.

— Ну вотъ опять, Нина... опять слёзы! Что это какъ ты разстроилась! говорилъ Багряновъ, цѣлуя её. — Полно, мой ангелъ.

Она закрыла лицо платкомъ и старалась заглушить рыданія.

— Зачѣмъ я такъ люблю тебя! вдругъ, поднявъ голову, воскликнула она. — Зачѣмъ? — Прощай! сказала она, стремительно бросаясь къ нему на грудь и судорожно впиваясь въ него губами.—Прощай!... и торопливо, не оборачиваясь, Боярская вышла въ переднюю.

XI.

На другой день, утромъ, Багряновъ получилъ отъ Нины слѣдующее письмо:

«Не думала я чтобы вчера, въ послѣдній разъ, я видѣ«лась и простилась съ тобой, простилась на вѣки! Чтобы «все то́, что я лелѣяла въ продолженіи нѣсколькихъ мѣся«цевъ, могло рушиться такъ скоро, такъ внезапно! Боль«но, о какъ больно отрывать отъ сердца то́, что приросло «къ нему, съ чѣмъ оно сжилось, безъ чего существовать

«не можетъ!.. Но дѣлать нечего: намъ нужно разстаться....
«Это необходимо, это должно быть такъ... Глаза мои от-
«крылись; вчерашній день снялъ съ меня повязку; я поняла,
«какая бездна разлучаетъ насъ, какое множество препят-
«ствій мѣшаетъ нашему благополучію. Къ чему обманывать
«себя?.. Вѣдь намъ не бывать счастливымъ!.. Не съ твоею
«разсудительностію, не съ твоимъ характеромъ! Не бери на
«себя слишкомъ много, бѣдный другъ мой!.. Инстинктомъ
«чувства я разгадала тебя: ты рѣшителенъ, пока развязка
«еще далека, пока слова твои не требуютъ тотчасъ же
«примѣненія къ дѣлу; но, приближаясь къ этому моменту,
«ты дѣлаешься остороженъ, все взвѣшиваешь, обдумываешь,
«начинаешь колебаться. Намѣреніе казалось-бы и твердо,
«да силы-то не хватаетъ исполнить его!.. Ты не обманы-
«валъ меня, — ты самъ обманывался. Теоріи, развиваемыя
«тобой, ты старался довести до степени убѣжденій, но они
«были не твои, ты непрочувствовалъ ихъ до того что они
«вошли въ твою плоть и кровь. Нелюбя никогда я, кромѣ
«страсти, искала въ мужчинѣ характера, силы, непреклон-
«ной воли. Все это, мнѣ казалось, я нашла въ тебѣ; меня
«поразили и новизна твоихъ рѣчей, и смѣлость убѣжденій
«и стойкость характера; я увлеклась тобой, я воплотила въ
«тебѣ тотъ идеалъ, который преслѣдовало мое воображеніе...
«я преклонилась передъ твоею силою, которая, какъ мнѣ
«казалось, должна была сокрушить всѣ препятствія, опира-
«лась на нее... Я вѣрила тебѣ слѣпо; за тобой бы я по-
«шла хоть на край свѣта!.. Ты самъ конечно видѣлъ, какое
«огромное вліяніе ты имѣлъ на меня... Сначала я колеба-
«лась: трудно было мнѣ вдругъ отрѣшиться отъ прежнихъ
«взглядовъ, вѣрованій, убѣжденій, страшно вступить въ
«открытую борьбу со всѣмъ окружающимъ; но ты перевос-
«питалъ меня; послушная твоему голосу, съ слѣпой вѣрой
«въ тебя,—я рѣшилась. Вчера я отдавалась тебѣ вся без-
«завѣтно: «дѣлай со мной что хочешь, веди куда хочешь—
«я твоя!» говорила я тебѣ. И это не было одно мимолетное
«увлеченіе, вліяніе безъисходной страсти, желаніе вырвать-

«ся изъ подъ опеки мужа,—нѣтъ! Прежде чѣмъ вымолвить «это слово, много я передумала, многое выстрадала, со мно- «гимъ боролась.. Я пришла къ тебѣ не какъ неопытная «дѣвушка, а какъ женщина, обдумавшая свой поступокъ, «прочувствовавшая твои идеи, усвоившая ихъ... Пришла, «окрѣпнувшая въ своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, поддерживае- «мая вѣрой въ будущее... Пришла сказать тебѣ: «ты тре- «бовалъ жертвъ, желалъ чтобы я безраздѣльно принадлежала «тебѣ,—и вотъ, положа руку на сердце, безъ всякаго коле- «банія, безъ малѣйшаго сомнѣнія, я готова идти всюду за «тобой... на стыдъ, на нищету—на все! Что́ мнѣ была ре- «лигія, долгъ, доброе имя, передъ ожидавшимъ меня счасті- емъ!.. И я вѣрила этому счастію, ка́къ глубоко вѣрила!»

«Но золотыя мечты исчезли, радужныя надежды разсѣя- «лись какъ сонъ, какъ метеоръ... Все отошло, все умерло!

«Откинь въ сторону самолюбіе и сознайся: что перевос- «питывая другихъ, ты самъ невыдержалъ? Но я не виню «тебя; не всѣ выходятъ побѣдителями изъ борьбы, не всѣ «способны перешагнуть роковую черту. Многое не отъ насъ «зависитъ, многое совершается въ жизни вопреки нашей «волѣ. Фраза не есть еще дѣло, другъ мой!.. Я знаю: ты «любишь меня въ настоящую минуту горячо, искренно, но «во имя этой-то любви я и разстаюсь съ тобой; лучше сдѣ- «лать это теперь чѣмъ послѣ. Что-же было-бы еслибы, «понявъ твою натуру, я все таки настаивала-бы на нашемъ «соединеніи? Это была-бы навязчивость непростительная! «Со временемъ ты раскаялся-бы въ своемъ поступкѣ и, мо- «жетъ-быть, былъ-бы несчастливъ по моей милости! Боже «сохрани! Да я никогда не простила бы себѣ этого.... быть «въ тягость любимому человѣку—ужасно!»

«Не скрою отъ тебя: горько мнѣ оторваться отъ тебя, раз- «статься съ завѣтной мечтой; тяжко вернуться въ ту сре- «ду, отъ которой я начинала уже отвыкать... но рѣшеніе мое «неизмѣнно... Къ чему поддерживать силы безнадежно боль- «наго?»

«Прощай, Александръ! Не думай чтобы, отказываясь, я «могла сѣтовать на тебя, а тѣмъ болѣе полюбить другаго. «Я покончила съ надеждами, съ вѣрою въ возможность сча- «стія. На тебя я истратила всѣ силы моей души, тебѣ я «отдала все мое сердце;—у меня болѣе ничего не осталось... «Благодарю тебя за тѣ свѣтлыя мгновенія, которыми я такъ «недавно еще наслаждалась, за то счастіе, которымъ ты «надѣялся, но не могъ меня окружить. Мнѣ дорого въ на- «стоящую минуту и то, что разставаясь съ радужной меч- «той, я уношу съ собой хотя и скорбныя, но чистыя воспо- «минанія, сверкнувшія ненадолго въ моей мрачной, безот- «радной жизни!»

«Прощай на вѣки!»

«Н.»

Ну, а что-же потомъ? спроситъ, можетъ-быть, любопыт- ный читатель. А что бываетъ, когда вдругъ рушится вели- колѣпное зданіе, потрясенное въ своемъ основаніи? Или на его мѣстѣ возводится новое, часто даже лучше и красивѣе прежняго, или-же остаются развалины... Ихъ моютъ дожди, заноситъ снѣгъ и песокъ, а онѣ остаются все тѣ-же... и толь- ко годъ отъ году покрываются больше и больше мохомъ да плѣсенью....

ЛУЧЪ СЧАСТІЯ.

ЛУЧЪ СЧАСТІЯ.

(Изъ записокъ доктора).

Это было зимой 18.. года. Я только что вернулся изъ уѣзда, гдѣ вмѣстѣ съ исправникомъ производилъ осмотръ мертваго тѣла. Отъ ужаснѣйшей дороги меня всего исколотило, и потому я былъ крайне радъ войти въ теплую комнату, надѣть халатъ и расположиться за самоваромъ. Покуривая сигару и прихлебывая горячій чай, я помышлялъ уже о покойномъ ложѣ, какъ вдругъ рѣзкій звонокъ прервалъ мои мечтанія. Звонокъ вообще сильно дѣйствуетъ на насъ врачей, хотя слабостію нервовъ мы вообще не отличаемся, но дѣйствуетъ потому, что съ нимъ обыкновенно бываетъ неразлучно какое-нибудь приглашеніе, часто дальнее, или предписаніе отправиться туда-то. Въ настоящую минуту меня, иззябшаго, усталаго, колокольчикъ привелъ чуть не въ бѣшенство; я мысленно послалъ къ чорту докучливаго посѣтителя. «Какъ они провѣдали что я вернулся?» спрашивалъ я себя. И мнѣ вдругъ представился новый отъѣздъ, адская дорога, безсонная ночь...

— Докторъ! ради Бога помогите! раздался надъ моимъ ухомъ отчаянный голосъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ нѣкто Алешинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, съ которымъ я иногда встрѣчался въ обществѣ, но такой блѣдный, измятый, что я даже съ перваго раза его и неузналъ;— точно вышелъ человѣкъ только что изъ больницы послѣ продолжительной болѣзни.

— Лёвъ Сергѣичъ! что съ вами? Случилось что нибудь?

— Сжальтесь! Поскорѣй!.. Жена умираетъ!.. Господи! Господи!

И онъ, какъ безумный, закрывъ лицо руками, бросился на диванъ.

Я поспѣшилъ одѣться и мы отправились.

— Что съ вашей женой? спросилъ я его дорогой.

— Она родила, и теперь до того ослабѣла что съ ней постоянные обмороки... Скажите, докторъ, это не опасно? Не умретъ она? нѣтъ?

Я старался успокоить Алешина, а между тѣмъ велѣлъ нахлестать лошадь.

Наконецъ мы подъѣхали къ небольшому дому. Спутникъ мой быстро выскочилъ изъ саней и побѣжалъ на дворъ. Я за нимъ. На лѣстницѣ Алешинъ чуть не упалъ; онъ едва держался на ногахъ. Мы вошли въ темную переднюю; какая-то женщина подошла къ Льву Сергѣевичу и что-то шепнула ему:

— Докторъ! пойдемте... съ ней опять обморокъ... Ради Бога поскорѣй!

Онъ схватилъ меня за руку и, быстро пройдя двѣ комнаты, ввелъ меня въ спальню. На постели, какъ пластъ, лежала молодая, красивая женщина; смертная блѣдность покрывала ея осунувшееся лицо; трепетный полусвѣтъ лампады ложился легкими тѣнями на ея закрытые глаза и помертвѣвшія губы; темные, роскошные волосы, въ безпорядкѣ разбросались по подушкѣ и плечамъ.

Я видѣлъ, что мѣшкать нечего. Бабушкѣ велѣлъ продолжать тереть эфиромъ виски, грудь и пульсы больной, а горничной давать ей нюхать спиртъ. Алешинъ не допустилъ ее до этого: вырвалъ у нея изъ рукъ стклянку и всталъ на колѣни подлѣ жены. Невыразимое страданіе изображалось на его лицѣ.

— Докторъ! да что-же она глазъ не открываетъ? сквозь слезы спрашивалъ онъ.

Я написалъ рецептъ, послалъ въ аптеку, и началъ прикладывать компрессы изъ ледяной воды. Больная открыла глаза и обвела насъ тусклымъ взглядомъ.

— Лёва! милый! обратилась она къ мужу, и протянула ему свою ослабѣвшую ручку.—Докторъ! Я не умру?... Я еще молода... мнѣ жить хочется... Я такъ счастлива!

Глаза ея начали смыкаться. Я сказалъ Алешину что-бы онъ недозволялъ ей этого.

— Вѣра! Вѣрочка! Ангелъ мой, не засыпай... Не мучь своего Лёву... докторъ не велитъ.

— Они противъ моей воли закрываются.

Я поднесъ ей спиртъ, велѣлъ Алешину тереть ей виски и пульсы, а самъ переговорилъ съ бабушкой. Больная родила мертваго ребенка; положеніе ея было отчаянное: она каждую минуту могла впасть въ обморокъ съ тѣмъ что-бы уже болѣе не просыпаться. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я лекарства. Какъ ни привыкли мы врачи къ подобнымъ сценамъ, но мнѣ ей-богу было жаль эту бѣдную, красивую женщину, для которой такъ много было еще впереди, тяжело видѣть эту гибнущую молодую силу, нѣмое отчаяніе несчастнаго Алешина.

— Лёва, дружокъ мой, говорила больная,—если я умру... не забудь меня.. Вспомни, какъ мы любили другъ друга... Молись Лёва, милый... Папашѣ скажи чтобы онъ простилъ меня... Лёва! продолжала она, помолчавъ.—благослови меня... тѣмъ образомъ... знаешь...

Алешинъ снялъ съ своей шеи образокъ на цѣпочкѣ и перекрестилъ больную.

— Ручку свою дай... (Она поцѣловала ее) Докторъ! Вотъ опять замираніе тутъ... (Больная указала на грудь) да все спать хочется... Это не смерть? нѣтъ?

— Полноте, что съ вами!

— То-то... Вы мнѣ скажите... я хоть съ Лёвой прощусь...

Она любовно взглянула на мужа, который приникнувъ къ ея рукѣ, безмолвно глоталъ слезы.

— Ты, Лёвушка, не плачь... докторъ говоритъ, что ничего... Милый, не плачь!

Становилось невыносимо; у меня у самого схватывало горло. Больная снова сомкнула глаза, не смотря на наши просьбы. Вдругъ она судорожно вздрогнула и потянулась. Алешинъ съ ужасомъ взглянулъ на меня.

— Что это? задыхаясь спросилъ онъ.

— Трите её! Сильнѣй! отвѣтилъ я.

Больная слабо закинула голову; мы съ бабушкой переглянулись; она послала Алешина за льдомъ. Я приложилъ руку къ сердцу умирающей: едва замѣтное біеніе чувствовалось въ немъ, все рѣже и рѣже... Потомъ еще одно конвульсивное движеніе—и все было кончено!

Я пошелъ на встрѣчу Льву Сергѣевичу; увидя меня, онъ поблѣднѣлъ и весь затрясся.

— Что? Конецъ? прохрипѣлъ онъ.

Я молча сжалъ ему руку. Колѣна его подогнулись и онъ, какъ снопъ, повалился на меня.

Оставить Алешина въ подобномъ положеніи было-бы безбожно; я привелъ его въ чувство и предложилъ ему свои услуги,—онъ согласился. Мы вмѣстѣ вынесли покойницу и положили на столъ; поднялся вой и плачъ. Пришелъ священникъ, зажгли свѣчи, и началась паннихида. Подумаешь: какъ мало надо времени чтобы домъ, въ которомъ еще такъ недавно ключемъ кипѣла жизнь, превратился въ обитель унынія и скорби! — Алешинъ былъ покоенъ, не выронилъ ни одной слезы. Послѣ службы онъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, поправилъ складки ея платья, пригладилъ волосы, — и все это безъ малѣйшаго волненія, почти равнодушно. Потомъ простился со мной, ушелъ въ спальню и заперся.

На другой день утромъ я засталъ Алешина сидящимъ у стола, на которомъ лежала покойница. Онъ разсѣянно протянулъ мнѣ руку и просилъ удостовѣриться нѣтъ-ли признаковъ летаргіи.

— Она всегда боялась быть похороненной за-живо, пояснилъ онъ.

Я исполнилъ его желаніе и осмотрѣлъ покойницу. Черты довольно правильныя, густыя, темныя брови, немного завострившійся носъ, выраженіе лица кроткое, спокойное. Въ дѣйствительности смерти сомнѣнія не было: зеленоватый цвѣтъ кожи показывалъ, что разложеніе уже началось; я объяснилъ Алешину. Онъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Къ паннихидѣ собралось нѣсколько знакомыхъ, поднялись разспросы, неизбѣжные ахи да охи и, конечно, упреки доктору. Я уѣхалъ.

Во время похоронъ Алешинъ также ни разу неизмѣнилъ себѣ: всѣмъ распоряжался, по прежнему былъ равнодушенъ, молился разсѣянно, простился съ тѣломъ довольно хладнокровно, и только нѣсколько секундъ пристально вглядывался въ лицо покойницы, какъ-бы стараясь запомнить дорогія черты. На кладбищѣ самъ задернулъ саванъ, сухими глазами слѣдилъ за опускавшимся въ могилу гробомъ, и когда насыпь была уже окончена, обратился ко мнѣ:

— Ну, докторъ, теперь мнѣ дѣлать здѣсь больше нечего! Увезите меня куда-нибудь.

Къ вечеру у Алешина открылась горячка. Недѣли двѣ онъ былъ въ опасности, но молодость взяла свое, и вскорѣ онъ оправился. Я посовѣтовалъ ему просить четырехмѣсячнаго отпуска, куда-нибудь съѣздить, чтобы хоть не много избавиться отъ тяжелыхъ воспоминаній.

— А ея могила? возразилъ онъ мнѣ.—На кого я ее оставлю?.. Нѣтъ, нѣтъ!

Тутъ только впервые онъ заплакалъ, да такъ сильно, такъ страшно, что меня словно ножемъ рѣзануло по́-сердцу.

— Послушайте, сказалъ я ему;—четыре мѣсяца не вѣчность; надо-же вамъ успокоиться.

Наконецъ я его уломалъ и онъ уѣхалъ. Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ него изъ *** письмо и небольшую посылку. Алешинъ благодарилъ меня за участіе, за хлопоты во время его болѣзни.

..... „мнѣ думается "прибавлялъ онъ въ концѣ,—что вамъ не „безъинтересно будетъ узнать характеръ, не совсѣмъ обык- „новенной, женщины скончавшейся на вашихъ рукахъ, и нѣ- „которыя обстоятельства той счастливой жизни, которая про- „шла для меня безвозвратно.... Посылаю вамъ мои записки... „Они могутъ служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ „безразсудно надѣяться человѣку на что-нибудь продолжитель- „ное въ этой жизни, и какъ тяжко расплачивается судьба за „данное ею минутное счастіе!

„Жму крѣпко вашу руку и пр.

«*Л. Алешинъ.*»

Вотъ записки Алешина:

«*27 Марта.* Богъ-знаетъ для кого и для чего пишу я эти записки. Гоняться за литературною извѣстностью было-бы смѣшно въ моемъ положеніи, оправдываться не въ чемъ, а ждать сочувствія не откуда да и не для чего... Разсказомъ о своей разбитой жизни никого не удивишь, никого не тронешь! Міръ слишкомъ громаденъ и этоистиченъ чтобы заняться какою нибудь отдѣльною личностію. И знаменитости-то увлекаютъ за собой толпу только на время, а тамъ вниманіе ея отвлечется чѣмъ-нибудь другимъ — и все позабудется. Тѣмъ болѣе, какое ей дѣло до незначительнаго чиновника, его-же имя легіонъ, до неизвѣстной, потухшей жизни!.. Мало-ли кругомъ насъ скорби, муки, несчастій!.. Мало-ли возносится ежедневно къ небу, изъ этого міра юдоли, стоновъ, проклятій, воплей отчаянія!.. Не прислушиваться-же къ каждому вздоху, не слѣдить-же внимательнымъ взоромъ и плакать надъ каждою потухающею жизнью?—Человѣкъ въ мірѣ то-же что песчинка въ необозримой степи: исчезновеніе его такъ-же незамѣтно какъ и перемѣщеніе этого кусочка кварца. А между тѣмъ я пишу; меня тянетъ къ письменному столу, какъ въ убѣжище, гдѣ я могу забыться, отдѣлаться, хотя на время, отъ гложущей меня мысли. Мнѣ хочется вспомнить тѣ свѣтлыя мгновенія, которыя давно отлетѣли, воскресить въ памяти дорогой образъ, пожить прошедшимъ. Для меня все, что

касается минувшаго счастія, такъ близко, такъ дорого, что есть своего рода унылая прелесть припоминать его малѣйшія подробности. Тогда я точно переживаю ихъ... Мнѣ даже отрадно будить въ своемъ сердцѣ все прочувствованное тяжелое, скорбное, бередить подживающую рану. Для чего я это дѣлаю?... Хочется-ли мнѣ подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими минувшими впечатлѣніями, или просто дать вылиться переполненной чашѣ? Можетъ быть. Говорятъ: легче бываетъ какъ выскажешься.»

«Теперь я одинъ... Нѣтъ возлѣ меня моего ангела, который утѣшалъ и подкрѣплялъ меня, нѣтъ возлѣ меня горячаго, страстнаго сердца, моей Вѣры! Неувижу я болѣе ея цвѣтущаго, кроткаго личика, не приклонится ея кудрявая головка къ моему плечу, не обовьетъ она меня своими маленькими ручками! Некому повѣдать мнѣ свое горе, раздѣлить мою радость... одинъ, одинъ!»

«Впрочемъ, смѣю-ли я жаловаться на судьбу? Я былъ счастливъ, хотя и недолго, но счастливъ такъ какъ рѣдко кто бывалъ. Боже мой, какъ она меня любила, какъ изучила мой характеръ, какъ ухаживала за мной! Сколько ума, теплоты душевной, энергіи было въ этой женщинѣ! Что́ это было за дивное существо!... Теперь осталась мнѣ одна отрада: смотрѣть на ея портретъ да перечитывать ея письма... Я какъ возьму ихъ въ руки да углублюсь въ нихъ,—такъ милый образъ и возникнетъ предо мной, съ своей кроткой, добродушной улыбкой, съ своимъ глубокимъ, задумчивымъ взглядомъ... Боже! какое сокровище потерялъ я!»

«Однако что́-же это? Я хотѣлъ писать записки, думалъ хоть этимъ успокоюсь... Нѣтъ, видно надо погодить. На сердцѣ наболѣло такъ, что страшно прикоснуться къ близкому прошедшему. На душѣ пусто, тяжело. До завтра.

«*28-е Марта.* Проснулся рано,—не спится. Пересмотрѣлъ написанное мною вчера, и невольно усмѣхнулся: чудакъ! думалъ успокоиться! Успокоиться—значитъ забыть, а развѣ это возможно? Забыть, когда сознаешь, что жизнь переломилась, что въ будущемъ нѣтъ ничего, на чемъ съ отрадой могла-бы даже остановиться мысль!»

«Весенній вѣтерокъ тихо скользитъ въ мое открытое окно, шевелитъ гибкими вѣтвями плакучей березы. Яркое солнце плавитъ остатки почернѣвшаго снѣга, играетъ своими лучами на золотомъ куполѣ сосѣдней церкви. Не одной весной пахнетъ! Жизнь пробуждается... Кругомъ все счастьемъ, нѣгой дышетъ!... Не одинъ только снѣжный покровъ исчезаетъ отъ жгучихъ лучей благодѣтельнаго свѣтила,—бѣгутъ прочь всѣ тяжелыя заботы и мучительныя думы отъ возрожденія всей природы. Все ликуетъ, блаженствуетъ, обновляется...»

«Я одинъ только скорблю; не для меня этотъ пиръ весны! Не съ радостнымъ ожиданіемъ,—равнодушно представляю я себѣ какъ проглянетъ изумрудная травка съ желтыми цвѣтками, какъ распустятся зеленѣющія почки, какъ затрепещутъ въ атмосферѣ міріады насѣкомыхъ, какъ бойкія ласточки, игриво и рѣзко, станутъ разсѣкать пахучій воздухъ. Не для меня зальется въ глубинѣ лазореваго неба жаворонокъ своей переливчатою пѣснью, не для меня эти радостные звуки!»

«Еще больнѣе становится у меня на душѣ отъ этого ликованія, еще безотраднѣе мнѣ мое одиночество... Но довольно... Если я буду продолжать такимъ образомъ,—я никогда не допишусь до полнаго спокойствія. Я затѣялъ эти записки для того, чтобы воспоминаніями счастливаго прошлаго затмить горькую дѣйствительность, забыться хотя на время... И такъ къ дѣлу. Съ чего-же начать? Описывать дѣтство, школьную жизнь—не стоитъ. Поступленіе на службу... Да впрочемъ для чего хитрить съ самимъ собою: вѣдь надо-же сознаться, что *она*, одна *она* у меня въ мысляхъ, что я неспособенъ не только писать, но и думать о чемъ-нибудь другомъ. Стану говорить о *ней*, моей Вѣрѣ, о нашей блаженной, безвозвратно-погибшей жизни. Авось, подъ впечат-

лѣніемъ того, что еще недавно дѣлало меня такъ полно счастливымъ, утихнетъ это мучительное чувство, эта до боли сильная тоска...»

«Начну съ себя. Птица я неважная: судебный слѣдователь города В.; состояніемъ похвастаться не могу: пятьсотъ-шестьсотъ рублей дохода,—слѣдовательно въ перворазрядные женихи не только теперь, но и прежде не годился. Двѣнадцати лѣтъ лишился родителей, попалъ на руки опекуна и, не имѣя вліятельныхъ родственниковъ, долженъ былъ самъ прокладывать себѣ дорогу и извѣдать то, о чемъ понятія неимѣютъ тѣ у кого карманъ толстъ да протекція за плечами. Протянувъ нѣсколько лѣтъ лямку въ Петербургѣ, гдѣ жизнь была мнѣ уже рѣшительно не подъ силу, я назначенъ былъ наконецъ въ ***. Тамъ, къ величайшему моему удивленію, обрѣлъ я дальняго родственника въ лицѣ предсѣдателя гражданской палаты Николая Андреевича Баранъ-Голубицкаго. —Это былъ человѣкъ небѣдный, весьма надутый своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, самолюбивый, упрямый, воспитанный на мѣдные гроши. Николай Андреевичъ былъ вдовъ и имѣлъ только дочь, мою милую, незабвенную Вѣру, на которую возлагалъ всѣ свои надежды, то есть: разчитывалъ пристроить за богатаго или титулованнаго жениха. Голубицкій мнѣ сразу не понравился: его надменный тонъ, сухость взгляда, проглядывавшая въ каждомъ словѣ, страсть къ деньгамъ, коробили меня. Пожалуй, по своему, онъ даже ласковъ былъ ко мнѣ, приглашалъ, какъ роднаго, посѣщать его за-просто, но любезность Николая Андреевича отзывалась такою неискренностію и холодностію, что я внутренно далъ себѣ слово являться какъ можно рѣже, и сдержалъ-бы слово, еслибъ... не увидѣлъ Вѣры... Бываютъ въ жизни встрѣчи, которыя съ перваго раза какъ-то особенно симпатично отзываются въ сердцѣ; вдругъ дѣлается хорошо, словно пріятной свѣжестью обхватитъ всю душу, и поддаешься этому чувству безъ всякаго разсужденія, намѣренія,— безотчетно. Такое дѣйствіе произвела на меня Вѣра; я съ наслажденіемъ всматривался въ ея чудную головку, въ ея глу-

бокіе, темные глаза. Въ особенности, помнится, мнѣ понравилась ея улыбка, добрая, тихая, но вмѣстѣ задумчивая и серіозная. На видъ Вѣрѣ было лѣтъ двадцать съ небольшимъ; высокая, стройная—она нисколько не походила на отца; я былъ почти увѣренъ, что и характеромъ она совершенно разнится съ Николаемъ Андреевичемъ: не та рѣчь, не тѣ выраженія, какая-то теплота и мягкость въ голосѣ. Я представился. Разговоръ, по обыкновенію, завязался довольно банальный: разспросы о Петербургѣ, о прошломъ сезонѣ; Голубицкій интересовался моей службой, хозяйствомъ. Все это было до крайности глупо и пошло. Но я не сознавалъ тогда этой пустоты и совершенно невольно придавалъ словамъ Вѣры иное значеніе, какъ будто-бы въ нихъ скрывался какой-то затаенный смыслъ, понятный мнѣ одному...»

«Чортъ знаетъ что такое! нѣтъ физической возможности заниматься въ этой квартирѣ! Дѣти моего хозяина орутъ, точно ихъ рѣжутъ. Пробовалъ затворять вторую дверь, — пользы мало: подобный визгъ и на улицѣ услышатъ. Иду гулять, авось въ мое отсутствіе прекратится этотъ содомъ.

«Прогулка освѣжила меня. Воспоминанія стали яснѣе, словно окрѣпли. Дѣтей уложили спать, а потому я продолжаю.»

«У Вѣры была тетка, родная сестра Голубицкаго, Варвара Андреевна,—существо недальнее, но доброе и простое. Она жила въ домѣ брата и завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ. Я познакомился съ нею во второе мое посѣщеніе, которое произвело на меня впечатлѣніе далеко иное чѣмъ первое. Николай Андреевичъ былъ въ палатѣ, и меня приняли радушно, совершенно за-просто; и тѣни не было прежней оффиціальности или натянутости. Не говоря уже о Варварѣ Андреевнѣ, представлявшей изъ себя типъ доброй провинціальной старушки, Вѣра была совсѣмъ другая: мягкостью и непринужденностію въ обращеніи она сразу поставила

меня на ногу давнишняго знакомаго. Изъ словъ ея я замѣтилъ что она много читала, вдумывалась въ прочитанное, имѣетъ много здраваго смысла и какъ-будто тяготится своимъ положеніемъ.»

«— Мнѣ что досадно, разсуждала она;—толкуютъ у насъ много и объ образованіи и о трудѣ женщины, а мы по прежнему ничему не учимся, хватаемъ для проформы одни только вершки, по прежнему ничѣмъ не заняты.»

«— Это, кажется, къ вамъ не относится: вы не любите быть безъ дѣла.»

«— Но что пользы въ этомъ? Читаю я, положимъ занимаюсь музыкой,—я для себя это дѣлаю, а другимъ отъ этого никакой выгоды нѣтъ.»

«—Будетъ со временемъ мужу.»

«—Этого мало; назначеніе жены не быть только игрушкой или куколкой, а помощницей; она должна такъ-же участвовать въ общемъ трудѣ. Отчего-же въ простомъ классѣ, безъ хозяйки ни одинъ домъ существовать, какъ слѣдуетъ, не можетъ?.. Оттого что тамъ жена не только помощница, часто даже труженица: она участвуетъ во всѣхъ работахъ.— Въ городѣ уже не то: тамъ съ господъ примѣръ берутъ. Разбогатѣвшій мѣщанинъ не готовитъ изъ своихъ дочерей хорошихъ женъ, а воспитываетъ какъ барышень—бѣлоручекъ, за нами тянется... Мнѣ—такъ это было-бы даже обидно; я бы думала что меня или за дурочку или за неспособную считаютъ.»

«—Вы однако самолюбивы!»

«—А развѣ это неизвинительно? Я желаю трудиться, а мнѣ никакого дѣла не даютъ!»

«—Да какое-же дать вамъ дѣло? Не котлеты-же рубить!»

«—Котлеты не котлеты, а не мѣшало-бы всѣмъ намъ потверже хозяйство знать, чтобы впослѣдствіи лишняя мужнина копѣйка не шла въ карманъ повару или ключницѣ, чтобы не приходилось ему платить по счетамъ модистокъ да бѣлошвеекъ. Я вотъ сколько разъ просила папа позво-

лить мнѣ и на кухнѣ бывать и брать уроки у нашей портнихи,—не позволяетъ!»

«—Напрасно.»

«—Неправда-ли? А все этотъ старый, отжившій взглядъ на вещи: дворянское-ли дѣло ходить на кухню или заниматься ремесломъ мѣщанки! Точно теперешнее мое занятіе лучше, полезнѣе! Вотъ, только благодаря тетушкѣ я кой чему тайкомъ выучилась, а при папа нѣтъ возможности?»

«Я съ восхищеніемъ глядѣлъ на Вѣру. Какая живость, выразительность лица! а глаза! пока говоритъ, такъ и бѣгаютъ, такъ и блестятъ; смолкнетъ,—остановятся и смотрятъ глубоко, глубоко, словно въ душу заглядываютъ.»

«—Ужъ такая у меня племянница прилежная,—вмѣшалась Варвара Андреевна,—день денской занята; женишка-бы ей Богъ хорошаго послалъ!»

«Вѣрѣ видимо были непріятны послѣднія слова тётки; она хотѣла возразить ей, но Варвара Андреевна уже отвернулась къ окну и съ большимъ вниманіемъ поднимала спущенную петлю чулка.»

«—Васъ, можетъ быть, какъ столичнаго жителя, удивляютъ эти пожеланія, вполголоса обратилась Вѣра ко мнѣ;—а здѣсь въ провинціи, намъ дѣвушкамъ, это только и приходится слушать! Всѣ старанія родныхъ направлены къ тому, чтобы поскорѣй сбыть насъ съ рукъ, пристроить. Что до меня касается я не могу этого слышать!»

«—Вы развѣ противъ семейной жизни?»

«—Нисколько. Но я не раздѣляю натяжекъ, расчетовъ, всей этой подготовки. Взаимная склонность и безъ нея обнаружится; искусственность отношеній, постороннее вліяніе могутъ только повредить дѣлу. Чѣмъ естественнѣе, свободнѣе заключается этотъ союзъ,—тѣмъ по моему онъ прочнѣе.»

«—Слѣдовательно вы не сочувствуете бракамъ поразсчету, pour se faire une position?»

«—Боже меня сохрани! Я даже не извиняю ихъ; мнѣ все равно кто-бы ни былъ мой будущій женихъ, лишь-бы я любила и уважала его.»

«Варвара Андреевна какъ-то странно зашевелилась на своемъ креслѣ.»

«—Что-вы, тетушка?»

«—Смотри чтобы отецъ не услыхалъ... Знаешь: не любитъ онъ этого.

«Вѣра улыбнулась и поцѣловала тетку.»

«—Полноте, голубушка, безпокоиться.»

«—Тебѣ-же непріятность будетъ, мнѣ-то что!»

«Николай Андреевичъ все яснѣе и яснѣе обрисовывался въ моемъ умѣ.»

«—Вотъ еслибы насъ воспитывали иначе, продолжала Вѣра,—наши дѣвушки такъ не торопились-бы выходить замужъ, по-серіознѣе смотрѣли-бы на бракъ, и меньше было-бы несчастливыхъ супружествъ. А теперь: чуть шестнадцать лѣтъ минетъ, и родные и мы, ужъ о женихѣ хлопочемъ, боимся какъ-бы въ старыхъ дѣвахъ не остаться;—почему? А потому что безъ поддержки мужчины мы ни на что не способны, прокормить даже себя не съумѣемъ, вотъ и бросаемся на перваго попавшагося жениха, не постаравшись не только изучить его характеръ, но даже познакомиться-то поближе.»

«Вѣра приводила меня въ восторгъ. Впервые приходилось мнѣ слышать такія здравыя сужденія отъ дѣвушки, да еще провинціальной. И что замѣчательно: говорилось это просто, безъ всякой претензіи на ученость, безъ всякаго желанія блеснуть своими взглядами или умомъ. Въ Вѣрѣ не было той сухости, того педантизма, которыми отличаются вообще всѣ синіе чулки, и которые такъ непріятно дѣйствуютъ на насъ мужчинъ. Это была не заученая, а живая, прочувствованная рѣчь; Вѣра прямо и открыто высказывала свои убѣжденія такъ какъ они сложились у нея въ головѣ, подъ вліяніемъ ея природнаго смысла.»

«—Что вы на меня такъ смотрите? усмѣхнулась она.

«—Любуюсь вами и удивляюсь какъ вы могли выработать такой ясный и честный взглядъ, при...»

«Я не договорилъ, но Вѣра поняла меня.»

«—Вы ему сочувствуете? слегка покраснѣвъ, спросила она.»

«—Совершенно. Впрочемъ, по настоящему, другаго быть и не можетъ.»

«—А я вамъ совѣтую, вслушавшись въ мои слова вмѣшалась Варвара Андреевна:—при братцѣ-то не очень болтайте. Человѣкъ онъ старый, прежнихъ порядковъ держится. При мнѣ что хотите говорите, не мѣшаюсь я въ это, а ужъ при немъ такъ не посовѣтую.»

«Славная была старушка Варвара Андреевна! Какъ она Вѣру любила! Не смотря на то что во всемъ зависѣла отъ брата, боялась его, какъ часто помогала она намъ, какъ оберегала Вѣру отъ отцовскаго гнѣва!»

«Хозяинъ мой рѣшительно начинаетъ мнѣ надоѣдать: пришелъ просить чтобы я объяснилъ ему что за штука заемъ съ выигрышами. Ну что могъ я сказать ему? Неимѣя денегъ на покупку билетовъ, я и не интересовался ихъ выпускомъ; такъ и отвѣтилъ ему. Стоитъ, переминается.»

«—Не сыро-ли у васъ? разрѣшается онъ наконецъ вопросомъ.

«— Нѣтъ.»

«Садится.»

«— Вы позволите?»

«— Милости просимъ.»

«— Вы это въ книжку пишете?

«— Нѣтъ для себя.»

«— Должно быть любопытно? ну и т. д.»

«Просидѣлъ полчаса,—какое тутъ писаніе!»

«*30-го марта.* Къ Голубицкимъ я ходилъ все чаще и чаще. Николаю Андреевичу было рѣшительно все равно, съ кѣмъ проводитъ вечера его дочь, лишь-бы денегъ у него не просила. Меня онъ не опасался, думая во первыхъ, что я

никогда не осмѣлюсь претендовать на руку Вѣры, а во вторыхъ, она сама неунизится до такого мелкаго дворянчика какъ я, да и не посмѣетъ идти въ разрѣзъ съ взглядами и образомъ мыслей отца. Голубицкій былъ даже отчасти радъ моему знакомству: Вѣра рѣже выѣзжала, слѣдовательно меньше тревожила его, меньше требовала расходовъ. Онъ могъ чаще посѣщать клубъ, карточные вечера, свою негласную подругу. Рѣдко заставалъ я его дома, а когда это и случалось, старался чѣмъ нибудь отговориться, чтобы только сократить визитъ. Непріятное и тяжелое впечатлѣніе производилъ на меня Николай Андреевичъ. Вѣра это замѣтила:»

«— Лёвъ Сергѣичъ, сказала она мнѣ однажды; — отчего вы избѣгаете моего отца?»

«— Это какимъ образомъ?»

«— Какъ онъ дома, у васъ сейчасъ является предлогъ уйти.»

«Я замялся.»

«— Говорите прямо; не придумывайте отвѣта.»

«— Мнѣ тяжело говорить съ нимъ; мы во всемъ расходимся.»

«Откровенность моя понравилась Вѣрѣ.»

«— Не судите его такъ строго; онъ человѣкъ старыхъ понятій. А вѣдь онъ добрый, право очень добрый...»

«Ты это какъ дочь говоришь» подумалъ я «оно и прекрасно; но меня-то ужъ въ этомъ не увѣришь!»

«Вѣру я заставалъ всегда за дѣломъ; то что-нибудь кроитъ, то шьетъ. Разъ какъ-то я спросилъ её:

«— Вѣра Николавна, вы не занимаетесь вышиваніемъ?»

«— Нѣтъ, отвѣтила она.—Это роскошь, безъ которой въ домашнемъ быту легко обойтись, а бѣлье — вещь необходимая.»

«Удивляла меня эта практичность; удивляла тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ней Вѣра какъ нельзя болѣе была воспріимчива ко всему прекрасному, изящному. Она любила музыку, увлекалась поэзіей; натура у нея была горячая, страстная; но съ ней не было тѣхъ мимолетныхъ вспышекъ, ко-

торыми, по большей части, дѣвушки какъ будто пробуютъ свое сердце. Она слишкомъ высоко ставила это чувство, чтобы дозволить себѣ играть имъ; за то, отдаваясь ему, она отдавалась вся, на вѣкъ.»

«Не смотря на свою простоту и непринужденность, Вѣра осторожно сходилась со мной. Мало по малу вызнавала она мой характеръ, убѣжденія, взгляды, наблюдала малѣйшіе ихъ оттѣнки, и день за днемъ прибавляла новые штрихи къ моему, мало извѣстному ей, портрету.»

«— Вы вѣдь не похожи на другихъ мужчинъ,» сказала мнѣ какъ-то разъ Вѣра.»

«— Это чѣмъ?»

«— Не рисуетесь; не стараетесь обращать на себя вниманіе... И въ женщинѣ оно гадко, а въ мужчинѣ, такъ по моему, непростительно.»

«— Да чѣмъ-же бы я могъ рисоваться?»

«— Мало-ли чѣмъ! Находятъ же другіе.»

«— Ну право-же нечѣмъ!»

«— Левъ Сергѣичъ, не скромничайте. Ужъ если Петровичъ рисуется, такъ вамъ и Богъ велѣлъ!»

«— А кто такой этотъ Петровичъ?»

«— Казначей здѣшній... Впрочемъ виновата: онъ рисуется только лганьемъ.»

«— Позвольте Вѣра Николавна.... Рисоваться можно чѣмъ-нибудь порядочнымъ, а...»

«— Представьте-же себѣ, перебила она меня,— что это такъ! Солжетъ ужасно, и непремѣнно обведетъ глазами присутствующихъ: произвелъ-ли эффектъ! Развѣ это не рисовка?»

«— Странная только!»

«— Есть вѣдь и другаго рода рисовка, продолжала Вѣра; —говорить-то, чему не сочувствуешь, драпироваться,—однимъ словомъ дѣлать изъ себя двухъ различныхъ людей: наружнаго и внутренняго. Ну, это уже низость, потому что ложь.»

«— А такихъ актеровъ развелось нынче порядочно.»

«— Потому и развелось, что своихъ-то убѣжденій—нѣтъ, а чтобы быть помоднѣе, и берутъ на прокатъ чужія, не анализируя даже ихъ.»

«— Вы, кажется, ненавидите ложь и въ малѣйшихъ ея проявленіяхъ?»

«— Ненавижу! До того, что человѣку, котораго-бы я безумно любила, достаточно разъ солгать мнѣ, чтобы я потеряла всякое къ нему уваженіе. А что за любовь безъ уваженія!»

«Вѣра горячо была привязана къ отцу, хотя по моему онъ и не заслуживалъ этого; Николай Андреевичъ не цѣнилъ любви дочери: онъ смотрѣлъ на нее какъ на что-то должное, обыкновенное. Отношенія дѣтей къ родителямъ онъ формулировалъ очень просто: «я забочусь о дочери, кормлю, одѣваю, воспитываю ее, а она *обязана* за то любить меня, безпрекословно повиноваться во всемъ.» Сколько разъ приходилось мнѣ бывать свидѣтелемъ деспотическихъ выходокъ Голубицкаго! Онъ требовалъ, чтобы дочь глядѣла на все его глазами, разсуждала такъ-же какъ онъ, до послѣдней іоты исполняла его приказанія. Противорѣчія онъ невыносилъ; Вѣра не смѣла высказывать ни мнѣній, ни убѣжденій — «Ты должна во всемъ на меня полагаться, говорилъ онъ ей,— я лучше тебя знаю, что хорошо и что дурно; обязанность твоя слѣпо довѣрять и повиноваться отцу.« И Вѣра повиновалась; расходясь съ нимъ почти во всемъ, сознавая частую несправедливость его къ ней, она въ разговорахъ съ Николаемъ Андреевичемъ постоянно сдерживалась и кротко выслушивала незаслуженные упреки и рѣзкія замѣчанія. Но они не могли не дѣйствовать на нее; въ первую минуту она роптала на отца, осуждала его, но потомъ оправдывала, извиняла неровность его характера лѣтами, служебными заботами. Въ особенности сильно дѣйствовали на Вѣру

эти исторіи, когда случались при мнѣ; она совѣстилась за Николая Андреевича, боялась, чтобы онъ окончательно не уронилъ себя въ моихъ глазахъ, и всячески старалась изгладить во мнѣ произведенное имъ непріятное впечатлѣніе. Къ какимъ уловкамъ не прибѣгала тогда добрая, любящая Вѣра! И нездоровъ-то онъ, и непріятности по службѣ, и чужіе наговоры... Чего-чего и не выдумывалось ею для оправданія Николая Андреевича! Часто даже она нарочно прикидывалась виноватой, чтобы извинить излишнюю его горячность, и старалась во что бы то ни стало убѣдить меня въ этомъ. Но въ подобныхъ случаяхъ я обыкновенно посмѣивался, и это иногда сердило ее не на шутку.»

— «Какое право имѣете вы мнѣ не вѣрить? горячилась Вѣра.

— «Вамъ я вѣрю.»

— «Къ чему-же тогда эта насмѣшливая улыбка?»

— «А къ тому, что заблужденій вашихъ раздѣлять не могу, хотя и преклоняюсь передъ вашимъ похвальнымъ желаніемъ убѣдить меня.»

«Вѣра, какъ я говорилъ выше, постепенно вызнавала мой характеръ. Когда мы поближе сошлись съ ней, она поинтересовалась узнать мое прошлое. Исполняя ея желаніе, я замѣтилъ что любовь моя къ труду и жажда матеріальной независимости, къ которой я стремился, были особенно ей пріятны.»

— «Вы настолько уже знаете меня, сказала она, протягивая мнѣ руку,—чтобы повѣрить искренности моихъ словъ; я васъ глубоко уважаю.»

— «За что, за что?»

— «За вашу благородную гордость... За то, что вы не хотите пользоваться даровой копѣйкой, не желаете быть никому обязаннымъ, кромѣ самого себя.»

— «А вы знаете: гордымъ Богъ противится! усмѣхнулся я.»

— «Знаю. Знаю также и притчу о лѣнивомъ рабѣ.»

«Смѣшно было-бы увѣрять себя, послѣ трехмѣсячнаго знакомства съ дѣвушкой, подобной Вѣрѣ, что равнодушенъ къ ней. Еще страннѣе было-бы объяснять свое влеченіе къ дому Голубицкихъ удовольствіемъ проводить время въ пріятной, умной бесѣдѣ. Подобныя посѣщенія безслѣдны: они не вносятъ ничего особеннаго въ жизнь, не измѣняютъ ее. Личность, съ которою вчера вы провели весело или полезно нѣсколько часовъ, назавтра можетъ исчезнуть, смѣниться другой, болѣе достойной вниманія. Но не то бываетъ, когда въ подобныхъ сношеніяхъ затрогивается сердце; тогда все существо ваше перерождается; вы конечно сначала не замѣчаете этой исподволь совершающейся въ васъ перемѣны, отрицаете ея существованіе, не хотите съ нимъ согласиться, а между тѣмъ она есть, независимо отъ васъ завладѣваетъ вами, и незамѣтно подчиняетъ васъ своему вліянію.»

«Что до меня касается, я даже и не старался обманывать себя; я сознавалъ что люблю Вѣру, что присутствіе ея необходимо для меня, что я живу только ею. Гдѣ-бы то ни было: на службѣ, при скучнѣйшихъ допросахъ, во время прогулокъ, дома—постоянно была она у меня передъ глазами; я думалъ о ней, припоминалъ ея разговоры, осмѣливался мечтать о счастливомъ будущемъ. Ложась въ постель, я закрывалъ глаза и тогда только засыпалъ, когда успѣвалъ воспроизвести въ своей памяти ея милый образъ; утромъ пробуждался съ мыслію о ней, мечталъ о томъ какъ и когда я снова увижу ее. Блаженные дни! Предвѣстники невыразимаго счастія, вы сдѣлались предшественниками и тяжелаго удара!»

«Вѣра любила чтеніе, и внимательно слѣдила за ходомъ нашей литературы. Въ послѣднее время она постоянно сообщала мнѣ свои впечатлѣнія о томъ или другомъ произведеніи; въ особенности интересовало ее все, что имѣло хотя нѣкоторую связь съ женскимъ вопросомъ. Многія повѣс-

ти и романы приводили ее въ рѣшительное негодованіе; горячо возставала она противъ авторовъ.»

— «Вотъ какъ понимаютъ у насъ и хотятъ расширить права женщины! Слабохарактернаго мужа силятся представить образцомъ практической мудрости, цинизмъ его поступковъ возводять въ перлъ созданія! Людей съ сомнительной нравственностію, глядящихъ на женщину какъ на игрушку, выставляютъ передовыми!»

— «Вѣра Николавна! Вы берете крайности: вездѣ, гдѣ проявляется сильное движеніе, онѣ неизбѣжны.»

— «Согласна съ вами; такъ и выставляй ихъ какъ простыя явленія, а не заставляй читателя симпатизировать имъ. Ну, напримѣръ: можно-ли сочувствовать героинѣ, которая изъ любви къ отцу подчиняется его приказанію и выходитъ замужъ за нелюбимаго человѣка?»

— «Сочувствовать нельзя, а пожалѣть должно; мало-ли какія причины...»

— «Всему есть предѣлъ, Левъ Сергѣичъ, перебила меня Вѣра;—нельзя такъ далеко простирать свою привязанность къ отцу, чтобы жертвовать въ угоду ему своею будущностію, счастіемъ, всей своей жизнью.»

— «Такъ вы въ бракѣ отвергаете вліяніе родителей?

— «Боже меня сохрани! Напротивъ: они обязаны предостерегать дѣтей, дѣйствовать на нихъ своею опытностію, знаніемъ человѣческаго сердца; но надобно, чтобы вліяніе это было правильно, чуждо всякаго расчета, всякаго эгоизма; короче: чтобы шло отъ сердца, а не слагалось въ одной только головѣ.»

— «Ну, а что-бы вы сдѣлали еслибъ, въ одинъ прекрасный день, Николай Андреичъ представилъ вамъ молодаго человѣка и сказалъ, что имѣетъ на него родственные виды?»

«— Начать съ того, что это было-бы крайне не политично; у меня странный характеръ: достаточно указать мнѣ на кого-нибудь какъ на жениха, чтобы сразу оттолкнуть меня отъ него; я и прежде говорила вамъ что терпѣть не могу подготовки; я допускаю только свободный выборъ. И какъ

я ни люблю отца, но у меня хватило-бы энергіи воспротивиться его приказанію и не дать согласія его избранному.»

«— А у него хватило-бы характера лишить васъ наслѣдства.»

«— Что-жъ! Вѣдь не съ деньгами, а съ человѣкомъ жить! Одно было-бы непріятно: не имѣть возможности доставить любимому человѣку средствъ къ жизни. Ну стала-бы работать, ласками, вниманіемъ, тишиной семейной жизни стараться заставить его позабыть мою бѣдность.»

«— А другимъ этого и не нужно; богатство невѣсты часто даже бываетъ помѣхою.»

«— Это какимъ образомъ?»

«— Очень простымъ: влюбленный, но самолюбивый бѣднякъ передъ богатымъ приданымъ бываетъ иногда принужденъ остановиться на полдорогѣ.»

«— Почему?»

«— Чтобы не заподозрили его въ разсчетѣ.»

«— Какой вздоръ!»

«— Нѣтъ, не вздоръ. Искателей богатыхъ невѣстъ такъ много, что всякой дѣвушкѣ съ состояніемъ можно легко извинить подобное предположеніе.»

«— А сердце на что? Оно-то ужъ не ошибется!»

«— Но надо чтобы оно заговорило! А для этаго не достаточно тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ большинство сплошь и рядомъ идетъ подъ вѣнецъ; мало одной симпатіи, одного поверхностнаго знакомства. При теперешнемъ воспитаніи дѣвушку такъ далеко держатъ отъ мужчины, такъ оберегаютъ отъ сближенія съ нимъ, что часто, выслушавши предложеніе (оно-же и изъясненіе въ любви) дѣвушка не знаетъ: вретъ онъ или правду говоритъ? Потомъ уже, когда произведена будетъ требуемая обычаемъ выставка передъ родными, соблюдены всѣ формы, помолвленнымъ даютъ нѣкоторую свободу, и только тогда они начинаютъ изучать другъ друга. Что-же выходитъ изъ этого? Въ лучшихъ случаяхъ женихъ и невѣста превращаются въ любовниковъ только

послѣ сватьбы, въ худшихъ—дѣлаются жертвами семейнаго раздора или самовольнаго развода...»

«— Взглядъ вашъ правиленъ, Левъ Сергѣичъ, но не слишкомъ ли вы обобщили его?

«— Нѣтъ, Вѣра Николавна; покрайней мѣрѣ я мало видѣлъ исключеній изъ этого общаго правила. Какъ совершаются у насъ браки? Встрѣчаетъ гдѣ-нибудь дѣвушка молодаго человѣка; видитъ недуренъ, ловокъ, порядочно танцуетъ, — однимъ словомъ не противенъ ей. Родные наводятъ справки о его жизни, средствахъ, семействѣ. Если свѣдѣнія благопріятны, дѣвушкѣ дается соизволеніе не избѣгать его исканій, смотрѣть какъ на партію. Устроиваются вечера; подъ наблюдательнымъ взоромъ родственниковъ молодые люди упражняются въ разговорахъ о новой оперѣ, романѣ, предстоящемъ вечерѣ... Жаждущій гименея прислуживается: то вѣеръ подастъ, салопъ накинетъ, вызоветъ карету. «Сладится, сладится» тараторятъ кумушки, и вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, во время мазурки, искатель на глазахъ всѣхъ, дѣйствительно разрѣшается предложеніемъ, на которое тутъ-же и дается предварительно одобренное согласіе. Извѣстіе мгновенно облетаетъ всю залу, еле знакомая чета блаженствуетъ, а престарѣлые родственники чуть въ ладоши не хлопаютъ!»

«Вѣра улыбалась.»

«— Ну а вы, какъ-бы поступали? спросила она.»

«— Я сначала изучилъ-бы характеръ той, которая мнѣ нравится, и тѣмъ далъ-бы ей самой возможность сдѣлать то-же относительно меня; замѣтивъ ея склонность, старался бы мало по малу сблизить наши отношенія и только увѣрившись въ глубинѣ ея чувства, рѣшился-бы сначала намекнуть на взаимность, а потомъ уже высказаться.»

«— Да это цѣлая программа! Неужели для того, чтобы убѣдиться въ серіозной привязанности, необходима вся эта подготовка? Часто одно слово, вырвавшееся отъ души, равняется признанію.»

«— Согласенъ. Но вы говорите объ исключеніяхъ, а я объ общемъ правилѣ. Для того, чтобы чувство созрѣло,— нужно время, а слѣдовательно и нѣкоторая подготовка.»

«Отъ хозяина моего просто спасенія нѣтъ. Пришелъ звать на чашку чая: кто-то изъ дѣтей его имянинникъ. Надо идти. Продолженіе впредь.»

«*3-го Апрѣля.* Вѣра съ самаго начала нашего знакомства показалась мнѣ пылкой, страстной дѣвушкой; чѣмъ ближе сходился я съ нею, тѣмъ болѣе, казалось мнѣ, убѣждался въ своихъ предположеніяхъ. Но разсудительность и сдержанность ея часто сбивали меня съ толку: что кроется подъ ними, спрашивалъ я себя? Что руководитъ этой натурой, сердце или разсудокъ? Увлечется-ли серіозно подобная дѣвушка? Способна-ли она забыться въ минуту страсти, отдаться вся беззавѣтно, или сначала обдумаетъ свой шагъ, холодно обсудитъ свое чувство, его послѣдствія?.. Или быть можетъ она ждетъ толчка, сильной руки, которая-бы выхватила ее изъ этого замкнутаго круга?»

«Жаждалъ я разрѣшить этотъ вопросъ; жаждалъ тѣмъ болѣе, что отъ разрѣшенія его зависѣло мое счастіе, мои надежды на будущее. Вѣра, сколько я могъ замѣтить, сочувствовала мнѣ; я могъ разсчитывать со временемъ на взаимность; но достаточно-ли она энергична, способна-ли проникнуться до такой степени своимъ чувствомъ, чтобы пойти противъ отца, образъ мыслей котораго мнѣ былъ уже извѣстенъ? Но ослабнетъ-ли ея привязанность передъ препятствіями, не восторжествуетъ-ли въ ней, при подобныхъ обстоятельствахъ, разсудокъ надъ сердцемъ?»

«Настали послѣдніе дни Мая; Голубицкіе собирались въ деревню. Съ ужасомъ думалъ я о предстоявшей разлукѣ, о томъ что три мѣсяца не увижу Вѣры. Хотя Николай Андреевичъ и приглашалъ меня погостить къ себѣ въ усадь-

бу, но сказано это было какъ-то вскользь, словно разсчитывая на отказъ съ моей стороны. Къ тому-же и служба не дозволила-бы мнѣ отлучиться изъ города на нѣсколько дней, взять отпускъ было-бы странно, да и кинулось-бы въ глаза Голубицкому. Я ходилъ какъ потерянный; въ головѣ былъ безпорядокъ, а сердце замирало, точно чуяло бѣду. «Предположенія, самыя различныя, слагались въ моемъ воображеніи: мнѣ казалось что въ три мѣсяца Вѣра забудетъ меня, кѣмъ-нибудь увлечется серіозно, пожалуй выйдетъ замужъ. Волненія свои я принималъ за предчувствія и дошелъ наконецъ до того что мнимыя опасенія свои облекалъ въ дѣйствительность, и страшился ихъ исполненія, какъ неминуемо долженствующаго совершиться.»

«Отъ Вѣры не укрылась эта внутренная работа: «Вы измѣнились въ послѣднее время,» сказала она мнѣ однажды, «васъ вѣрно что-нибудь тревожитъ?»

«— Можетъ-быть.»

«— А сообщить нельзя, что именно?»

«— Не къ чему!»

«— Въ деревню къ намъ пріѣдете? послѣ небольшой паузы, спросила Вѣра»

«— Не думаю, и крайне сожалѣю объ этомъ.»

«— Это почему?»

«— Сожалѣю-то? Потому что васъ долго не увижу.»

«— Да нѣтъ-же! Я спрашиваю почему вамъ нельзя пріѣхать?»

«— Причинъ много: во первыхъ служба...»

«— Возьмите отпускъ.»

«— Во вторыхъ посѣщеніе мое можетъ не понравиться Николаю Андреевичу...»

«— Опять за то же! Папа вѣдь приглашалъ васъ?»

«— Приглашеніе приглашенію рознь, Вѣра Николавна!»

«Она пожала плечами.»

«— Да и наконецъ что вамъ во мнѣ? продолжалъ я. — Къ вамъ будутъ ѣздить гости, — вы не соскучитесь.»

«— Ошибаетесь; я привыкла такъ часто васъ видѣть, что отсутствіе ваше будетъ крайне для меня ощутительнымъ.»

«— Это всегда такъ говорится.»

«— Вы считаете это фразой? спросила Вѣра, быстро взмахнувъ глазами.»

«— Почти.»

«— Ну какъ хотите. А я все таки повторю, что мнѣ будетъ жаль не видѣть васъ цѣлое лѣто. Я включаю васъ въ число моихъ самыхъ лучшихъ знакомыхъ.»

«Она встала и подошла къ окну.

«— И только? съ замираніемъ сердца спросилъ я, приближаясь къ ней.»

«Вѣра обернулась и устремила на меня глубокій, испытующій взглядъ.»

«— И только, медленно отчеканила она.»

«Кровь бросилась мнѣ въ лицо и я, какъ провинившійся, отошелъ отъ Вѣры и подсѣлъ къ вошедшей Варварѣ Андреевнѣ. Вѣра долго не принимала участія въ нашемъ разговорѣ; я замѣтилъ что она наблюдала за мной. Видно лицо мое было очень разстроено, что подъ конецъ моего визита она какъ будто сжалилась и, придравшись къ чему-то, сказала:

«— Что до меня касается, я не только сама не хочу обманываться, но не желаю вводить въ заблужденіе и другихъ, хотя-бы и невольно. Я говорю только о томъ въ чемъ убѣждена положительно, во что сама вѣрю.»

«Все это однако, было крайне неутѣшительно. Отдавая полную справедливость поведенію Вѣры, совершенному отсутствію въ ней кокетства, прямотѣ ея словъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что только хорошій ея знакомый, до сихъ поръ не имѣю мѣста въ ея сердцѣ, что между нами неустановилось еще никакой невидимой связи.»

«*5 Апрѣля*». Голубицкіе уѣхали. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ однообразной, томительно-скучной для меня жизни. Занятій было много, и я радъ былъ, углубляясь въ нихъ, отдѣлываться хотя на время отъ непокидавшей меня мысли. Меня тянуло къ Вѣрѣ, хотѣлось ее видѣть хотя на нѣсколько минутъ. Увы! это было невозможно... Я долженъ былъ утѣшать себя только тѣмъ, что третья часть лѣта уже прошла, что черезъ два мѣсяца я снова увижу Вѣру. Гдѣ только могъ, я разспрашивалъ о ней, о ея здоровьи, о ея деревенской жизни; отвѣты были удовлетворительны, и я почти покойно, ожидая осени, переносилъ свое одиночество, какъ вдругъ случайное извѣстіе вновь подняло во мнѣ прежнюю внутреннюю тревогу. Я узналъ что нѣкто Шестóвъ, гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій въ отпускъ, познакомился съ Голубицкими, очень понравился Николаю Андреевичу и что тотъ имѣетъ на него виды. Свѣденіе это было конечно не успокоивающаго свойства: меня словно кто обухомъ по лбу ударилъ. Жадно бросился я наводить справки о пріѣзжемъ, и къ величайшему моему огорченію узналъ, что Шестовъ — человѣкъ богатый, свѣтскій, довольно красивый, и на хорошей дорогѣ. «Прощай Вѣра!» восклицалъ я трагически, бросаясь лицомъ въ подушку; и мнѣ уже представлялось, какъ Шестовъ безвыходно проживаетъ у Голубицкихъ, какъ Вѣра любезна съ нимъ, какъ мало по малу онъ овладѣваетъ ея сердцемъ. «Ей толчокъ нуженъ былъ», думалось мнѣ «сильная рука, которая-бы вывела ее на свѣтъ Божій. Ну вотъ явилась она... Мнѣ не суждено было это счастіе... Сама Вѣра сказала, что я только хорошій ея знакомый!» И бѣшеная злость охватывала всего меня, лишала сна и покоя».

«Но, говорятъ, есть своего рода судьба для влюбленныхъ; такъ случилось и со мной. Мнѣ поручили разслѣдовать довольно запутанное дѣло въ одной изъ деревень не далеко отъ Чашниковъ, усадьбы Голубицкихъ! Боясь, чтобы какимъ нибудь образомъ подобное счастіе не выскользнуло у меня изъ рукъ, я немедленно отправился въ назначенное

мѣсто, и съ радостію увидѣлъ, что слѣдствіе затянется на долго. Снявъ предварительные допросы и разославъ повѣстки, я поспѣшилъ въ Чашники. Николай Андреевичъ, къ счастію, былъ въ городѣ; вакаціонный мѣсяцъ его кончился, и онъ пріѣзжалъ въ деревню только по субботамъ. Поздоровавшись съ Варварой Андреевной, я пошелъ отыскивать Вѣру. Она читала въ тѣни большой сиреневой клумбы, и не замѣтила моего приближенія. Закрываясь кустами, я тихо подошелъ къ скамейкѣ и нѣсколько секундъ молча любовался Вѣрой. Сердце у меня такъ и стучало. Я не могъ оторваться отъ этого стройнаго, граціозно наклоненнаго, стана, отъ этой чудной головки, съ выбившимися изъ подъ пунцоваго платочка, прядками густыхъ, темныхъ волосъ. Мнѣ нравилась свѣжесть и простота наряда Вѣры, спокойствіе всей ея фигуры, это молодое, цвѣтущее личико въ яркой зелени кустовъ, подъ крупными гроздами распустившейся сирени. Говорятъ: ничто такъ не развиваетъ зародившееся чувство какъ природа, ничто такъ не дѣйствуетъ на любовь какъ деревенское уединеніе; оно справедливо: чистая лазурь неба, пахучій воздухъ, цвѣты, строгая молчаливость полей и лѣсовъ—все это украшаетъ любимую женщину. Сознаешь что связь ея со свѣтомъ на время порвана, что она удалена отъ близости людей, отъ столкновенія съ дрязгами общественной жизни. Эгоизмъ чувства удовлетворяется; а кто любилъ глубоко и сильно, тотъ долженъ былъ испытать безотчетное желаніе уединить любимую женщину, чтобы только одному жить ея жизнію, ея привязанностію!»

«—Вѣра Николавна! обратился я къ ней, неожиданно выходя изъ своей засады, и раскланиваясь.»

«Вѣра вздрогнула и, уронивъ книгу, поспѣшно встала.»

«—Левъ Сергѣичъ! воскликнула она, вскинувъ на меня блестящій взглядъ и мгновенно вспыхнувъ.—Какъ вы меня напугали! Ну здравствуйте.»

«Она подала мнѣ свою похолодѣвшую, слегка дрожавшую ручку, которую въ первый разъ я осмѣлился поднести къ своимъ губамъ.»

«—Какъ вы сюда попали? Взяли отпускъ?»

«—Нѣтъ. Судьба смилостивилась!»

(Я разсказалъ Вѣрѣ о данномъ мнѣ порученіи.)

«—И долго здѣсь пробудете?»

«—Незнаю. Недѣли двѣ, можетъ быть.»

«—Очень рада; мнѣ веселѣе будетъ. Вы конечно не станете забывать насъ? Не все-же время отдадите службѣ?»

«—А развѣ вы скучаете?»

«—Не то чтобы очень; но всегда пріятно свидѣться съ хорошимъ знакомымъ.»

«Опять этотъ «знакомый!» Злая!»

«—Вашъ новый принадлежитъ тоже къ числу хорошихъ знакомыхъ?»

«Вѣра немного лукаво взглянула на меня.»

«—Шестовъ? Я мало его знаю.»

«—Говорятъ: онъ во всѣхъ отношеніяхъ премилый молодой человѣкъ?»

«—Можетъ-быть; я не изучала его. Сядемте, что-же мы стоимъ?»

«Мы сѣли.»

«—И богатый женихъ, прибавлялъ я.»

«Вѣра нѣсколько серіозно посмотрѣла на меня, но промолчала.»

«—Къ чему этотъ англійскій учебникъ? спросилъ я, поднимая лежавшую на травѣ книгу.»

«— Дайте-ка мнѣ его.»

«Я подалъ.»

«—Повторяю то, что забыла въ два года; можетъ пригодится.»

«Пришла Варвара Андреевна и засыпала меня вопросами о городской жизни.»

«—Ничего не знаю, отвѣчалъ я.—Все время сидѣлъ дома и занимался дѣлами.»

«—Напрасно, замѣтила Вѣра.—Уединеніе вамъ вредно.»

«—Это почему?»

«—Дѣлаетъ васъ раздражительнымъ.»

«—А вы уже это замѣтили?»

«—Замѣтила.»

«Подошедшая горничная объявила Вѣрѣ, что какой-то мужикъ пришелъ за лекарствомъ.»

«—Ой ужъ ты мнѣ! погрозила Варвара Андреевна племянницѣ.—Опять за то-же! Опять больницу въ домѣ завести хочешь, какъ въ прошлое лѣто? Смотри: узнаетъ отецъ —достанется!»

«— Полноте, тётка! Какія вы, право странныя! Не прогнать-же мнѣ больнаго человѣка?»

«— Ты отвори имъ дверь—такъ отбою не будетъ!»

«— Тётка, да развѣ дурное дѣло помогать больнымъ?»

«— А хорошо развѣ противъ отца идти? Знаешь что онъ этого не любитъ?»

«Вѣра пожала плечами.»

«— Вы какъ-же лечите? спросилъ я её.»

«— Какое это леченіе! Чтобы приносить существенную пользу надо имѣть свѣденія, а чему могла я научиться тайкомъ?—Я рада что хоть на столько-то знаю что простыми средствами могу помочь иной разъ этимъ несчастнымъ. Къ знахаркѣ не пойдетъ—и то слава Богу! Шарлатанки эти и здороваго въ могилу сведутъ!»

«— Все, батюшка, книги лекарскія читаетъ, пояснила мнѣ Варвара Андреевна по уходѣ Вѣры. — Николай Андреичъ позволилъ ей изъ библіотеки брать, а что она беретъ—ему и горюшка мало. Вотъ она и читаетъ, что ей заблагоразсудится; тоже съ докторами говорить любитъ. Аптечку завела. Оно похвально ближнему помогать, да все какъ-то не дѣвичье это дѣло лекаркой быть.»

«Послѣ чая я упросилъ Вѣру сыграть что нибудь изъ Бетховена; я чувствовалъ неодолимую потребность погрузиться во внутренній міръ, отдаться какой нибудь захватывающей за-сердце силѣ. Вѣра играла хорошо; правда, въ механизмѣ ея не было блеска, но въ манерѣ, а въ особенности въ тушé, сказывалось неподдѣльное, глубокое чувство. Сколько-нибудь нервный, впечатлительный человѣкъ

не могъ слушать равнодушно ея игру. Я помѣстился у открытаго окна, Варвара Андреевна въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ, съ цѣлью посумерничать. Вѣра играла наизустъ; свѣчь не подавали. Строгіе, мощные звуки полными аккордами разносились въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ, влажными волнами вливавшемся въ отворенныя окна и двери. Жажда жизни, счастія, охватывала всего меня; я, смотрѣлъ на Вѣру, на ея блестѣвшіе въ полумракѣ глаза,— и мысль моя переносилась въ какой-то далекій край, въ мирную, цвѣтущую обитель. Воображеніе работало; картины, полныя невыразимой прелести, смѣнялись одна другою, а сердце то билось, то замирало...»

«— Пройдемтесь по саду, раздался надо мной голосъ Вѣры.»

«Я всталъ и, поблагодаривъ за доставленное удовольствіе, спустился вслѣдъ за нею съ террасы.»

«— Какъ вы умѣете расшевеливать душу! сказалъ я, идя рядомъ съ ней по дорожкѣ.»

«— Это вліяніе Бетховена, а не мое.»

«— Однако если пробарабанить эту сонату, и геній композитора не поможетъ. Пока вы играли, я точно переселился въ какой-то фантастическій міръ...»

«— На чемъ-же вертѣлась ваша фантазія?»

«— Какъ всегда бываетъ: на несбыточномъ!»

«Вѣра склонила немного голову и стала поправлять бантъ своего кушака.»

«— Съ двѣнадцати лѣтъ, продолжалъ я, подъ вліяніемъ нахлынувшей горечи,—я былъ предоставленъ самому себѣ, однимъ только своимъ незначительнымъ силамъ. Съ бою долженъ былъ брать то, что такъ легко достается другимъ, и не имѣлъ даже утѣшенія встрѣтить сочувствіе или участіе... Все прожитое мной—рядъ трудовыхъ, тяжелыхъ дней, безцвѣтныхъ, однообразныхъ... Не мудрено, что я тѣшусь призраками, Вѣра Николавна!»

«Она подняла голову, и во взглядѣ ея, мнѣ казалось, я прочелъ теплое, неподдѣльное участіе.»

«— Есть-же счастливцы, все болѣе и болѣе одушевляясь, продолжалъ я; — для которыхъ существуетъ цѣль въ жизни, у которыхъ она полна, есть преданное сердце, которому можно выплакать свое горе, повѣдать радость! Съ такой поддержкой легко бороться, легко переносить труды и лишенія!»

«Вѣра молчала. Меня бѣсило это молчаніе. Послѣ небольшой паузы я спросилъ её:»

«— Ну что вы подѣлываете въ деревнѣ?»

«Она удивленно посмотрѣла на меня.»

«—Это что за переходъ?»

«— Весьма естественный. Не все-же жаловаться на судьбу! Я и то уже наскучилъ вамъ!»

«Вѣра покачала головой.»

«— Напрасно вы такъ думаете!» протянуля она, словно преслѣдуя какую-то другую мысль.»

«— Такъ я заслужилъ право на ваше участіе?»

«— Полнѣйшее!»

«— Позвольте-же мнѣ отъ души благодарить васъ... Вашу ручку!»

«Она не совсѣмъ охотно подала ее.»

«— Сожалѣю что ни чѣмъ не могу помочь вамъ!»

«— Вы?! вскричалъ я, поддаваясь внезапному приливу страсти, и сжимая ея руку.»

«Вѣра отняла ее и остановилась.»

«— Да, я. Что-же васъ такъ удивляетъ? спокойно спросила она.»

«Серіозный тонъ этихъ словъ меня озадачилъ.

«— Такъ, глухо пробормоталъ я наконецъ.»

«Домой вернулся я въ прескверномъ настроеніи; въ головѣ былъ хаосъ, а въ волновавшихъ меня чувствахъ совершенный безпорядокъ. Обращеніе Вѣры сбивало меня рѣшительно съ толку; я анализировалъ его до мельчайшихъ подробностей и все-таки ни на чемъ опредѣленномъ остановиться не могъ. Свиданіе со мной доставило ей удовольствіе — я это видѣлъ, она даже покраснѣла сначала, по-

томъ вдругъ огорошила сквернѣйшимъ названіемъ «хорошаго знакомаго,» и всѣ иллюзіи мои разлетѣлись въ прахъ... Музыка и мое плаканье на судьбу согрѣли ее; въ участіи ея мнѣ почудилось какъ-будто сочувствіе, что-то новое, отрадное,—я увлекся, но одно слово Вѣры разомъ возвратило меня съ неба на землю. Что-же это такое? мучительно спрашивалъ я себя.—Неужели до сихъ поръ я не могъ разгадать ея характера?»

6-го Апрѣля. Второй мой визитъ пришелся въ воскресенье. Очень не хотѣлось мнѣ видѣть чопорную фигуру Николая Андреевича, но ѣздить въ домъ, избѣгая свиданія съ хозяиномъ, было-бы крайне неловко. У Голубицкихъ я нашелъ Шестова, съ которымъ меня и познакомили. Дѣйствительно, это былъ красивый мужчина, весь вылощенный и выхоленный, образецъ паркетнаго гвардейчика. Болталъ онъ безъ умолку, невысказывая никакихъ личныхъ мнѣній и убѣжденій, довольно искусно избѣгая всякаго повода къ спору или противорѣчію, и видимо старался понравиться всѣмъ домашнимъ. Николай Андреевичъ до того ухаживалъ за Шестовымъ, и любезности его выходили такъ глупы и пошлы, что мнѣ, какъ человѣку стороннему да еще влюбленному, просто гадко было смотрѣть на эти эволюціи. Куда дѣлись надменность, сухость тона, оффиціальная натянутость! Видно только для насъ, мелкихъ сошекъ, онѣ необходимы, а появился богатый женихъ—и Николай Андреевичъ, преслѣдуя свою завѣтную цѣль, предсталъ предъ нимъ какъ на ладошкѣ!»

«На меня, конечно, почти и не смотрѣли; Голубицкій, спросивъ для проформы о данномъ мнѣ порученіи, болѣе уже не обращался, и продолжалъ внимать расфранченному Марсу. Вѣра была разсѣяна и казалась не въ духѣ. Я по неволѣ долженъ былъ перебивать съ Варварой Андреевной

и отвѣчать часто невпопадъ на предлагаемые ею вопросы. Меня все бѣсило, даже и эта добрая старушка; я мысленно называлъ ее дурой и съ какою-то злостью слушалъ ея наивные разсказы. Шестовъ приводилъ меня въ неистовство и своей цвѣтущей физіономіей и своей изысканной вѣжливостію; меня такъ и подмывало отвѣтить дерзостію на всѣ его авансы и любезности. Вѣра и та неизбѣгла общей участи: я считалъ ее вѣтренной, кокеткой, бездушной, Богъ знаетъ чѣмъ, и довольно невѣжливо обнаруживалъ передъ нею свое негодованіе. Я чувствовалъ себя оскорбленнымъ и какъ гость и какъ любовникъ; самолюбіе мое было уязвлено, закравшаяся въ сердце ревность все росла и росла въ моемъ воображеніи, терзала меня, заставляла дѣлать глупости. Должно быть въ тотъ день я былъ крайне смѣшонъ съ своимъ разстроеннымъ лицомъ, свирѣпыми глазами и лаконическими отвѣтами!»

«—Послушайте, улучивъ свободную минуту, когда мы остались вдвоемъ на террассѣ, сказала Вѣра;—что съ вами сегодня? Вы на себя не похожи! Папа даже замѣтилъ.»

«—Ну и слава Богу! возразилъ я раздражительно. — Я вижу, что я здѣсь лишній, и потому уберусь по добру по здорову.»

«Вѣра пристально посмотрѣла на меня.»

«—Еслибъ я васъ незнала, право можно было-бы подумать что вы рисуетесь.»

«—Чѣмъ-съ?»

«—Вашимъ страннымъ поведеніемъ.»

«—Для васъ оно можетъ быть и странно, но я не могу какъ *нѣкоторые* находиться всегда въ праздничномъ расположеніи духа. —Однако пора и домой, прибавилъ я, взглянувъ на часы.—Будьте здоровы, Вѣра Николавна.»

«Она слегка остановила меня за руку.»

«— Подождите, сказала она, размышляя.—Вы сердитесь на папа... онъ сейчасъ въ приселокъ поѣдетъ.»

«— Но я все таки буду лишній. Мое странное поведеніе, какъ вы изволили выразиться, будетъ парализовать вашъ веселый разговоръ съ Г. Шестовымъ.»

«Вѣра подняла на меня свой глубокій, чудный взглядъ.»

«— Вы думаете мнѣ весело? протяжно спросила она.»

«— Полагаю.»

«Она едва замѣтно вздохнула и пошла на встрѣчу входившему Николаю Андреевичу. Я простился и уѣхалъ.

«Весь слѣдующій день прошелъ у меня кое-какъ; я плохо спалъ ночь, былъ нравственно измученъ и ни о чемъ другомъ кромѣ Вѣры думать не могъ. Хорошо что не было важныхъ допросовъ, а то, воображаю, какое вышло-бы слѣдствіе!»

«Однако, какъ ни тянуло меня въ Чашники, я рѣшилъ что надо поупрямиться, se faire désirer, какъ говорятъ французы. Я до того зафантазировался, что Богъ вѣсть съ чего воображалъ какъ Вѣра безъ меня соскучится, какъ, чтобы утѣшить меня, пришлетъ пригласительную записку, и какъ я стану ее читать и перечитывать. «Въ самомъ дѣлѣ отчего-жъ бы этому не случиться?» увѣрялъ я себя;—«что-жъ тутъ преступнаго? Пишутъ-же другіе!» Но прошло три дня и не только записки, но и изустнаго приглашенія не получалось; я дождался вечера и поѣхалъ.»

«Вѣру я встрѣтилъ съ Варварой Андреевной на крыльцѣ; она была въ шляпкѣ и шелковомъ сюртучкѣ; заложенный кабріолетъ стоялъ подлѣ.»

«— А, вотъ и отлично, я ѣду кататься, сказала мнѣ Вѣра, когда я подошелъ къ ней,— вы будете моимъ кавалеромъ.»

«— А Варвара Андреевна? спросилъ я.

«— Что́ вы, батюшка! поѣду ужъ я! Ступайте безъ меня.»

«— Ну Вася, такъ тебя не надо, обратилась весело Вѣра къ козачку, который подсаживалъ ее.—Прощайте, тёта!»

«Она подобрала возжи и мы тронулись.»

«— Вамъ, можетъ быть, непріятно что я такъ безцеремонно распоряжаюсь вашей особой? улыбнулась Вѣра.»

«Я только пожалъ плечами.»

«— Отчего вы такъ давно не были? дулись?»

«— Да, дулся... и кажется имѣлъ на то право.»

«— А я развѣ нѣтъ? Просила васъ остаться, а вы не послушались; однако, видите, я не сержусь.»

«— Я вѣдь объяснилъ вамъ причину.»

«— То есть придумали!»

«— Нисколько.»

. . . . . .

«— Вѣра Николавна! спросилъ я, помолчавъ немного.— Вы что-то очень веселы сегодня?»

«Она повернула ко мнѣ свое улыбающееся, разгорѣвшееся отъ ѣзды, личико.»

«— Да, весела.»

«— Вслѣдствіе чего?»

«— Вслѣдствіе сдѣланнаго мной открытія.»

«— Какого?»

«— Это моя тайна.»

«— И вы ее мнѣ не скажете?»

«Она взглянула на меня.»

«— Со временемъ, можетъ-быть.»

«Мы въѣхали въ небольшой лѣсокъ, насъ обдало смолистою прохладой. Дорога пошла хуже и Вѣра пустила лошадь шагомъ.»

«— Куда-же мы однако ѣдемъ? поинтересовался я.»

«— Я покажу вамъ свое любимое мѣстечко, на рѣкѣ.»

«Мы замолчали. Прошло нѣсколько минутъ. Лѣсъ становился выше и гуще. Въ окружавшей насъ тишинѣ отчетливо раздавался только стукъ колесъ о засохшую землю, да воркованіе лѣснаго голубя. Я смотрѣлъ на Вѣру; опустивъ возжи, она какъ будто о чемъ-то думала; гибкій станъ ея слегка колебался отъ движенія экипажа; потухавшіе лучи солнца слабо переливались на черномъ атласѣ ея сюртучка, и теплымъ, розоватымъ свѣтомъ ложились на ея

открытую шею. Какъ хороша была тогда Вѣра! Сколько нѣги, страстной красоты было въ ея склоненной, словно утомленной, головкѣ, въ темныхъ, опущенныхъ рѣсницахъ, въ слегка зардѣвшихся щекахъ! Коса ея разбилась; отброшенныя вѣтеркомъ густыя, волнистыя прядки сползали на ея спину и плечи. Я любовался Вѣрой, жадно впивался глазами въ ея черты; рука моя касалась ея локтя... Я чувствовалъ какъ кровь быстрѣе и быстрѣе обращалась во мнѣ, какъ какое-то лихорадочное волненіе разливалось по моему тѣлу. Въ эту минуту я сознавалъ что я весь ее, что она пріобрѣла надо мной неограниченную власть, и что я счастливъ этою властью.»

«Вдругъ Вѣра подняла голову и, встрѣтивъ мой напряженный взглядъ, быстро отвернулась и пустила лошадь рысью. Кабріолетъ заколыхался; дорога пошла у́же и длинныя вѣтви елей чаще и чаще стали задѣвать насъ.»

«— Вѣра Николавна, поберегитесь, сказалъ я, указывая на отдѣлившійся впереди сучокъ,—васъ по лицу задѣнетъ.»

«Она нехотя отклонилась въ мою сторону и я почувствовалъ прикосновеніе ея трепетавшаго плеча, скользнувшіе по моей щекѣ ея разбившіеся волосы. Дрожь охватила всего меня, кровь бросилась въ голову и я, какъ отуманенный, не помня что дѣлаю, обнялъ Вѣру за талію и привлекъ къ себѣ.»

«— Вѣра!»

«Я чувствовалъ какъ она вздрогнула при звукѣ моего голоса, какъ старалась освободиться. Лицо ея горѣло, дыханіе затруднялось, но она молчала и не оборачивалась.»

«Я остановилъ лошадь и взявъ руку Вѣры, старался заглянуть ей въ лицо.»

«— Вѣра, Вѣра! твердилъ я, страстно цѣлуя ея руку.— Да взгляните хоть на меня!»

«Она медленно повернула голову и пристально посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза.»

«Никогда не забыть мнѣ этого взгляда! Онъ былъ и нѣженъ и строгъ, и серіозенъ и страстенъ. Онъ отвѣчалъ на

мое признаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пронизывалъ меня насквозь, старался заглянуть во всѣ тайные изгибы моего сердца. Казалось прежде чѣмъ отдаться, Вѣра хотѣла убѣдиться во мнѣ, прогнать отъ себя даже малѣйшую тѣнь сомнѣнія.»

«— Левъ, это не увлеченіе? тихо спросила она.»

«— Нѣтъ, Вѣра! Это любовь глубокая, прочувствованная, безграничная!»

«Она продожала глядѣть на меня.»

«— Вы все обдумали, ко всему приготовились?»

«— Вѣра, мнѣ васъ одну нужно. Вы—моя надежда, моя жизнь!»

«— Изучили-ли вы меня?. Составлю-ли я ваше счастіе?.. Не обманываетесь-ли вы?»

«— Не мучьте меня Вѣра! Или протяните мнѣ руку сейчасъ, или верните на старую дорогу... Вы видите: я у ногъ вашихъ...»

«Она ничего не отвѣчала. Я цѣловалъ ея руки, чувствовалъ біеніе ея сердца, теплоту ея лица. Я замиралъ и отъ страсти и отъ ожиданія. Наконецъ Вѣра тихо склонила голову на мое плечо и, сжавъ мою руку, прошептала:

«— Я ваша...»

«Нѣтъ, не могу продолжать! Описывая эту сцену, я сначала было увлекся воспоминаніями, думалъ, подъ сладкимъ ихъ впечатлѣніемъ, забыть горькую дѣйствительность. Вышло на оборотъ: она предстала мнѣ еще неотразимѣе, еще ужаснѣе... До завтра.»

«*7-го Апрѣля.* Вѣра призналась мнѣ, что еще въ городѣ замѣтила мою привязанность къ ней; хотя и тогда уже она раздѣляла ее, но по характеру своему скрывала свое чувство, желая сначала убѣдиться въ глубинѣ его, чтобы излишнею поспѣшностью не ввести въ обманъ и себя и меня. Глядя серіозно на бракъ, на обязанности жены, связывая

свою жизнь на вѣкъ съ другою жизнію,—Вѣра, изучая меня, анализировала и себя. Когда я выговаривалъ ей рѣзкость, съ которою она останавливала меня всякій разъ, какъ я хотѣлъ высказаться, Вѣра спросила:

«— А лучше было-бы еслибъ я, допустивъ тебя до признанія, отказала тебѣ въ взаимности?»

«— Но вѣдь ты любила меня?»

«— Любила; но чтобы сказать роковое «да,» чтобы протянуть тебѣ руку на вѣкъ, я должна была сначала убѣдиться, что привязанность моя не капризъ, не мимолетная вспышка. Понимая важность обязательствъ налагаемыхъ даннымъ согласіемъ, я прежде чѣмъ рѣшиться на него, хотѣла знать на сколько способна я составить твое счастіе, могутъ-ли тѣ данныя, что у меня передъ глазами, обезпечить прочность нашей связи, достанетъ-ли у меня энергіи бороться, если понадобится, свято сдержать свое обѣщаніе. Еслибъ ты высказался тогда, когда любовь моя еще не созрѣла, когда я не была еще готова сдѣлать рѣшительный шагъ,—я отказала бы тебѣ, потому что поступить иначе было-бы не честно.»

«— Почему?»

«— Потому что брать на себя можно только то́, что надѣешься выполнить. Какимъ-же образомъ осмѣлилась-бы я принять на себя отвѣтственность за двѣ жизни, когда и себя хорошенько не знаю?»

«— Что-же сдѣлало тебя рѣшительнѣе?»

«— Весь этотъ мѣсяцъ я скучала; я видѣла что мнѣ чего-то недостаетъ... Ты знаешь, какъ я люблю быть всегда за дѣломъ, а тутъ вдругъ какая-то лѣнь напала на меня, апатія, — ну просто не узнавала себя. Приходило мнѣ на мысль что́-то ты подѣлываешь, грустила, что долго тебя не увижу... Вдругъ ты явился, да еще такъ нечаянно; сердце у меня замерло, когда ты подошелъ ко мнѣ, кровь такъ и бросилась въ голову. Я поняла что ты дорогъ мнѣ, что все, что со мной было,—начало серіозной привязанности, зарождающаяся любовь. Слѣдя за тобой, я увѣрилась въ глубинѣ

твоего чувства, сознала что тебѣ можно отдаться, что ты сдѣлаешь меня счастливой. Но убѣдившись въ тебѣ я тѣмъ строже стала наблюдать за собой; я рѣшилась высказаться только тогда, когда увижу себя достойной тебя, когда увѣрюсь, что вся принадлежу тебѣ.—Поведеніе твое при Шестовѣ было мнѣ не непріятно: я поняла что ты, хотя и безъ всякаго основанія, ревнуешь меня, и ревнуешь искренно. Слѣдующіе за тѣмъ три дня я незнала куда дѣться отъ тоски, думала, что, разсердившись, ты уже вернулся въ городъ. Я велѣла заложить кабріолетъ, что-бы, подъ видомъ прогулки, проѣхать той деревней, гдѣ ты остановился...»

«— А тайна твоего тогдашняго веселья въ чемъ заключалась?»

«— Въ томъ что я убѣдилась въ своей любви, въ возможности не только дать слово, но и сдержать его.»

«Перечитывая эти строки, мнѣ невольно пришло на мысль: что́ еслибы мы всѣ такъ серіозно смотрѣли на бракъ, не дѣлали бы изъ него игрушку, а тѣмъ болѣе спекуляцію, понимали-бы какъ слѣдуетъ важность принимаемыхъ на себя обязательствъ? Больше было-бы счастливцевъ, и многимъ легче-бы жилось на бѣломъ свѣтѣ!»

«*10-го Апрѣля.* Влюбленные вообще требовательны; что ни дѣлай судьба—для нихъ все мало, и чѣмъ болѣе оказываетъ она имъ снисхожденія, тѣмъ смѣлѣе становятся ихъ притязанія. Ужъ на что, кажется, сѣтовать было мнѣ, бѣдному смертному, послѣ признанія Вѣры? Такъ нѣтъ: не достаточно этаго. Зачѣмъ не могу я тотчасъ-же ѣхать снова въ Чашники, сидѣть постоянно съ Вѣрой, и непремѣнно съ глазу на глазъ! И вѣдь не то чтобы неудовольствіе это было напускное — нѣтъ! я сердился отъ чистаго сердца и былъ увѣренъ, что имѣю полное на то право, что злая судьба преслѣдуетъ меня!»

«Однако, этой злой судьбѣ надо было покориться: частыя посѣщенія мои могли броситься въ глаза Голубицкому, навести его на истину, и тогда всѣ мечтанія мои могли испарится, аки ѳиміамъ кадильный. Николай Андреевичъ, не смущаясь родственными отношеніями, указалъ-бы мнѣ на дверь, дочь заперъ, и тѣмъ прекратилъ-бы всѣ наши попытки къ взаимному сближенію. — Правда, я и безъ того былъ почти твердо убѣжденъ въ томъ что Голубицкій никогда не согласится на бракъ дочери съ такою ничтожностью какъ я, сомнѣвался отчасти и въ твердости Вѣры, предвидѣлъ много борьбы и препятствій впереди, но тѣмъ не менѣе мысли эти только мелькомъ посѣщали меня, да и то въ тяжелыя минуты. Я всецѣло отдавался своему чувству, жилъ одной Вѣрой, спѣшилъ ловить блаженныя минуты и жаждалъ новыхъ. Счастіе мое было такъ полно, надежда съ такою готовностію предлагала мнѣ свои услуги, жизнь стала такъ свѣтла и хороша передомной, что не до будущаго было мнѣ!.. Да и кто, истинно любящій, заглядываетъ впередъ!»

«Пропустивъ дня два, я пѣшкомъ отправился въ Чашники. Поровнявшись съ рощей, примыкавшей къ саду, я услышалъ голосъ Вѣры:

«— Левъ Сергѣичъ!»

«Она стояла у забора и улыбалась. Я подскочилъ къ нему, поздоровался съ Вѣрой, и нѣсколько секундъ молча любовался ей.»

«— Что-же ты стоишь? Еще съ дороги увидятъ.

«Я машинально перелѣзъ черезъ заборъ и сталъ цѣловать ея руки.»

«— Постой-же... Отойдемъ дальше, сказала Вѣра.»

«Мы дошли до скамейки и сѣли.»

«— Ты ждала меня? спросилъ я, съ радостнымъ біеніемъ сердца.»

«— Давно жду, хотѣла предупредить... Завтра праздникъ, я и уговорила тётку съѣздить ко всенощной въ Шестовскую усадьбу. Умно придумала?»

«— Значитъ мы одни?»

«Она утвердительно кивнула головой.»

«— И на долго?»

«— Часовъ до осьми, а тамъ не угодно-ли отправляться.»

«— Это для чего?»

«— А вотъ для чего, милый ты мой... (Вѣра положила руки мнѣ на плеча). Вы вѣдь ни о чемъ не подумаете, шутливо говорила она покачивая головой,—каждый день тебѣ ѣздить нельзя—замѣтятъ; вотъ теперь просидишь пока тётка въ церкви, — никто и знать не будетъ что ты былъ, а завтра открыто пріѣдешь,—понялъ?»

«— Умница ты моя! Такъ ты очень меня любишь?»

«— Я тихонько обнялъ ее, привлекъ къ себѣ, и страстно глядѣлъ ей въ глаза.»

«— Не любила-бы, и не призналась. Сказала что твоя, и буду твоя.»

«Я нагнулъ ея голову и дрожащими губами поцѣловалъ ея волосы. Вѣра вскинула на меня нѣжный, влажный взглядъ, и прислонилась къ моему плечу.»

«Мы молчали; да и о чемъ было говорить? о нашей любви?... Она сказывалась и въ этомъ молчаніи, и въ біеніи нашихъ сердецъ, и въ томъ блаженствѣ, которое охватило насъ... а до другаго какое намъ было дѣло!»

«— Вѣра, дай мнѣ ручку, сказалъ я.»

«— Оставь, милый... не шевели меня... мнѣ такъ хорошо!»

«Я не настаивалъ. Я понималъ эту жажду покоя, это безотчетное желаніе углубиться въ себя, насладиться своимъ внутреннымъ блаженствомъ.»

«Прошло нѣсколько минутъ»

«— Вѣра, посмотри на меня»

«Она подняла голову.»

«— Ты видишь, что я счастливъ?»

«— Ну...»

«— Тебѣ пріятно сознавать, что ты дѣлаешь меня счастливымъ?»

«— Да въ этомъ-то и заключается мое наслажденіе! воскликнула она.»

«Мнѣ хотѣлось обнять ее, поцѣловать... крѣпко, крѣпко прижать къ своей груди, но что-то сдерживало мой порывъ, какой-то внутренній голосъ строго шепталъ мнѣ: «не дерзай!» Я сознавалъ, что онъ правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страсть былъ такъ сильна, такъ требовательна...»

«— Вѣра, сказалъ я, отдаляясь отъ нея,—позволь, я встану.»

«Она удивилась немного.»

«— Зачѣмъ?»

«— Такъ.»

«Я поднялся съ скамейки и началъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ; Вѣра смотрѣла мнѣ вслѣдъ.»

«— Левъ! Ты не разсердился? спросила она.»

«— Разсердился? За что?»

«— По чемъ я знаю.»

«— Что ты, Богъ съ тобой!»

«— Ну такъ сядь... Или ты не хочешь?»

«Я бросился къ ея ногамъ, взялъ обѣ ея руки, и началъ цѣловать ихъ.»

«— Да сядь-же Левъ! Ну дай поглядѣть на себя...»

«Я сѣлъ.»

«— Не разлюбишь? тихо спросила Вѣра, поворачивая къ себѣ мою голову и всматриваясь въ мое лицо.—Не надоѣмъ я тебѣ?»

«— Вѣра Николавна, укоризненно покачалъ я головой, отталкивая ея руки.—Вамъ не стыдно?»

«— Ну-ну-ну..., обхватывая мои плечи торопливо проговорила Вѣра;—не буду.. прости... Не сердишься? прижимаясь ко мнѣ и заглядывая въ глаза, спрашивала она.»

«— Да развѣ можно на тебя сердится? Смѣшная ты!»

«Я тихонько, трепетной рукой обхватилъ ея талію. Вѣра слабо склонилась ко мнѣ на грудь.»

«— Вѣра! шепнулъ я ей на ухо.»

«— Что?»

«Я взялъ ее слегка за подбородокъ и приподнялъ ей голову.»

«— Можно? со страхомъ молвилъ я,—поцѣловать тебя?»

«Она вспыхнула и молча старалась скрыть свое лицо.»

«— Милая! Вѣдь я—твой женихъ, твой другъ, твоя любовь!»

«Она крѣпко сжала мою руку.»

«— Вѣдь ты любишь меня? продолжалъ я.—Вѣдь... ты... моя?»

Она быстро выпрямилась, откинулась нѣсколько назадъ, и устремила на меня блестящій взглядъ. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня къ ней, и губы ея дрогнули отъ моего страстнаго поцѣлуя.»

«*12-го Апрѣля.* Мы видались часто. Вѣра все болѣе и болѣе приводила меня въ восторгъ, привязывала къ себѣ. Чѣмъ ближе сходились мы, тѣмъ болѣе открывалъ я въ ней достоинствъ, восхищался ея золотымъ сердцемъ. Варвара Андревна ничего не подозрѣвала; мы рѣшили до времени скрывать нами отношенія. Вѣра надѣялась исподволь уговорить отца, разсчитывала на его доброту и любовь къ ней; я не противорѣчилъ, хотя плохо вѣрилъ въ возможность согласія Николая Андреевича и въ его родительскія чувства. Но вотъ слѣдствіе мое стало приходить къ концу, и мучительное безпокойство овладѣло мной; предстоящая разлука, какъ тяжелый призракъ, начала преслѣдовать меня, змѣей закрадывалась въ душу. «Мѣсяцъ слишкомъ не видѣть Вѣры!» съ ужасомъ думалъ я. «Когда я дня не могу пробыть безъ нея!»—и холодомъ при этомъ обдавало меня, и словно въ агоніи билась моя истерзанная мысль.»

«Въ довершеніе всего, незадолго до моего отъѣзда, когда въ свиданіяхъ съ Вѣрой я, какъ скупецъ, дрожалъ надъ каждой лишней минутой, Шестовъ пожаловалъ развлекать насъ

своимъ пошлымъ фразерствомъ! «Чортъ-бы тебя побралъ!» бѣшено вскричалъ я, увидя спускавшуюся съ террассы его лакированную фигуру. Именно тебя-то намъ и нужно!» Вѣрѣ посѣщеніе это тоже было крайне непріятно; но дѣлать было нечего: приходилось маскироваться, потому что Шестовъ, при всей своей глупости, могъ что-нибудь да и замѣтить. Вечеръ конечно прошелъ вяло; и я и Вѣра были какъ на иголкахъ; только передъ чаемъ Варвара Андреевна, сама того не подозрѣвая, нѣсколько выручила насъ. Она задала Шестову какой-то вопросъ, на который тотъ и поспѣшилъ разговориться, по обыкновенію весьма пространственно. Вѣра тотчасъ-же воспользовалась этимъ и вышла въ садъ,—я за ней.»

«—Ангелъ мой! какъ безумный обнялъ я ее.—Принесла нелегкая этого урода! Минутки не дадутъ побыть съ тобой! Ну поцѣлуй-же!.. Еще!»

«—Лёва, ты придешь завтра? спросила Вѣра, лаская меня.»

«—Въ рощу?»

«—Нѣтъ, къ намъ... Некуда тётку спровадить...»

«—Замѣтятъ, дружокъ; часто будетъ.»

«Она задумалась.»

«—Знаешь что, Вѣра: я не могу выносить нашего теперешняго положенія... Я какъ подумаю что разстанусь съ тобой на цѣлый мѣсяцъ,—такъ сердце и замретъ.»

«—А мнѣ, думаешь, легче? грустно возразила она. — Я вѣдь не буду знать куда дѣться съ тоски!»

«Вѣра обхватила мою шею и прижалась щекой къ моей груди.»

«—Я-бы думалъ, дружокъ, открыться твоему отцу...»

«—Что ты! какъ это можно! воскликнула Вѣра, быстро поднимая голову.—Теперь отецъ тебѣ откажетъ, и мы болѣе не свидимся! Ты съ ума сошелъ!»

«—Откажетъ,—мы обвѣнчаемся тайно; тогда больше нечего дѣлать.»

«—Я сказала тебѣ: покамѣстъ надо молчать и ждать... хоть до моего совершеннолѣтія.»

«—Легко сказать: ждать! Можетъ быть цѣлый мѣсяцъ!»

«—Потерпимъ;—потóмъ хорошо будетъ.»

«—Да вѣдь конецъ-то въ обоихъ случаяхъ тотъ-же!»

«—Неизвѣстно... папа меня любитъ, исподволь можетъ я и уговорю его.»

«Я усмѣхнулся.»

«—Извини меня, Вѣра, но отецъ твой привязанъ только къ деньгамъ да къ своему знатному происхожденію!»

«—Ошибаешься, Левъ; ты говоришь такъ потому, что его не любишь.»

«Я пожалъ плечами.»

«Послушай, дружокъ, продолжала Вѣра, — отчего-же не попытаться? Согласіе его мнѣ нужно: во первыхъ потому что я не желала-бы огорчать его...»

«—Это я понимаю и уважаю.»

«—Во вторыхъ: что-бы не явиться къ тебѣ нищей, такъ какъ, возстановивъ его противъ себя, я лишусь всего.»

«—О какомъ ты все вздорѣ говоришь, Вѣра!

«—Нѣтъ, милый, не вздоръ это. У тебя немного, такъ не мѣшаетъ чтобы жена хоть что нибудь принесла въ приданое.»

«—Вѣра, ты меня сердишь! Я говорю что люблю тебя какъ безумный, жить безъ тебя не могу, а ты о приданомъ толкуешь! Не надо мнѣ его!.. Или быть можетъ тебѣ тяжелы покажутся лишенія?»

«—Вотъ какъ ты понимаешь меня, Лёва! грустно покачала она головой.—Все для тебя перенесу, мой милый, отъ всего откажусь!.. Ничего мнѣ не нужно кромѣ твоей любви!.. Если я и желаю получить что-нибудь отъ отца, такъ только для того, чтобы меньше пришлось тебѣ трудиться. Вѣдь это было-бы для меня наслажденіе доставить тебѣ лишнія средства къ жизни!»

«Голоса Варвары Андреевны и Шестова послышались на террассѣ.»

«—Ну поцѣлуй... скорѣй! торопливо проговорила Вѣра.—Я уйду. Спросятъ: скажи что не знаешь гдѣ я.»

«Она страстно обняла меня и скрылась въ кустахъ.»

«15-го Апрѣля. Вѣра таки ухитрилась сократить срокъ пребыванія своего въ деревнѣ; дней черезъ десять послѣ моего отъѣзда она притворилась больной, и Николай Андреевичъ, чтобы не приглашать доктора за тридцать верстъ, а слѣдовательно платить дороже, перевезъ дочь въ городъ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, я поспѣшилъ къ Голубицкимъ; на вопросы мои о новостяхъ, Вѣра отвѣчала что никакихъ нѣтъ, и только вскользь замѣтила о Шестовѣ, что въ мое отсутствіе онъ два раза былъ въ Чашникахъ. Но съ меня этого было достаточно: сердце забило тревогу, прежняя возня снова поднялась въ моей душѣ. На бѣду Варвара Андреевна, къ которой я имѣлъ глупость обратиться за разъясненіями, пустилась расхваливать Шестова, что «какой онъ красивый да добрый, домъ какъ полная чаша, въ усадьбѣ хлѣбъ всегда самъ-десять родится, что Вѣрочкѣ жениха лучше и нарочно не выдумаешь; да кажется и она сама имъ призанялась, потому что вотъ ужъ недѣли съ двѣ какъ все груститъ и ничѣмъ почти не занимается.» Сгоряча я конечно всему повѣрилъ и, увлекаясь нелѣпой ревностью, былъ такъ простъ и недальновиденъ что не позаботился даже размыслить хотя немного надъ характеромъ Вѣры, припомнить все ея поведеніе со мной. Вставъ однажды на ложную точку, я всякую мелочь объяснялъ уже по своему. Мысль: что Вѣра измѣнилась гвоздемъ засѣла мнѣ въ голову. «Она вникла въ свое положеніе» разсуждалъ я.—«Поняла что поступила опрометчиво, захотѣвъ связать свою жизнь съ моей, трудовой и непривлекательной, взявъ на себя роль, которая ей не подъ силу. Да и въ самомъ дѣлѣ что̀ ждетъ её? Сначала борьба, волненія и безпокойство, вѣроятная ссора съ отцомъ, лишеніе наслѣдства; потомъ, вмѣсто удобствъ и

комфорта, тяжелая, полная заботъ, жизнь, можетъ-быть бѣдность... Бракъ-же съ Шестовымъ не только устраняетъ все это, но даже улучшаетъ ея теперешнее положеніе... Все это я понимаю», продолжалъ я свои умствованія «такъ зачѣмъ же хитрить? Отчего тотчасъ не сознаться въ перемѣнѣ своихъ взглядовъ, не сказать всю правду открыто и прямо?»

«Бѣдной Вѣрѣ, конечно, не прошли даромъ эти фантазіи моего разстроеннаго воображенія: мучая себя—я мучилъ и ее, дѣлалъ ей сцены. Она только отмалчивалась, ухаживала за мной по прежнему, и послѣ всякой моей новой выходки говорила: «придетъ время, Левъ, и ты сознаешься что былъ неправъ, незаслуженно обвиняя свою Вѣру.

«Сознаніе это не замедлило пробудиться во мнѣ, и вотъ по какому случаю: вернувшись изъ служебной поѣздки, продолжавшейся нѣсколько дней, я посѣтилъ Голубицкихъ. Приняли меня какъ-то странно: Николай Андреевичъ былъ надутъ и сердитъ, Варвара Андреевна и Вѣра молчаливы и словно чѣмъ-то смущены. «Что за притча?» спрашивалъ я себя.—«Всѣ какъ въ воду окунутые!» и все надѣялся что въ восемь часовъ, когда клубъ призываетъ къ себѣ своихъ обычныхъ посѣтителей, мнѣ разрѣшатъ эту загадку. Но Голубицкій не только не собирался, а даже довольно рѣзко объявилъ, что сегодня весь вечеръ проведетъ дома, какъ-будто намекая этимъ: «что тебѣ, дружокъ, здѣсь дѣлать нечего,—проваливай-ка домой!» Эту догадку подтверждалъ и взглядъ Вѣры, брошенный на меня; скрѣпя сердце, я проглотилъ недопитый стаканъ чая и поспѣшилъ откланяться. Въ передней, надѣвая пальто и вынимая изъ кармана шарфъ, я ощупалъ какую-то сложенную бумажку; выйдя на лѣстницу, я развернулъ ее и при свѣтѣ фонаря прочелъ слѣдующее, написанное на-скоро карандашемъ:»

„Будь завтра у обѣдни въ соборѣ; отыщи тётку,— она тебѣ
„все разскажетъ. Скрываться нечего,— ей всѣ извѣстно.„

«*В.*»

«— Что у васъ такое случилось? спросилъ я на слѣдующій день, подходя по окончаніи службы, къ Варварѣ Андреевнѣ.»

«— Ужъ лучше и не говорите! Братецъ такой содомъ поднялъ, что хоть вонъ изъ дома бѣги... и мнѣ, старухѣ, досталось!»

«Мы дошли до бульвара и сѣли на скамейку.»

«— Я вѣдь ничего и не знала, охала Варвара Андреевна,—про любовь-то вашу; племянница третьёго дни только все мнѣ разсказала... Ужъ вы извините меня, Левъ Сергѣичъ, что я прежде досаждала вамъ этимъ Шестовымъ,—ну да вѣдь я ничего про ваши дѣла не знала... тоже по своему глупому разуму Вѣрочку пристроить хотѣлось. Житье-то вѣдь ея не сахарное, проговорила она таинственно и оглядываясь,—братецъ-то у насъ крутенекъ; вы не смотрите на то что она весела,—скрываетъ,—я-то знаю. Самолюбива Вѣра, ну да и Николая Андреича бережетъ,—извѣстно отецъ. Какъ вы уѣхали, она и затосковала; мнѣ и покажись, что Шестовъ ей нравится, а на повѣрку-то вышло что это она по васъ скучала... А вы чѣмъ не женихъ? Что капиталовъ большихъ нѣтъ,—такъ вы еще молоды—наживете... по моему такъ съ Богомъ! Ну ужъ и любитъ-же васъ Вѣрочка!»

«— Да что-же у васъ случилось такое?»

«— А я развѣ не сказала? Вотъ вѣдь заболталась!—Сидимъ мы это третьёго дни въ гостинной; входитъ къ намъ Николай Андреичъ веселый такой, изъ палаты вернулся. То, да се...,—«Вѣра, говоритъ: счастіе тебѣ привалило!» а самъ хохочетъ.—«Женишка Богъ послалъ!» Смотрю: поблѣднѣла Вѣрочка, молчитъ. «Ты что-же не поинтересуешься: кого?» спрашиваетъ братецъ. — «Мнѣ все равно, папа.» — «Какъ все равно?» закричалъ Николай Андреичъ.—Такихъ жениховъ, какъ Шестовъ, здѣсь и съ фонаремъ не сыщешь!»

— «Онъ мнѣ не нравится, голубчикъ папа!»— «Это еще что? Ужъ не влюбиться-ли изволила?»—Молчитъ. — «Не въ Алешина-ли (ужъ извините, батюшка!), которому безъ служ-

бы ѣсть будетъ нечего?» Молчитъ, только блѣднѣетъ.—«Да отвѣчай-же!» Вѣра вдругъ бухъ на колѣни: «Папочка, милый, если меня любите, позвольте мнѣ откровенно поговорить съ вами.» — «Говори!. Да прошу встать... Покорность родительской волѣ не этимъ доказывается.»—«Папа голубчикъ, я люблю Льва Сергѣича!» молвила Вѣра. Николай Андреичъ даже отскочилъ отъ нея.—«Алешина?!.. Ты, Баранъ—Голубицкая, единственная дочь богатаго отца, хочешь быть женой какого-то чиновничишка!.. Да если ты сама не образумишься — я выбью тебѣ дурь изъ головы! Это все ваша новая литература, новыя, дурацкія идеи, и пошелъ и пошелъ, крику конца не было. Потомъ сталъ уговаривать. Вѣра все слушала, словечка не проронила.—«Ну что́, правду я говорю?» спросилъ онъ наконецъ.—«Папа, послушайте теперь и меня, отвѣтила Вѣра.—Любить два раза я не умѣю... Я люблю Алешина, и всегда буду любить. Вы меня положимъ разлучите съ нимъ, но чувства моего не вырвите никогда, — я всегда останусь вѣрна ему. Сдѣлайте-же мое счастіе, на колѣняхъ умоляю васъ!.. Мнѣ ничего не нужно: ни роскоши, ни удобствъ, ни денегъ.... благословите мой выборъ!» — «Ты говоришь такъ потому, что молода, добра и глупа еще; а этотъ голякъ, думаешь, спроста за тобой увивается? Нѣтъ сударыня! Денегъ ему твоихъ нужно!.. Дуракъ-бы онъ былъ не ухаживать за хорошенькимъ личикомъ да толстымъ карманомъ!»

«Эдакой подлецъ! по себѣ судитъ!» бѣшено пробормоталъ я.»

«— Ну, Левъ Сергѣичъ, удивила меня Вѣра, продолжала Варвара Андреевна,—откуда и смѣлость взялась! Поднялась вся блѣдная, дрожитъ.—«Грѣшно, папа, такъ нападать на бѣднаго человѣка! Я знаю, что ему копѣйки вашей не надо... онъ въ чахотку себя вгонитъ да прокормитъ меня!» — «Такъ вы ужъ и объяснились? вскричалъ братецъ. — Онъ осмѣлился признаться тебѣ въ своемъ чувствѣ?» — «Да, папа.» —Тутъ ужъ и на мою долю досталось: что я ничего за племянницей не смотрѣла, даромъ хлѣбъ его ѣмъ, — ну

Богъ ему судья! Покричалъ таки не мало. — «Вотъ что я тебѣ скажу, сказалъ онъ наконецъ Вѣрѣ;—ты мнѣ дочь, а потому должна безпрекословно исполнять мои приказанія. Разговоры твои—бредъ и больше ничего; я не обращаю на нихъ вниманія. Мнѣ лучше извѣстно въ чемъ твое счастіе Объявляю тебѣ мою волю: на дняхъ Шестовъ сдѣлаетъ предложеніе,—изволь принять его.» — «Простите меня папа; я не приму его.» — «Что-о?» — «Я не буду женой Г. Шестова.»—Николай Андреичъ даже весь побагровѣлъ; ну подумала я, будетъ баталія! Съ нами крестная сила! — «Ты противъ отца вздумала идти! закричалъ онъ. — Да я тебя заставлю повиноваться, по свойски за тебя примусь; самъ подъ вѣнецъ поставлю!» — «Насильно выдать за мужъ нельзя, папа!»—Я только дивилась, слушая Вѣру; мнѣ даже страшно за нее стало; а она, правда что блѣдная, отвѣчала твердо, довольно спокойно. — «Такъ ты нейдешь за Шестова?» — «Нѣтъ, папа.» — «Ну, такъ не прогнѣвайся: я тебя въ бараній рогъ согну, а сокола твоего яснаго сплавлю отсюда... Не видать тебѣ его, какъ своихъ ушей!»

«— Отчего-же вчера меня приняли? спросилъ я.»

«— Братецъ думалъ что вы предложеніе сдѣлаете; ему обрѣзать хотѣлось васъ,—оттого и принялъ.»

«— Такъ, значитъ, въ слѣдующій разъ мнѣ откажутъ?»

«— Думаю что такъ.»

«— И я... не увижу Вѣры? спросилъ я, блѣднѣя.»

«— Левъ Сергѣичъ! жаль мнѣ васъ, батюшка; человѣкъ вы добрый, хорошій... да и Вѣрочка васъ любитъ; что дѣлать—потерпите... Авось Богъ и смилостивится надъ вами!»

«— Когда это еще будетъ, Варвара Андреевна! Я вѣдь минуты безъ Вѣры пробыть не могу — поймите вы меня! внѣ себя воскликнулъ я.»

«— Знаю, знаю... Понимаю, какъ тяжело вамъ будетъ уѣхать отсюда... да и Вѣрочка истоскуется.»

«— Какъ уѣхать? Это еще что?»

«— Я вѣдь вамъ говорила что братецъ обѣщался...»

«— Да я это за бахвальство принялъ!»

«— Нѣтъ, Левъ Сергѣичъ; Николай Андреичъ настоитъ на своемъ: вынуритъ онъ васъ.»

«— Съ какого-же права?»

«— Попроситъ губернатора, тотъ кого тамъ нужно,—ну и переведутъ; я вѣдь этихъ дѣлъ не понимаю, ужъ Вѣрочка объяснила мнѣ.»

«Меня словно ледяной водой окатили. «Переведутъ да и вся недолга! Для пользы службы, скажутъ; что тутъ подѣлаешь!»

«— Милая Варвара Андревна! Умоляю васъ... если это случится, доставьте мнѣ возможность хоть проститься съ Вѣрой!»

«Старуха даже руками замахала.»

«— Что̀ вы, Левъ Сергѣичъ! Да какъ это можно! Николай Андреичъ меня со свѣту сгонитъ, коли узнаетъ!»

«— Не узнаетъ онъ, Варвара Андреевна; пожалѣйте хоть Вѣру, упрашивалъ я.—Что́ вамъ ее въ чахотку что-ли вогнать хочется?»

«— Оборони Господи!»

«— Ну такъ помогите намъ. Вѣдь она моя невѣста, Варвара Андревна!»

«— Какъ-же это сдѣлать?.. Страшно вѣдь, батюшка!»

«— Вы только позвольте Вѣрѣ выйти въ садъ, что у дома, когда Николай Андреичъ уѣдетъ.»

«— А какъ люди увидятъ?»

«— Вѣра ужъ устроитъ.»

«— А узнаетъ-то она какъ?»

«— Это мое дѣло.»

«Задумалась старуха. Ей и помочь-то намъ хотѣлось, да и въ бѣду боялась попасться. Я все упрашивалъ и успокоивалъ ее.»

«— Ну, тамъ увидимъ; можно будетъ—сдѣлаю. А теперь, прощайте. Богу молитесь да Вѣру не забывайте — стоитъ она этого... Что́ она изъ-за васъ теперь терпитъ!»

«Варвара Андреевна была права: въ слѣдующій разъ у Голубицкихъ меня не приняли. Въ невыразимой тоскѣ шелъ я отъ ихъ крыльца, припоминалъ счастливое прошлое, а сердце болѣло и ныло. Машинально взглянулъ я на знакомыя окна,—и вдругъ... о блаженство! показался знакомый обликъ... Вѣра, моя милая, дорогая Вѣра посылала поцѣлуй и крестила меня! Я все забылъ въ эту минуту: и ударъ, постигшій меня, и предстоявшую тяжкую разлуку, и неизвѣстность своей судьбы, и душевную боль... Глаза мои приковались къ явившемуся мнѣ милому образу, сердце стремилось къ нему. Дорого далъ-бы я въ эту минуту, чтобы только сказать Вѣрѣ одно слово, услышать ея голосъ! Какъ жестоко бранилъ я себя за свои глупыя подозрѣнія, за ту непростительную жесткость, съ которою ихъ высказывалъ!»

«Что дѣлать теперь?» мучительно спрашивалъ я себя; домъ Голубицкихъ для меня закрытъ; скоро состоится вѣроятно мой переводъ, и Богъ еще знаетъ въ какую губернію; связь моя съ Вѣрой порвется, а съ нею и надежды на счастіе! Боже мой, Боже мой! Видно и въ настоящую минуту процвѣтаетъ еще родительскій деспотизмъ! Видно и теперь, какъ въ доброе старое время, можно безнаказанно губить счастіе, можетъ-быть даже жизнь молодой силы, въ угодность разсчету, алчности и отжившимъ предразсудкамъ! И что противоставить этому произволу, на сторонѣ котораго законъ, обычай, отсутствіе всякаго контроля?.. Вѣра отказала Шестову,—ее заперли, разлучили со мной, можетъ быть на вѣкъ! Мало того что ее уничтожили нравственно,—надъ ней тяготѣетъ теперь гнѣвъ отца, грубый деспотизмъ, лишеніе свободы. Она будетъ протестовать.... но что значатъ ея протесты! Ихъ такъ легко, обстановивъ надлежащимъ образомъ, представить въ видѣ неповиновенія, испорченности сердца и. т. п. Да и кто услышитъ ихъ? Просьбы и вопли разбитой жизни замрутъ въ четырехъ стѣнахъ отцовскаго дома, а горькія слёзы скроетъ ночь, поглотитъ подушка!»

«Гдѣ-же исходъ? Неужели его нѣтъ? Неужели-же двѣ молодыя жизни, стремящіяся соединиться, жаждущія счастія, должны отъ него отказаться, преклониться передъ произволомъ одного человѣка, потому только что онъ отецъ, что на его сторонѣ сила?»

«Вѣнчаться тайно?... Но какъ вырвется Вѣра изъ отцовскаго дома? какъ доберется до того города, куда меня переведутъ? Она несовершеннолѣтняя, ее могутъ вернуть, и снова отдать въ распоряженіе отца. Что-же выйдетъ изъ этого? Огласка, еще худшая домашняя жизнь и горечь неудачи!»

«Такъ говоритъ разсудокъ; такъ смотритъ онъ на результатъ этой мѣры; а сердце между тѣмъ ноетъ, рвется въ завѣтную даль, и живымъ ключемъ бьютъ молодыя силы, стремясь разорвать тяготѣющія на нихъ цѣпи...»

«Противъ просьбы Голубицкаго предпринять я ничего не могъ; протекціи въ министерствѣ у меня не было, а чиновничьей плетью губернаторскаго обуха не перешибешь. Оставалось одно: запастись кротостію агнца, и молча преклонить на время свою выю передъ сильными міра сего!»

«Я надѣялся на Вѣру, на ея любовь, энергію и находчивость. Но надо было ждать, шесть недѣль оставалось еще до совершеннолѣтія Вѣры, почти два мѣсяца мученій, томительной тоски и тревожныхъ ожиданій... можетъ-быть безплодныхъ!»

«*17-го Апрѣля.* Видно Николай Андреевичъ съумѣлъ угодить въ чемъ нибудь губернатору, а его превосходительство недурно заручился въ министерствѣ, что меня черезъ какіе-нибудь десять дней перевели въ В., да еще телеграммой!— Впрочемъ спасибо имъ: В., отстоитъ отъ *** только на двѣсти верстъ; слѣдовательно и переѣздъ не затруднительный да и все таки поближе къ моей дорогой Вѣрѣ. Получивъ бу-

магу, я тотчасъ-же извѣстилъ Вѣру о моемъ отъѣздѣ и умолялъ ее о свиданіи. Подкупленный дворникъ передалъ мою записку и принесъ удовлетворительный отвѣтъ. Въ назначенный день, часовъ въ девять вечера, я пробрался въ садъ предсѣдательскаго дома. Ночь была темная, фонари, по провинціальному обыкновенію, не освѣщали улицъ, а только заявляли о своемъ существованіи мерцавшими во мракѣ свѣтлыми точками. Кругомъ затихало; слабый, теплый вѣтерокъ шевелилъ вершинами старинныхъ липъ; на дворѣ Голубицкихъ незамѣтно было никакого движенія. Я посмотрѣлъ на домъ: во всемъ фасадѣ только въ комнатѣ Вѣры горѣлъ огонь, да еще въ кухнѣ, на окнѣ, оплывала сальная свѣча, оставленная безъ вниманія, вѣроятно спавшей, прислугой. Прошло нѣсколько минутъ; я жадно прислушивался къ каждому звуку, къ каждому шороху. «Не придетъ!» бормоталъ я перосохшими губами, ходя взадъ и впередъ по дорожкѣ.» «Не пустили!..» Но вотъ что-то скрипнуло... точно гдѣ-то дверь отворилась.... слышны скорые шаги по песку... изъ мрака отдѣляется человѣческая фигура... Сердце замираетъ... даже дыханіе останавливается... «Вѣра!» шопотомъ восклицаю я—и черезъ секунду она въ моихъ объятіяхъ!»

«— Ангелъ мой, жизнь моя! повторялъ я, цѣлуя, какъ безумный, ея лицо, руки, платье...»

«— Лёва! милый! говорила Вѣра.—Тебя отнимаютъ у меня! и слезы дрожали въ ея глазахъ.—Но ты не разлюбишь меня? нѣтъ?.. Не забудешь меня, свою невѣсту, свою Вѣру?»

«— Могу-ли я тебя забыть, когда жить безъ тебя не могу! Въ тебѣ всѣ мои надежды, счастіе, вся жизнь! Еслибы ты знала что́ перенесъ я въ это время!»

«Мы вошли въ бесѣдку, стоявшую въ серединѣ большой, тѣнистой клумбы.»

«— Не унывай Лёва, сказала Вѣра, садясь на диванъ и обхватывая мою шею; — надѣйся на меня. Я всѣмъ пренебрегу, ото всего отрекусь; но сдержу свое слово, буду твоя.»

«— Удастся-ли тебѣ, мой ангелъ? За тобой слѣдить будутъ.»

«— Любовь изобрѣтательна,—найдетъ средство. Я исподволь да поставлю на своемъ. Вѣдь какъ ты безъ меня, такъ и я безъ тебя существовать не могу.»

«— Ахъ Вѣра, Вѣра! Еслибъ ты могла понять что́ во мнѣ происходитъ!.. Какъ знать: можетъ въ послѣдній разъ сижу я возлѣ тебя, слышу твой голосъ, цѣлую твои руки!.. Сердце обливается кровью отъ подобной мысли!»

«— Левъ! надо быть тверже. Ты меня долженъ еще поддерживать, а не предаваться отчаянію.»

«— Какая тутъ твердость, когда отрываютъ отъ сердца то что приросло къ нему, съ чѣмъ оно сжилось, безъ чего биться не можетъ! Когда на душѣ только одна скорбь, а будущее такъ ненадежно!»

«— Ты не вѣришь мнѣ? Думаешь что я измѣнить способна?.. Нѣтъ, Левъ (и глаза ея блеснули), я обѣщаніями не шучу,—я умѣю держать слово! Меня могутъ сломить, но погнуть никогда!.. Какъ мнѣ ни грустно, какъ ни страшно противиться волѣ отца, но теперь я пойду противъ него... Дурно я поступаю—знаю; за всю привязанность его ко мнѣ, за всѣ попеченія, я отравляю его спокойствіе, сокращаю можетъ быть его вѣкъ, — ужасно это! Но дѣлать нечего: ты мнѣ дороже отца, любовь моя къ тебѣ свыше силъ моихъ!»

«— Вѣра! ты сокровище, а не женщина! Клянусь тебѣ что сдѣлаю тебя счастливой! Никогда ни на одну секунду ты не раскаешься въ томъ что отдалась мнѣ...»

«Я бросился передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки и страстно глядѣлъ ей въ глаза.»

«— Ну полно-же, хорошій мой! говорила Вѣра, нагибаясь ко мнѣ и поправляя мои волосы. Встань... Я вѣрю въ счастіе, жажду его... Ты мнѣ все замѣнишь... любовь твоя успокоитъ и пригрѣетъ меня...»

«— Какъ хороша ты Вѣра! воскликнулъ я, обнимая ее и любуясь ею. — Сердце замираетъ во мнѣ когда я гляжу на тебя... красавица ты моя!»

«— Нехвали меня Лёва! возразила она мнѣ, пряча лицо на моей груди.—Ты говоришь такъ потому что любишь меня, потому что я дорога тебѣ.»

«— Да, дорога́... дороже всего на свѣтѣ! Ну поцѣлуй-же меня... горячо, страстно, какъ любишь!»

«Дрожь пробѣжала по мнѣ отъ ея поцѣлуя; въ головѣ даже помутилось.»

«— Не забудешь?.. Не разлюбишь?.. шепталъ я, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.»

«— Никогда! отвѣтила Вѣра, останавливая на мнѣ блестящій, влажный взглядъ.—Да это и невозможно!»

«— Связь наша крѣпка? не разорвутъ ее? продолжалъ я, почти задыхаясь.»

«— Ты все сомнѣваешься! укоряла она меня, а у самой лицо такъ и горѣло.»

«— Прости мой ангелъ... но вѣдь это отъ того, что я до безумія люблю тебя!»

«— Чѣмъ-же увѣрить, успокоить тебя?... Вѣдь я сказала что твоя...»

«— Но ты... не принадлежишь мнѣ!»

«— Какъ, отдавши тебѣ сердце, свою будущность, рѣшившись идти противъ отца?»

«— Да. Много это, но не всё!»

«Вѣра склонила голову на мое плечо; сердце ея забилось сильнѣе и рука ея судорожно сжала мою.»

«— А тебѣ... надо все?»

«Я только, молча, сухими губами прильнулъ къ ея щекѣ.»

«— Такъ возьми меня... и вѣрь, прошептала она чуть слышно.»

«Первымъ дѣломъ моимъ по пріѣздѣ въ В., было послать Вѣрѣ свой адресъ; комисіонеромъ моимъ остался тотъ-же дворникъ, отъ полученія красненькой сдѣлавшійся еще сердобольнѣе. Остановился я въ гостинницѣ. Первые дни прошли

въ визитахъ и представленіяхъ, въ знакомствѣ съ переданными мнѣ дѣлами. Занятій, на мою бѣду, оказалось мало; скука одолѣвала меня. Отъ нечего дѣлать я присматривался къ городу, изрѣдка посѣщалъ театръ, занимался чтеніемъ. Но все это дѣлалъ я неохотно, словно по приказанію. Я находился въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи: у меня была цѣль къ которой я стремился, но мнѣ было неизвѣстно какъ и когда достигну я её. Богъ знаетъ что лѣзло мнѣ въ голову: то тѣшилъ я себя мечтами о томъ какъ Вѣра пріѣдетъ ко мнѣ, какъ обрадуемся другъ другу, какъ не успѣемъ наговориться; предполагаемое свиданіе воспроизводилось въ моемъ воображеніи до мельчайшихъ подробностей. Вотъ подъѣхалъ экипажъ, усталыя лошади, встряхиваясь, погремливаютъ бубенчиками... Я бросаюсь къ окну... Въ коридорѣ ямщикъ спрашиваетъ: здѣсь-ли стоитъ Алешинъ?.. Съ замираніемъ сердца обращаюсь къ нему съ разспросами; «барыня какая то васъ спрашиваетъ» лѣниво отвѣчаетъ онъ. Я готовъ его обнять... Лечу, сломя голову, на крыльцо... Вѣра, закутанная, усталая бросается ко мнѣ на шею... Я выношу ее на рукахъ въ свой номеръ, сажаю на диванъ, не могу на нее наглядѣться. Обстановка моей комнатки вдругъ измѣняется: свѣтлѣе, веселѣе становится въ ней; даже пьяная рожа корридорнаго дѣлается почти привлекательной. На сердцѣ легко, отрадно, радостно... а счастія то, счастія сколько впереди!—То представлялось мнѣ что Николай Андреевичъ понялъ намѣреніе Вѣры, усилилъ за ней надзоръ, пресѣкъ ей возможность переписываться со мной... Что дворникъ измѣнилъ мнѣ, и письмо мое, вмѣсто Вѣры, снесъ Голубицкому. Ее допрашиваютъ, мучатъ,—она больна можетъ быть. — Нетолько отъѣздъ ея дѣлается невозможнымъ, — всякое сношеніе со мной становится затруднительнымъ. Надежда оставляетъ ее, она страдаетъ, падаетъ духомъ...»

«Проходятъ три недѣли; отъ Вѣры ни строчки. Мучительно ожидаю я почты, прихода письмоносца, бѣгаю самъ справляться въ контору. «Вамъ ничего нѣтъ» слышу я равнодушный отвѣтъ. «Да не замѣшалось-ли письмо куда нибудь,

не осталось-ли на рукахъ почталіона?» настаиваю я и все утѣшаю себя надеждой что можетъ и отыщется. Чиновникъ, съ недовольнымъ видомъ, перебираетъ пакеты; я слѣжу за нимъ алчущимъ взоромъ. «Сказалъ вамъ что нѣтъ» отрѣзываетъ онъ «ну и нѣтъ!» Отправляюсь домой и тоскливо начинаю ожидать слѣдующей почты, а воображеніе работаетъ да работаетъ.»

«Да, скверно жилось мнѣ въ эти дни; такъ скверно что всего и не перескажешь; надо самому пройти черезъ всѣ эти треволненія чтобы понять до какой степени можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, безпокоить человѣка всякая мелочь!»

«Наконецъ, однажды утромъ почталіонское кепи загляну-ло ко мнѣ въ дверь; я говорю кепи, потому что ни лица ни фигуры я не замѣтилъ; я разсмотрѣлъ только кожаную сумку да руку, рывшуюся въ ней. Сердце забилось. «Письмо?» спросилъ я, и почувствовалъ какъ голосъ мой задрожалъ. Рука покинула сумку и подала мнѣ конвертъ. Я взялъ его и сунулъ почталіону всю мелочь, лежавшую на столѣ;—я былъ счастливъ!»

«Бюффонъ сказалъ, что въ слогѣ отражается весь человѣкъ; правъ онъ, тысячу разъ правъ. Читая письмо Вѣры, я точно видѣлъ ее, любящую, стойкую, неподкупную... Она неразсыпалась въ увѣреніяхъ, не драпировалась своимъ чувствомъ, но оно виднѣлось изъ-за строкъ. Два слова Вѣры «я пріѣду» стоили всевозможныхъ клятвъ и обѣщаній. Въ нихъ сказывалась не самонадѣянность, не хвастовство, а страсть, сознающая свою силу. Вѣра не сомнѣвалась въ себѣ; она твердо была убѣждена, что ни просьбы отца ни обстоятельства, не поколеблютъ ея привязанности ко мнѣ, не измѣнятъ ея рѣшенія. Она писала что уже приготовляется исподволь къ отъѣзду, и надѣется вскорѣ послѣ дня своего рожденія обнять меня. «Но все таки повторяю,» прибавляла она въ концѣ «ты долженъ знать что берешь нищую, которую придется тебѣ одѣть съ ногъ до головы, потому что за исключеніемъ того что на мнѣ будетъ, что возьму въ карманъ, я все оставляю дома. Я должна буду уѣхать тайно даже

отъ тетки, такъ какъ, не смотря на любовь ея ко мнѣ, по своимъ понятіямъ она не одобрила-бы мой поступокъ, и изъ трусости выдала-бы меня отцу. Не удастся мой отъѣздъ — не отчаявайся; это будетъ только отсрочка,—жди, я все таки пріѣду. Помни что я твоя. Писать больше не стану; можно попасться и испортить все дѣло; да и о чемъ? увѣрять въ своей любви было-бы смѣшно, а утѣшать тебя въ разлукѣ—безполезно; сужу по себѣ.»

«А я еще сомнѣвался въ ея энергіи! укорялъ я себя. Нѣтъ это уже не дѣвочка, не свѣтская, неопытная барышня пишетъ! Тутъ самостоятельность, стойкость видна; сложившійся характеръ. «Толчекъ ей данъ» съ наслажденіемъ говорилъ я себѣ.—Страсть сдѣлала все это!»

«Легче стало мнѣ послѣ письма Вѣры; сомнѣніе отлетѣло и я довольно терпѣливо ожидалъ назначеннаго срока. Тутъ кстати случилась командировка; въ занятіяхъ время пошло скорѣе и я незамѣтно приблизился къ дню рожденія Вѣры.»

«*20-го Апрѣля.* Какъ памятно мнѣ 2-е Ноября! Врѣзалось оно глубоко въ моемъ сердцѣ! День этотъ былъ моимъ обновленіемъ, свѣтлою чертою, отдѣлившею мое жалкое прошедшее отъ счастливаго будущаго, къ сожалѣнію весьма краткаго!.. Я былъ на службѣ. Вдругъ сторожъ подаетъ записку.—«Отъ кого?» спрашиваю я. «Корридорный изъ гостинницы принесъ.» Трепетными руками развертываю бумажку:

„Я у тебя въ номерѣ.“

«Вѣра».

и больше ничего. Но этого было достаточно чтобы я, какъ сумашедшій, бросился вонъ изъ комнаты, чтобы чуть не бѣжалъ домой. Сердце прыгало во мнѣ; отъ радости даже духъ захватывало. «Боже, за что такое счастіе!» восклицалъ

я. «Чѣмъ заслужилъ я его!» Ахъ какъ свѣтло стало вдругъ на душѣ! Какъ весело смотрѣлъ я на все встрѣчавшееся по дорогѣ! Мнѣ казалось что все, что я вижу, приняло какой-то праздничный видъ, какъ будто сочувствуетъ моей радости.»

«Я не стану описывать нашего свиданія; оно вышло-бы слишкомъ блѣдно. Есть минуты, для которыхъ нѣтъ ни словъ, ни выраженій. Мы были у пристани; прошедшее горе, волненія, страданія перешли въ воспоминанія; даже слѣдъ ихъ, еще свѣжій, какъ будто сгладился. На сердцѣ у насъ было хорошо, покойно, легко; все окружающее освѣтилось для насъ нашимъ собственнымъ, внутреннимъ свѣтомъ, улыбнулось намъ ясной, кроткой улыбкой... Счастіе наше было такъ полно, что порою переходило въ дѣтскую, безпечную веселость. Мы говорили о нашей любви, о нашей будущности и часы летѣли, летѣли незамѣтно. Чудное было время!»

«Чрезъ нѣсколько дней совершилась наша сватьба, тихо, просто, послѣ ранней обѣдни, въ одной изъ отдаленныхъ церквей города. Кромѣ свидѣтелей да двухъ, трехъ случайныхъ богомольцевъ, при вѣнчаніи никого не было. Какъ теперь вижу я Вѣру въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, спокойную, немного задумчивую, съ строгимъ благоговѣніемъ на лицѣ. Длинный вуаль и флеръ д'оранжевый вѣнокъ казались еще бѣлѣе отъ ея темныхъ, блестящихъ волосъ; широкій утренній лучъ, прорываясь въ окно, осыпалъ золотистою пылью всю фигуру Вѣры, мягкими, прозрачными тѣнями ложился въ складки ея платья. Было что-то поэтическое, трогательно-прекрасное и въ этой горячо молившейся дѣвушкѣ и въ самомъ обрядѣ, и въ этомъ освѣщеніи... Я поддавался этому впечатлѣнію—и какое-то спокойствіе, точно затишье счастія, полная увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, тихо, неслышно вливались въ мою переполненную душу. Вѣра возлѣ меня... она моя невѣста, жена... Жена! то есть: любовница, помощница, другъ, часть меня самого!.. Она моя на вѣкъ; не оторвутъ уже ее теперь отъ меня, не видать мнѣ прежныхъ томительно-скучныхъ, скорбныхъ дней. Не сквозь слёзы улыбнется мнѣ новая жизнь, а широко распахнетъ мнѣ свои

объятія, и не ощупью, не шатаясь пойду я впередъ, а смѣло, съ свѣжими силами, съ твердою вѣрою въ будущее...»

«Съ твердою вѣрою въ будущее!.. Да развѣ можно быть увѣреннымъ въ одномъ днѣ, часѣ, минутѣ!»

«Была во мнѣ эта вѣра. Счастіе нахлынуло на меня, блаженные дни летѣли незамѣтно, полные прелести, чудной гармоніи, — и я, безумецъ, думалъ что не будетъ конца этому постоянному опьяненію, нѣтъ предѣловъ моему цвѣтистому пути!.. Но часъ пробилъ, пропасть открылась подъ моими ногами и на днѣ ея я схоронилъ и свои надежды, и силы и счастіе! Какъ горько, Боже мой!»

«*23-го Апрѣля*. Мы наняли небольшую, но чистенькую и уютную квартирку на хорошей улицѣ; убрали просто, но прилично, даже кокетливо. Какъ досадовалъ я, что средства не дозволяли мнѣ окружить роскошью, комфортомъ, мою ненаглядную Вѣру! Я готовъ былъ во всемъ отказать себѣ, лишь-бы только имѣть возможность угодить ей, предупредить малѣйшее ея желаніе. Вѣра замѣчала это, и не разъ выговаривала мнѣ; чаще всего это случалось, когда рѣчь заходила объ ея туалетѣ. Ни подъ какимъ видомъ не хотѣла она отдавать шить платье или бѣлье.»

«— Если ты не хочешь сдѣлать мнѣ непріятное, — не настаивай на этомъ, говорила она. — Я на столько выучилась, что смѣло могу не платить даромъ денегъ портнихѣ.»

«— Но ты можешь испортить матерію, ангелъ мой, и вся твоя экономія пропадетъ.»

«— Ошибаешься, Лёва; кроить я отдамъ, а шить буду съ Машей, моей горничной.»

«Съ самой сватьбы Вѣра усердно занялась хозяйствомъ. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, она отправлялась на рынокъ, потомъ сводила счеты, слѣдила за уборкой комнатъ; порядокъ и чистота были ея слабостію. Не

смотря на ея требовательность, прислуга обожала Вѣру; у нея была какая-то особенная способность вникать во все и вмѣстѣ съ тѣмъ не надоѣдать своимъ надзоромъ. Приказанія свои она отдавала мягко, ласково; многое, чтобы не безпокоить людей, дѣлала сама; замѣчанія ея были серіозны, но кротки, и никогда не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго. За мной она ухаживала какъ за ребенкомъ; такой предупредительности, такого инстинкта угадывать мои желанія— невозможно себѣ представить; въ мелочахъ даже проглядывала ея заботливость. Вѣра до такой степени изучила мой характеръ, мои привычки, что знала чѣмъ и въ какое время успокоить и развеселить меня. Когда я бывалъ дома, она все время просиживала у меня въ кабинетѣ, съ работой или книгой въ рукахъ. Во время занятій, часто клалъ я перо и любовался Вѣрой; она улыбнется, вскочитъ ко мнѣ на колѣни, обовьетъ своими ручками, горячо поцѣлуетъ и ситъ продолжать работу. Она во всѣмъ слѣдила за мной. Даже въ служебныхъ дѣлахъ ей хотѣлось чѣмъ-нибудь помогать мнѣ. Ничѣмъ, бывало такъ не обрадуешь ее какъ просьбою, провѣрить или переписать что-нибудь; весело принималась она тогда за работу и, неотрываясь, спѣшила кончить ее поскорѣе.»

«Вѣра терпѣть не могла праздности; она всегда была за дѣломъ. Я часто удивлялся какъ хватаетъ ей времени на различныя занятія.»

«— Время найдется, Лёва, коли полюбишь трудъ да создашь себѣ цѣль, которой хочешь достигнуть.»

«И цѣль эта была у нея; Вѣра поняла, что кромѣ хозяйства и заботъ о мужѣ, ей предстоитъ, можетъ быть, другое, высшее назначеніе: матери и воспитательницы. И она серіозно готовилась къ нему. Я съ тайнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за ея занятіями и съ радостію доставлялъ ей необходимыя сочиненія. Въ популярныхъ изложеніяхъ, она знакомилась съ физіологіей и анатоміей женщины, съ гигіеной, съ уходомъ и воспитаніемъ младенца. Вѣра страшилась мысли, въ данную минуту, оказаться несвѣдущей, неподготовлен-

ной, довѣрить по необходимости чужимъ людямъ своего будущаго ребенка, или сдѣлать его пробнымъ камнемъ своихъ педагогическихъ экспериментовъ. «Запасясь свѣденіями,» говорила она «я смѣлѣе, самоувѣреннѣе стану смотрѣть на все, не буду бродить въ потьмахъ, кидаясь изъ стороны въ сторону, а постараюсь только, добросовѣстно, приложить къ дѣлу выработанные мною взгляды.»

«У насъ не было медоваго мѣсяца; вся жизнь наша была только продолженіемъ перваго свиданія, непрерывнымъ рядомъ свѣтлыхъ, безмятежныхъ дней, цвѣтущею поэмою любви. Ничто не тревожило насъ, не нарушало нашего счастливаго покоя. Мы тихо неслись, отдавшись теченію, не оглядываясь назадъ, не вспоминая прошедшее...»

«Командировки мои въ уѣздъ крайне огорчали меня; тяжко было мнѣ разставаться съ Вѣрой: случалось иногда по двѣ недѣли не видать ее. Но за-то съ какимъ пріятнымъ чувствомъ, по окончаніи слѣдствія, подъѣзжалъ я къ городу, съ какимъ наслажденіемъ обнималъ свою дорогую жену, какими ласками бывалъ я привѣтствованъ! Вѣра незнала какъ успокоить меня; она суетилась, бѣгала, хлопотала. Помогала мнѣ раздѣваться, заваривала чай, заботилась объ ужинѣ; а въ промежуткахъ горячій поцѣлуй, разспросы о моемъ здоровьи, объ успѣхѣ поѣздки. Потомъ донесенія по хозяйству, отчетъ въ проведенномъ времени, и опять поцѣлуй, опять ласки...»

«Однажды, возвратясь изъ уѣзда, я былъ какъ-то особенно весело встрѣченъ Вѣрой; радость такъ и блистала на ея лицѣ. Послѣ чая, она вышла на минуту и, вернувшись, сѣла возлѣ меня, съ замѣшательствомъ перебирая что-то у себя въ карманѣ.»

«—Ты куда ходила?» спросилъ я ее.»

«—Въ спальню. — Лёвушка! ласково обратилась она ко мнѣ. — Ты не разсердишься? не обидишься? прибавила она, краснѣя.»

«—Чѣмъ?»

«—Я, не спросясь тебя, сдѣлала одну вещь.»

«—Что такое?»

«Она вынула изъ кармана конвертъ, сунула мнѣ въ руку и, обнявъ мою шею, старалась скрыть свое лицо.»

«—Деньги! воскликнулъ я, вынимая сторублевую бумажку.—Откуда?»

«—Вотъ видишь-ли... свободнаго времени у меня много... Пока ты на службѣ или въ уѣздѣ, что мнѣ дѣлать? Я и просила одну петербургскую знакомую доставить мнѣ возможность переводить въ какой нибудь журналъ. Мнѣ прислали англійскую книжку; три листа перевода я давно отослала, а вотъ и деньги.»

«Новое, невѣдомое, отрадное чувство такъ и разлилось по мнѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ взглянулъ я на Вѣру, крѣпко обнялъ ее и съ безпредѣльною нѣжностію цѣловалъ ея разгорѣвшееся личико.»

«—Такъ вотъ для чего ты занималась англійскимъ языкомъ?»

«—Да, улыбнулась она. — Я вѣдь ужъ тогда тебя любила. Мнѣ сказали что за переводы съ англійскаго дороже платятъ, — я и стала повторять. Ты трудишься, почему-же я буду сидѣть сложа руки? Ну добро-бы еще приданое какое было, а то и того нѣтъ!.. Ты вѣдь возьмешь деньги, тихо спросила она;—не захочешь огорчить свою Вѣру?»

«—И права не имѣю, мой ангелъ! Я понимаю для чего ты трудилась, какъ нетерпѣливо ждала сегодняшняго дня. Безбожно было-бы лишить тебя этой радости!»

«Нѣтъ, не умѣлъ я цѣнить какъ слѣдуетъ этой женщины! Мнѣ все кажется что я недовольно глубоко любилъ ее, не вполнѣ дѣлалъ ее счастливой... Она жила мной, однимъ мной, —и умерла, успокоивая меня, вѣрная постоянной заботливости обо мнѣ!»

«Вѣра мало выѣзжала; кругъ нашего знакомства былъ средній, небольшой; мы жили болѣе домашнею жизнью. Когда я бывалъ свободенъ, читали поочередно вслухъ, отдавая себѣ отчетъ въ прочитанномъ, причемъ, конечно, необходилось безъ споровъ. Исподволь завелся у насъ рояль, и тог-

да вечера наши стали еще полнѣе; Вѣра занялась музыкой и я могъ вполнѣ наслаждаться ея игрой. Какъ теперь вижу я мою милую жену, склонившуюся надъ нотами (она была близорука), двѣ гривки завитковъ подъ косой, бѣленькій отложной воротничекъ на темномъ шерстяномъ платьѣ, и ея стройную, округленную талію. Я гляжу на Вѣру, на ея бѣгающіе по клавишамъ тоненькіе пальцы, на слегка прищуренные глаза. Она обернется, любовно посмотритъ на меня—и мой страстный поцѣлуй прерветъ скользнувшую по ея губамъ улыбку... Блаженное время!»

«Изрѣдка посѣщали мы театръ, часто гуляли, иногда отправлялись на тройкѣ прокатиться за городъ.. Если слѣдствіе случалось неподалеку, не важное, я бралъ съ собой Вѣру, и тогда восторгамъ ея не было конца. Она радовалась возможности нѣсколько усладить мое одиночество, походить за мной, внести нѣкоторый порядокъ въ мою бивачную жизнь.»

«—Хоть немного доставлю тебѣ комфорта — и то, слава Богу! говорила она. — А то разсыльный твой и чашки къ чаю подастъ, пожалуй, немытыя!»

«*25-го Апрѣля*. Вѣра, уѣзжая изъ родительскаго дома, оставила Николаю Андреевичу письмо, въ которомъ объясняла причину своего поступка, и умоляла о прощеніи. Послѣ сватьбы она вторично обращалась къ нему съ просьбой не лишить ее благословенія на новую жизнь, забыть ея прошлое неповиновеніе; — ни на одно изъ этихъ писемъ отвѣта не послѣдовало. Молчаніе Николая Андреевича сильно огорчало Вѣру, хотя она и старалась скрыть это; но для меня, знавшаго и характеръ Вѣры и горячую привязанность ея къ отцу, безпокойство ея не могло пройти незамѣченнымъ. Я утѣшалъ Вѣру на сколько силъ хватало, старался развлекать ее. По совѣту моему она послала тайнымъ путемъ, умоляющее письмо Варварѣ Андреевнѣ, въ которомъ про-

сила увѣдомить ее объ отцѣ, о судьбѣ своихъ писемъ. Добрая старушка вскорѣ отвѣтила что Николай Андреевичъ и слышать о дочери не хочетъ, что письма ея брошены въ печь, и что ей остается одна надежда на милосердіе Господа, которому и совѣтовала молиться усерднѣе «Не пиши мнѣ больше, прибавляла Варвара Андреевна,—я и это-то письмо съ великимъ страхомъ сама снесла на почту.»

«Къ счастію, новое радостное событіе изгладило на время тяжелое впечатлѣніе, произведенное на Вѣру извѣстіями изъ родительскаго дома;—она почувствовала себя матерью.»

«—Лёва, сказала она мнѣ однажды, обнимая и цѣлуя меня;—тебѣ не скучно со мной вдвоемъ?»

«—Это что за вопросъ?»

«—Втроемъ вѣдь еще веселѣе будетъ?»

«—Ничего не понимаю. Пригласить что-ли ты кого нибудь хочешь?»

«—Не то... (она замялась). Ну, да какой-же ты, Лёва, непонятливый право!»

«—Да ты объяснись, ангелъ мой!»

«—Какъ тебѣ сказать... Ну, еслибъ у насъ ребенокъ былъ? тихо промолвила Вѣра, пряча свое покраснѣвшее лицо за мою голову.»

«Сердце такъ и замерло во мнѣ отъ этого новаго, неожиданнаго счастія. Какое-то чистое, святое чувство вдругъ охватило всего меня. Вѣра предстала мнѣ въ новомъ блескѣ, новомъ сіяніи... Между нами создавалась другая связь —тѣснѣйшая, еще болѣе прочная. Яркая картина будущаго развернулась предо мною: маленькое, красивое существо, плоть и кровь моя, на рукахъ Вѣры, счастливой матери!... А тамъ...»

«Жестко обошлась со мной судьба: отняла и сына! Тогда была-бы у меня цѣль въ жизни, святой, пріятный долгъ, который-бы привязывалъ меня къ ней. Отрадно было-бы мнѣ трудиться, зная что это необходимо для моего ребенка, не страдалъ-бы я тогда отъ сознанія своей безполезности, —напротивъ я-бы видѣлъ, что необходимъ для развитія мо-

лодой, дорогой мнѣ, силы. О, какъ я лелѣялъ-бы ее, слѣдилъ за ея постепеннымъ ростомъ! Въ воспитаніе моего сына я положилъ-бы всѣ свои знанія, все свое сердце. Въ немъ былъ-бы для меня источникъ и горя и радости!.. Я всецѣло отдался-бы этому маленькому существу, чтобы приготовить изъ него человѣка честнаго, свѣдущаго работника, полезнаго гражданина...»

«Да, мучительно думать, что все это могло-быть, и что все это разсѣялось какъ дымъ, какъ блестящій метеоръ!»

«*2-го Мая.* Нѣсколько дней не принимался я за свои записки; лѣнь и апатія нашли на меня. Да впрочемъ о чемъ и писать? Пѣсенка моего краткаго счастія спѣта, а загляды-вать снова въ будущее, надѣяться было-бы странно...»

«Спалъ я скверно; всталъ сегодня рано, и отправился бродить за городъ, такъ безъ всякой цѣли. Время, какъ нарочно, стояло чудное: солнце мягко свѣтило съ голубаго, яснаго неба; утренняя свѣжесть съ нѣгой обхватывала тѣло. Я вошелъ въ лѣсокъ и сѣлъ на крутомъ берегу рѣки; легкій, прозрачный паръ подымался съ воды и пушистыми клочьями таялъ въ воздухѣ; мелкіе кулички, съ визгомъ, перелетали съ одной отмели на другую, словно перекликаясь; въ лазоревой вышинѣ жаворонокъ заливался своею звонкою трелью. На противоположномъ берегу заботливый пахарь уже налаживалъ косулю; въ отдаленіи рыбаки закидывали неводъ, дымкомъ потянуло изъ ближайшей деревни... Жизнь была кругомъ... Великій пульсъ ея чувствовался всюду... И во мнѣ онъ бился,—но какъ?». . . . . .

. . . . . .

«И вспомнилось мнѣ недавнее, милое прошедшее. Была также весна, такъ-же кипѣла кругомъ жизнь... Но какъ будто и солнце свѣтило тогда ярче, и небо синѣло кротче, и вся природа дышала нѣгой и счастіемъ. Тогда я съ наслаж-

деніемъ вдыхалъ въ себя чудный воздухъ, неимѣлъ другаго чувства какъ сознаніе, жажду жизни, которымъ предавался весь съ какимъ-то упоеніемъ... а теперь?»

«Природа не измѣнилась; она такъ-же роскошна, такъ-же блестяща; но я-то не тотъ! Чужда мнѣ ея красота, безучастенъ я къ ней! Не живитъ меня эта жизненная теплота, эта благотворная сила! Для меня теперь это то-же что горячій лучъ солнца, нечаянно скользнувшій по остывшему лицу покойника!..»

На этомъ кончаются записки Алешина; послѣ присылки ихъ я болѣе уже не видалъ его. Онъ переведенъ былъ въ другую губернію; по собственному-ли желанію, или по распоряженію начальства—незнаю. Писемъ отъ него я неполучалъ. Что́ сталось съ этою разбитою жизнью?.. Сокрушилъ-ли её окончательно тяжелый ударъ, или время, этотъ лучшій душевный лекарь, послало бѣдному Алешину полное забвеніе прошедшаго? Дай Богъ!

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки.		Напечатано:	Должно быть:
8	сн.	10	въ прекрасномъ	въ прескверномъ
—	—	12	de mauvais	de mauvaise
19	св.	10	при своей скрытности	при всей своей скрытности
35	св.	14	Что... хорошая?	Что.. хороша я?
55	св.	12	охватила меня. Теперь,	охватила меня теперь,
67	—	14	ухватилъ	схватилъ
79	—	14	всепрожающая	всепрощающая
89	—	20	высказалась	высказывалась
96	сн.	12	посидите	погодите
—	—	4	и дѣло	а дѣло
102	св.	4	возобновлялись	возобновились
121	св.	13	На большой	На небольшой
153	сн.	8	Беновна	меновна
160	св.	5	сусществованіе	существованіе

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР.
В.И.КЛОЧКОВ
ПРОДАЖА ПОКУПК

Цѣна одинъ рубль серебромъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00023301556